

Литературно-художественный и общественно-публицистический журнал

КРАСНОДАР

литературный

Сентябрь 2022

С 1 по 2 сентября в Гомеле (Республика Беларусь) проходил XVII Международный фестиваль "Славянские литературные дожинки". Инициатором проекта является Гомельское областное отделение Союза писателей Беларуси, возглавляемое заслуженным деятелем культуры Беларуси, прозаиком и драматургом Владимиром Гавриловичем. По сложившейся традиции в делегацию, представлявшую нашу страну, вместе с литераторами из Ростовской, Тульской, Белгородской и Курской областей, городов Москвы и Санкт-Петербурга вошли члены Краснодарского регионального отделения Союза писателей России.

На торжественном открытии фестиваля председателю краснодарского творческого Союза прозаику Светлане Макаровой и поэту, члену КРО СПР Леониду Северу вручены дипломы лауреатов Международной литературной премии "Верность слову" с последующим изданием книг в Гомеле.

№ 3, СЕНТЯБРЬ 2022

Литературно-художественный и общественно-публицистический журнал

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

Краснодарское региональное отделение
Союза писателей России

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

350000, Краснодар, ул. Коммунаров, 58

Рукописи принимаются в электронном
виде (направлять на адрес:

snmakarova@mail.ru)

Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

Материалы публикуются в авторской
редакции.

За достоверность информации
ответственность несут авторы.

Их мнение может не совпадать
с точкой зрения редакции.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Николай Иванов (Москва)
Геннадий Иванов (Москва)
Сергей Шаргунов (Москва)
Василий Дворцов (Москва)
Юрий Азаров (Москва)
Александр Сегень (Москва)
Вадим Терёхин (Калуга)
Елена Пиетиляйнен (Петрозаводск)
Владимир Гаврилович (Гомель)
Валентин Папко (Краснодар)
Людмила Бирюк (Краснодар)
Николай Ивеншев (Краснодар)
Любовь Мирошникова (Краснодар)
Татьяна Немчинова (Краснодар)
Владимир Нестеренко (Краснодар)
Нина Стрижова (Краснодар)
Наталья Широбокова (Краснодар)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

С.Н. Макарова-Гриценко

ТЕХНИЧЕСКИЙ РЕДАКТОР

(компьютерная вёрстка):

В.В. Романов

ТЕХНИЧЕСКИЙ ДИРЕКТОР:

Н.Ф. Скударнов

© Краснодарское региональное отделение
Союза писателей России, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Хроника</i>	3	<i>Проза</i>	49
Елена Аулова, Ольга Немыкина	3	Василий Дворцов	49
Родники земли Кубанской		1943. Ковчег. Повесть (окончание)	
О литературном фестивале в Тихорецке		Виталий Никитин	83
Надежда Семёнова	4	Туман. Рассказ	
Презентация романа "Зенобия из рода Клеопатры" Анатолия Ильяхова		Елена Нимчук	87
Фестиваль "Берега дружбы – всегда в пути!"	5	Незабываемая Коллонтай. Рассказ	
В литературном музее Кубани		<i>Поэзия</i>	92
К годовщине памяти Виктора Лихоносова	9	Поэтическая аллея	92
О шестом Международном фестивале искусств "Степная лира"	10	Людмила Мурашова	92
		Елизавета Романова	92
		Алексей Ткаченко	93
		Никита Кривошеев	94
		Аля Карелина	94
		Евгений Рахманин	95
		Анна Пивоварова	95
<i>Новые книги</i>	11	<i>Числа и даты</i>	96
Антология современной мировой поэзии "Земля – наш общий дом"	11	Валерий Хатюшин	96
Антология современной патриотической поэзии "ПоЗыВной – Победа!"		Век "Молодой гвардии"	
Любовь Ишунькина. "Сладкий Дюк"	12	<i>Трибуна публициста</i>	101
Юрий Васин. "Серая зона Донбасса"	12	Оразшо Пояндашоев	101
<i>Литература и общество</i>	13	Стратегия информационно-психологической и кибервойны...	
Людмила Бирюк	13	<i>Семейное чтение</i>	114
Друзья кубанских ребятишек		Мария Тимкина	114
<i>Проза</i>	22	Самые счастливые минуты. Рассказ	
Алекс Старый	22	<i>Дебют</i>	116
Нурия. Новелла (часть 1)		Александр Лысенков	116
<i>Поэзия</i>	35	Душно мне в мире моём... Стихи	
Эдуард Керашев	35	Галина Забела	118
Благодарность		Про принцессу-уродину. Сказка	
Анна Токарева	41		
Трава благоуханная			
Сергей Бондарюк	45		
Небывальщина			

РОДНИКИ ЗЕМЛИ КУБАНСКОЙ

18 июня 2022 года на Тихорецкой земле прошёл седьмой литературный фестиваль "Родники земли Кубанской", организованный региональным литературным объединением севера Кубани "Родник" и центральной городской библиотекой им. М.Ю. Лермонтова, при поддержке Управления культуры Тихорецкого района, Тихорецкой центральной межпоселенческой библиотеки, Краснодарского регионального отделения Союза писателей России. В этом году фестиваль был посвящён сразу нескольким важным событиям: 85-летию Краснодарского края и 75-летию Краснодарской краевой писательской организации.

Фестиваль объединил писателей, поэтов, певцов, композиторов, библиотечных работников, издателей – всех, кто своим талантом и своим трудом связан с его Величеством Словом, всех, кто зажигает в людях негаснущую свечу надежды, пробуждает неугасимую веру в добро и справедливость. Фестиваль – это замечательная возможность для авторов заявить о себе, поделиться творческими открытиями, мыслями, что накопились в душе, с теми, кто тебя поймёт, перенять опыт мастеров. Поэтому самым главным на празднике было общение. Свои поэтические произведения, свои песни представили поэты из городов: Краснодар – ЛТО "Верность" и клуб авторской песни "Посредник", Темрюк – ЛТО "Лукоморье", адыгейский посёлок Яблоновский – ЛТО "Надежда", Новокубанск – ЛТО "Поиск", Кропоткин – ЛТО "Под сенью муз" и ЛТО "Лира", Лабинск – ЛТО "Лира", Гулькевичи – ЛТО "Ладомир", Кореновск – ЛТО "Вдохновение".

Открыли праздник директор Центральной межпоселенческой библиотеки Светлана Леонидовна Кучеревская и идейный вдохновитель фестиваля член Союза писателей России, руководитель литературно-творческого объединения севера Кубани "Родник" Генрих Николаевич Ужегов. Почётным гостем фестиваля стал член Высшего творческого совета Союза писателей России, член Союза писателей Беларуси Леонид Юрьевич Север. Он приветствовал организаторов и гостей фестиваля, поздравил всех присутствующих с возможностью встречи после долгих ограничений.

Леонид Юрьевич приехал не с пустыми руками. Он привёз сигнальный экземпляр книги поэтических переводов с символическим названием "Земля – наш общий дом", инициированной Всемирным поэтическим движением "Мир без стен" (WPM) в 2022 году. Эта книга – фундаментальный труд авторов из 46 стран. Она издана при консультационной поддержке факультета иностранных языков Таганрогского института имени А.П. Чехова – филиала Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). В неё вошли и наши авторы: от ЛТО "Родник" Ольга Немыкина (Тихорецк) и Ольга Новожилова (Краснодар); Ольга Звягина (ЛТО "Поиск", Новокубанск). Памятными юбилейными медалями были отмечены авторы, стоящие у истоков проекта "Берега Дружбы", направленного на сохранение литературного наследия на национальных языках, на возрождение общего литературного пространства; на укрепление дружбы и взаимопонимания между авторами, пишущими на родных, национальных языках, сохранившими с ним тесные связи, внёсшими значительный вклад в развитие этого движения и воспитавшими новое поколение молодых авторов-переводчиков – Генрих Николаевич Ужегов, Валентина Николаевна Богза, Ольга Немыкина, Ольга Звягина, Татьяна Прокопенко (как иллюстратор книг).

Об основных направлениях развития литературы Кубани, о новом сайте "Кубанский литератор", освещающем литературную деятельность кубанских писателей, работу литературных

объединений края, а также о роли сайта в раскрытии темы кубановедения рассказал член Правления Краснодарского регионального отделения Союза писателей России Владимир Васильевич Романов.

Ещё одним важным гостем фестиваля стала член Союза журналистов России, член Международного Союза писателей и мастеров искусств, редактор журнала народной поэзии и прозы "Мозаика Юга" Валентина Николаевна Богза, которая много сделала для продвижения творчества авторов нашего "Родника" и других литературных объединений края.

В рамках фестиваля был проведён экспресс-конкурс на лучшее произведение "Пусть говорят стихи!" По его итогам победителями конкурса стали авторы:

диплом 1-й степени – Наталья Литнок (поселок Яблоновский Республики Адыгея);

диплом 2-й степени – Николай Ксендз (Кореновск);

диплом 3-й степени – Светлана Блохина (Кореновск).

Приз зрительских симпатий завоевал поэт из Тихорецка Григорий Милентьевич Евтух.

Участники фестиваля посетили Дом писателя, где для них провели экскурсию по экспозиции литературного объединения "Родник", которое в 2022 году отмечает свой 110-летний юбилей.

Участники праздника Слова ознакомились с выставкой книг тихорецких авторов, как современных, ныне пишущих, так и тех, кто сегодня уже не с нами, но память о которых навсегда останется в наших сердцах. Гости Тихорецка посетили парк, главную площадь города им. Г.К. Жукова и аллею Славы. Из оставшихся в зале желающие имели возможность выступить перед "свободным микрофоном".

Украшением мероприятия стало выступление народного хора "Сударушка" под руководством заслуженного работника культуры Кубани Марины Кубриной, звучали песни в исполнении Людмилы Леонтьевой, Светланы Фрейн и Галины Мушкетик.

Встреча на Тихорецкой земле, добрая и радостная, помогла укрепить круг друзей и единомышленников.

Елена Аулова, заведующая отделом обслуживания

ЦГБ им. М.Ю. Лермонтова, член ЛТО "Родник".

Ольга Немыкина, член Союза писателей России, переводчик.

ПРЕЗЕНТАЦИЯ РОМАНА "ЗЕНОБИЯ ИЗ РОДА КЛЕОПАТРЫ" АНАТОЛИЯ ИЛЬЯХОВА

В Центральной городской библиотеке города Горячий Ключ 13 июля 2022 года состоялась творческая встреча с Анатолием Гавриловичем Ильяховым, членом Союза писателей России. Книги писателя, автора книг по истории и культуре античности, у наших читателей пользуются большим спросом, поскольку в них можно знакомиться с выдающимися личностями и важнейшими событиями Древней Греции и Рима. Особый интерес вызывают романы с жизнеописанием Александра Македонского и римского политического деятеля и оратора Марка Цицерона. А "Этимологический словарь. Античные корни в русском языке" Анатолия Ильяхова для многих читателей библиотеки стал открытием. Слова, которые мы привыкли считать исконно русскими, например, "день", "плетень", "семя" и другие, по определению автора, имеют античные корни. Такой же находкой для любознательного читателя является уникальная серия словарей "Античный код в деловой терминологии" по направлени-

ям и отраслям знаний: экология, право, экономика, наука, медицина и философия. В другой книге, большом сборнике афоризмов с биографиями выдающихся представителей Древней Греции под названием "Наедине с мудростью", автор собрал их высказывания, систематизировав по разным темам.

Анатолий Гаврилович представил участникам встречи другие свои книги, имеющиеся сегодня в хранилищах библиотечного фонда, поделился историями их создания. Ответил на вопросы о творческих планах, источниках писательско-

го вдохновения, работе над рукописями и тонкостях издательского дела. Читателей также интересовали другие вопросы, например, как автору удаётся реально передавать атмосферу быта древнего мира, например, где писатель находит такие нюансы, как описание кулинарных секретов старинных блюд.

Логическим продолжением обзора книг стала презентация новой книги "Зенобия из рода Клеопатры". Автор сообщил, что после романа о Цицероне внимание его привлекло сказание о Зенобии, жившей в третьем веке. Он присматривался к другим женским образам эпохи античности, но поскольку эта царица до сих пор считается национальным героем Сирии, она и стала героиней нового исторического романа. Обладая незаурядностью, почти мужским характером, силой духа и интеллектом, во имя независимости Пальмирского царства Зенобия решается бросить вызов могучей Римской империи во главе с Аврелианом. Ради достижения высокой цели героическая женщина добилась многого, хотя в итоге Фортуна подвела избранницу. Дочь шейха сирийских бедуинов Зенобия называла себя потомком знаменитой египетской царицы Клеопатры, поэтому автору пришлось доказать это читателю собственными интересными экскурсами в родословную её семьи. В итоге презентация новой книги Анатолия Ильяхова получилась живой, вызвала большой интерес участников встречи. Это даёт повод надеяться, что книга станет бестселлером в нашей библиотеке.

Историческая достоверность всех произведений Анатолия Гавриловича основана на глубоком знании материала, а художественная составляющая безупречно дополняет и обрамляет точные факты. Все участники презентации получили в подарок от писателя экземпляр книги "Зенобия из рода Клеопатры" и в дополнение – одну или две других книги с автографом автора. Сорок два экземпляра книги о Зенобии, изданной за счёт средств автора, безвозмездно переданы в фонд библиотек Горячего Ключа.

Сотрудники библиотеки искренне благодарят Ильяхова Анатолия Гавриловича за интересное погружение в мир древности и подлинной исторической литературы с надеждой на дальнейшее сотрудничество.

Надежда Семёнова,
ведущий библиотекарь Центральной городской библиотеки города Горячий Ключ.

ФЕСТИВАЛЬ "БЕРЕГА ДРУЖБЫ" – ВСЕГДА В ПУТИ!

29 июля 2022 года в районном Доме культуры им. А.В. Третьякова Неклиновского района Ростовской области состоялось торжественное открытие X Международного фестиваля национальных культур и VII Международного молодёжного фестиваля-конкурса поэзии и поэтических переводов "Берега дружбы". Эти два фестиваля уже много лет идут рука об руку, раскрывая своим участникам и гостям всё новые и новые грани национальной культуры и литературы как жителей Неклиновского района, так и народов всей нашей большой Родины России. Фестиваль такого масштаба стал ярким праздником для сотен людей и значимым культурным событием международного масштаба.

Как обычно, программа молодёжного фестиваля-конкурса, помимо финальных конкурсных слушаний была наполнена творческими встречами, поездками, дружеским живым общением. Кто-то приехал впервые, а кто-то – регулярный гость фестиваля с момента его основания. Особая атмосфера, неизменно царящая на "Берегах дружбы", вовлекает в свой круг всё новых и новых участников, чтобы не отпускать потом долгие годы. Уже в день приезда на уютной территории базы отдыха "Радуга" в хуторе Седых на берегу Миусского лимана ребята в душевной обстановке познакомились друг с другом, каждый из них прочитал своё стихотворение, задав особый ритм мероприятию и создав предпразд-

ничное настроение. Из 140 молодых поэтов, подавших заявки на участие в конкурсе поэзии и поэтических переводов, 90 стали финалистами, а 60 смогли приехать для участия в конкурсном прослушивании. Поддержать молодых поэтов и поделиться опытом и мастерством приехали 30 наставников.

А в Таганроге в этот вечер также звучали тёплые слова приветствий – на первую неформальную встречу собрались члены Компетентного жюри. Среди них: Василий Владимирович Дворцов (г. Москва, РФ) – Генеральный директор Союза писателей России, заместитель председателя Союза писателей России по молодёжной политике, член Высшего творческого совета Союза писателей Союзного Государства Россия-Беларусь; Валерий Анатольевич Латынин (г. Москва, РФ) – Председатель Совета

по национальным литературам Союза писателей России; Владимир Николаевич Гаврилович (г. Гомель, РБ) – член Президиума Союза писателей Беларуси, член Правления Союза писателей Союзного Государства Россия-Беларусь, Председатель Гомельского областного отделения Союза писателей Беларуси, член Союза журналистов Беларуси; Вадим Фёдорович Терёхин (г. Калуга, РФ) – Сопредседатель Союза писателей России, член Совета клуба православных писателей имени святителя Иоанна Златоуста под патронатом Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, Председатель

Калужского областного отделения Союза писателей России, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств; Светлана Николаевна Макарова (г. Краснодар, РФ) – Секретарь Союза писателей России по Южному и Северо-Кавказскому федеральным округам, член Высшего творческого совета Союза писателей Союзного Государства Россия-Беларусь, Председатель Краснодарского краевого отделения Союза писателей России, главный редактор журнала "Краснодар литературный".

Утром 29 июля молодые поэты, финалисты конкурса поэзии и поэтических переводов, приняли участие в закрытии седьмого международного автопробега в рамках Ростовского регионального патриотического общественного движения "Дороги Славы – наша история" и прикоснулись к памяти о грозных и трагических событиях военных лет в Народном военно-историческом музейном комплексе Великой Отечественной войны "Самбекские высоты". Финалисты фестиваля и участники автопробега возложили цветы в знак памяти и преклонения перед самоотверженным подвигом советских воинов и приняли участие в семинаре "Мир без фашизма!", на котором его почётные гости – В.В. Дворцов, В.Н. Гаврилович и Л.Х. Шогенцуков – поделились с молодёжью своими взглядами на патриотическое воспитание молодых.

Во второй половине дня финалистов, наставников, членов жюри и почётных гостей фестиваля "Берега дружбы" принял в свои объятия яркий и колоритный праздник национальных культур. Он давно стал традиционным и одинаково полюбился как местным жителям, так и гостям района. 18 сельских поселений Неклиновского района представляли национальную культуру 18-ти народов, издавна проживающих здесь, у тёплого южного моря, в дружбе и согласии с русскими соседями. У каждой тематической площадки можно было наблюдать настоящее театральное действо, участники в национальных костюмах приглашали отведать угощения и познакомиться с традициями своего народа. Дух единения витал над площадью, наполняя сердца людей радостью, теплом и светом. Перед входом в РДК почётных гостей, торжественно прошедших под государственным флагом Российской Федерации, встретили по-русски хлебом-солью. В фойе и дискозале РДК межпоселенческой центральной библиотекой были подготовлены литературные выставки семи именных библиотек Неклиновского района.

Затем в зрительном зале Дома культуры состоялось долгожданное событие, собравшее на Неклиновской земле представителей из 27 регионов и республик РФ, а также из стран ближнего зарубежья – открытие VII Международного молодёжного фестиваля-конкурса поэзии и поэтических переводов "Берега дружбы".

На празднике присутствовали члены Правительства и Законодательного собрания Ростовской области, руководители национально-культурных автономий Ростовской области, руководители вузов Таганрога и Краснодара, гости фестиваля.

Открыл фестиваль глава администрации Неклиновского района В.Ф. Даниленко. Он поблагодарил создателя и идейного вдохновителя фестиваля "Берега дружбы" Л.Ю. Севера за личный вклад в развитие этого поэтического конкурса и в культуру Неклиновского района в целом.

С приветственным словом к присутствующим обратился председатель жюри фестиваля В.В. Дворцов. Он отметил, что за 10 лет в районе проделана огромная работа по развитию литературных традиций, по результатам которой 17 мая 2022 года, в преддверии Дней славянской культуры и письменности, секретариатом Союза писателей России было принято решение о присвоении Неклиновскому району почётного звания – "Литературный район России". На главной сцене атрибуты этого почётного звания (флаг и удостоверяющий документ) принял глава администрации Неклиновского района В.Ф. Даниленко. В свою очередь, В.Н. Гаврилович вручил главе администрации Неклиновского района памятную медаль "Кірыла Тураўскі. Асветнік. За ўклад у літаратуру".

Традиционная церемония на открытии фестиваля – зажжение свечей дружбы. В этом году от большой общей свечи Русского мира зажгли каждый свою свечу и на своём родном языке пожелали доброго пути фестивалю представители национально-культурных автономий Ростовской области (белорусской, украинской, азербайджанской, немецкой, польской, армянской, греческой, грузинской, киргизской, корейской), карачаево-балкарского братства, участники фестиваля из Донецкой и Луганской народных республик; Приднестровской Молдавской Республики, Республики Южная Осетия, национально-автономных территорий РФ: Северной Осетии, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Калмыкии, а также Хакасии.

Вниманию собравшихся была представлена изданная к 85-летию юбилею Ростовской области антология современной мировой поэзии "Земля – наш общий дом", написанная на русском языке членами президиума, наставниками и лауреатами "Берегов дружбы" прошлых лет. Автор идеи и генеральный учредитель данного проекта – сопредседатель Союза писателей России, Континентальный координатор WPM по Азии и Европе В.Ф. Терёхин. Это большая коллективная книга, в которой представлено творчество 46 современных поэтов из 26 стран, среди них – кубанские литераторы Ольга Немыкина (Тихорецк), Ольга Новожилова (Краснодар), Ольга Звягина (Новокубанск).

30 июля в Донской государственной публичной библиотеке состоялись финальные слушания, где жюри оценивало мастерство финалистов поэтического конкурса. На суд жюри участники представили свои стихотворения и переводы. Прозвучали произведения на русском, белорусском, армянском, ингушском, осетинском и хакасском языках. Многие конкурсанты очень волновались, но доброжелательная обстановка и поддержка товарищей помогли им справиться с волнением, и все выступили достойно. В представленных на конкурс работах были затронуты самые разные темы: поиск себя в этом мире, любовь к Родине, память о героях войны, личные переживания. Выступления были яркими и эмоциональными – каждое чем-то запомнилось. По окончании конкурсного прослушивания на площадке перед библиотекой состоялся "Свободный микрофон", в рамках которого молодые поэты порадовали своим творчеством гостей и жителей Ростова-на-Дону.

– Нигде нет такой атмосферы, как здесь. Мы приезжаем сюда отдохнуть душой. Сидим до трёх часов ночи, что-то обсуждаем, чем-то делимся – с этими людьми всегда есть о чём поговорить, – поделилась с корреспондентом газеты "Наше время" Анна Бабцева, финалистка из ДНР. Многие участники-береговцы признаются, что приезжают на фестиваль из года в год не столько ради победы в конкурсе, сколько ради новых встреч и творческого взаимодействия.

Здесь же, в выставочном зале Донской государственной публичной библиотеки, состоялось ещё одно значимое событие фестиваля – презентация книги "Земля – наш общий дом", в которой приняли участие присутствующие авторы стихов и переводов. Они рассказали о своей порою не простой, но такой увлекательной работе. Были сказаны слова благодарности в адрес коллектива Таганрогского института имени А.П. Чехова. Именно благодаря консультативной поддержке факультета иностранных языков и лично директора института А.Ю. Голобородько эта книга увидела свет и рекомендована для применения в учебном процессе среднего общеобразовательного звена, а также в учебном и исследовательском процессах высшей школы. Выступая перед собравшимися, В.В. Дворцов отметил, что антология современной поэзии "Земля – наш общий дом" могла и должна была родиться в рамках

фестиваля "Берега дружбы" – уникального проекта, объединяющего языки разных народов – славянских, тюркских, угорских... Эта книга стала наглядным подтверждением того, что люди понимают, слышат и чувствуют друг друга, и именно поэзия является миротворческой силой. Запланировано, что антология будет разрастаться и дальше. В настоящее время в Республике Беларусь готовится издание на белорусском языке. В завершение презентации экземпляра антологии современной поэзии "Земля – наш общий дом" был передан Донской государственной публичной библиотеке.

По пути из Ростова-на-Дону к месту проживания всех береговцев ожидала встреча с прекрасным, можно сказать, изначальным местом Юга России. Экскурсия по археологическому музею-заповеднику "Танаис" стала прекрасным аккордом, завершающим этот полный волнений день.

Вечером жюри подвело итог молодёжного конкурса поэзии и поэтических переводов. **Звание обладателя Гран-При фестиваля присуждено** Салаевой Саиде Эльдар кызы (Саида Субхи), г. Баку, Республика Азербайджан.

Лауреаты первой степени: Нестеренко Дмитрий, (г. Новомосковск, Тульская область, Россия), Гассиева Анна (г. Цхинвал, Республика Южная Осетия), Рытик Алина (г. Гомель, Республика Беларусь).

Среди лауреатов II степени наша землячка Кириченко Екатерина (г. Новокубанск). Специальными дипломами жюри в номинации "Поэзия" им. В.А. Динеки отмечены Лопатина Ольга, (г. Армавир, Краснодарский край), Минухова Александра и Пивоварова Анна (г. Краснодар).

Среди награждённых специальными дипломами в номинации "Поэтический перевод" им. В.Е. Сорочкина-Шутёмов Алексей (г. Краснодар), а также Бадалян Марина (г. Новокубанск, Краснодарский край).

В воскресенье, 31 июля, в четырёх именных библиотеках Неклиновского района состоялись творческие встречи читательского актива, членов президиума и гостей фестиваля под общим названием "Этноперекрёсток". Утром того же дня все финалисты и наставники посетили интерактивный музей "Самбекские высоты", а вечером на открытой площадке в парке имени Горького состоялась церемония закрытия Международного молодёжного фестиваля-конкурса поэзии и поэтических переводов "Берега дружбы". Члены президиума и жюри торжественно вручили дипломы лауреатам и дипломантам конкурса и поздравили их с заслуженной победой. Наставники и сподвижники фестиваля были удостоены юбилейной медали ""Берега дружбы" – 10 лет творческого развития". Леониду Юрьевичу Северу и Ольге Игоревне Сафроновой были вручены учреждённые Союзом писателей России и журналом "Бийский вестник" медали "Василий Шукшин".

С открытой сцены в адрес президиума, жюри, почётных гостей, наставников и конкурсантов прозвучало много тёплых слов и пожеланий! Украсили праздник коллективы Дома культуры и сельских поселений Неклиновского района. В качестве подарка для белорусской делегации прозвучала новая авторская песня Михаила Шинкарёва и Леонида Севера о белорусском городе Гомеле.

В завершение праздничного мероприятия на сцену были приглашены организаторы и идейные вдохновители фестиваля – супруги Север. Национальным Артистическим комитетом России Леонид Юрьевич был награждён золотым орденом "Во благо России" – за высокое профессиональное мастерство и самоотверженную работу, утверждение принципов созидания, нравственности и патриотизма. Ирина Николаевна – золотой медалью с присвоением почётного звания "Лауреат Артиады народов России" за многолетнюю плодотворную подвижническую деятельность, личный вклад в сохранение самобытности и достоинства народов России, утверждение высоких Артистических идеалов красоты и

доброты. Вклад участников и организаторов фестиваля в сплочение и дружбу народов невозможно переоценить.

С 1 по 3 августа 27 молодых поэтов-переводчиков из числа финалистов, лауреатов и дипломантов конкурса прошли обучение во "Всероссийской открытой школе поэтического перевода". Ещё 18 слушателей участвовали в работе школы в онлайн режиме. Занятия проходили в конференц-зале Народного военно-исторического музейного комплекса Великой Отечественной войны "Самбекские высоты" на основе программы дополнительного образования "Специфика перевода художественного текста" (доцент Т.Г. Кликушина), разработанной в Таганрогском институте имени А.П.Чехова.

В день открытия школы в режиме онлайн трансляции к слушателям обратилась Лариса Алексеевна Бекрешева, старший преподаватель английского языка Луганского государственного университета имени Владимира Даля, наш неизменный друг и преподаватель школы переводов в рамках культурного проекта "Берега дружбы" с 2019 по 2021 годы. Она пожелала слушателям хорошей творческой работы и прочла краткую лекцию об основах художественного перевода.

Поэтом-переводчиком, членом жюри Ю.Н.Щербаковым (г. Астрахань) был прочитан полный курс лекций в соответствии с программой. Под руководством поэта-переводчика О.И. Сафроновой были выполнены практические упражнения по взаимному анализу текстов и переводов, составлению качественных подстрочников, вживанию в сюжет, предложенный автором. Всем онлайн-участникам задания для практических занятий были высланы заранее, что помогло им активно участвовать в работе.

Вечером 3 августа на открытой площадке базы отдыха "Радуга" (х. Седых Неклиновского района) основатель "Берегов дружбы" Л.Ю. Север и преподаватели открытой школы переводов Ю.Н. Щербаков и О.И. Сафронова вручили слушателям "Всероссийской открытой школы поэтического перевода" сертификаты установленного образца о прослушанном курсе дополнительного образования. В подарок от О.И. Сафроновой каждый получил книгу "Здесь жили Чеховы" – поэму о памятных чеховских местах Таганрога. Вручение проходило под развёрнутым флагом "Литературный район России".

За дни фестивальных событий и особенно за дни учёбы в открытой школе переводов преподаватели и слушатели стали буквально родными людьми. От "Берегов" до "Берегов" творческие связи не прерываются, объединяя под своим крылом всё новых и новых участников, укрепляя дружбу и единение культуры и литературы всё новых и новых народов.

Фестиваль "Берега дружбы" не стоит на месте – он всегда в пути!

СОБИНФО

В ЛИТЕРАТУРНОМ МУЗЕЕ КУБАНИ

В День памяти писателя В.И. Лихоносова в отделе Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника имени Е.Д. Фелицина "Литературный музей Кубани" состоялось

мероприятие "Лирическая душа прозаика". Классик русской литературы, любимый писатель миллионов читателей ушёл из жизни год назад – 9 августа 2021 года.

Гости музея поделились воспоминаниями о встречах и дружбе с Виктором Лихоносовым. Татьяна Немчинова рассказала о писателе, как о человеке и общественном деятеле. Татьяна Василевская представила уникальные видео- и фотоархивы, неопубликованные рукописи Виктора Лихоносова, а также поделилась опытом своей издательской деятельности по популяризации наследия прозаика. Народным истокам в творчестве Лихоносова, его отношению к матери, родному дому и Кубани было посвящено выступление Миры Михайловны Гукасовой. О популяризации творчества Виктора Лихоносова на экскурсионных маршрутах по Краснодару и лермонтовской Тамани рассказала Галина Постарнак.

"Я просто жил тем, что люблю", – любил говорить Виктор Иванович. Его произведения и слова о том, что "надо чтить и любить родное, вековое, тысячелетнее. Тогда и всё остальное будет в сохранности и почести" всегда актуальны и необходимы читателям в современном простом, порой жестоким, мире.

<https://kultura.krasnodar.ru/news/>

О ШЕСТОМ МЕЖДУНАРОДНОМ ФЕСТИВАЛЕ ИСКУССТВ "СТЕПНАЯ ЛИРА"

С 14 по 16 сентября в станице Новопокровской и Новопокровском районе Краснодарского края проходил шестой Международный фестиваль искусств "Степная лира". Это единственный на Кубани творческий форум с широкой географией и участием поэтов, переводчиков, прозаиков, музыкантов, актеров из разных стран. С 2017 года на площадках "Степной лиры" выступили представители 20 зарубежных государств

В этом году фестиваль проходил на 32-х творческих площадках. "Степная лира-2022" представила станичникам поэтов, прозаиков, переводчиков, литературных критиков, авторов-исполнителей, мастеров художественной фотографии, журналистов, актёров, филологов, общественных деятелей из 10 стран, включая Луганскую и Донецкую Народные республики. Основная цель фестиваля – укрепление дружбы между народами. В 2019 году фестиваль позволил заключить договор о сотрудничестве между кубанской станицей и итальянским городом Каманья-Монферрато.

"В это тревожное время, когда вокруг России, вставшей на защиту ДНР и ЛНР, пытаются выстроить железный занавес, такие международные мероприятия, как фестиваль "Степная лира", особенно важны, – отметил Глава района Александр Свитенко. – Они помогают сплотиться здоровым творческим силам из разных уголков мира, чтобы, вернувшись домой после фестиваля, наши гости могли рассказать соотечественникам правду о России и о том, с чем и во имя чего она сражается, какие ценности и идеалы отстаивает. ...Хочется с удовлетворением отметить, что итальянские побратимы в данном вопросе солидарны с позицией нашей страны, то есть являются побратимами по духу, а не только на бумаге.

В этом году на презентациях в библиотеках и учебных заведениях наряду с изданиями, которые привезли гости, были представлены кубанские авторы: коллективный сборник для семейного чтения "На берегу океана" (редактор-составитель С.Н. Макарова) и роман Вячеслава Сбитнева "Река боли", уроженца Новопокровской.

СОБИНФО

В Таганроге вышла книга "Земля – наш общий дом. Антология современной мировой поэзии (книга 1).

Книга издана при консультативной поддержке факультета иностранных языков и директора Таганрогского института имени А.П. Чехова (филиала ФГБОУ ВО "Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)", доктора политических наук, кандидата филологических наук, депутата Городской Думы города Таганрога VII созыва Андрея Юрьевича Голобородько. Материал книги находит практическое применение в учебном процессе среднего общеобразовательного звена при реализации регионального компонента, а также в учебном и исследовательском процессах высшей школы.

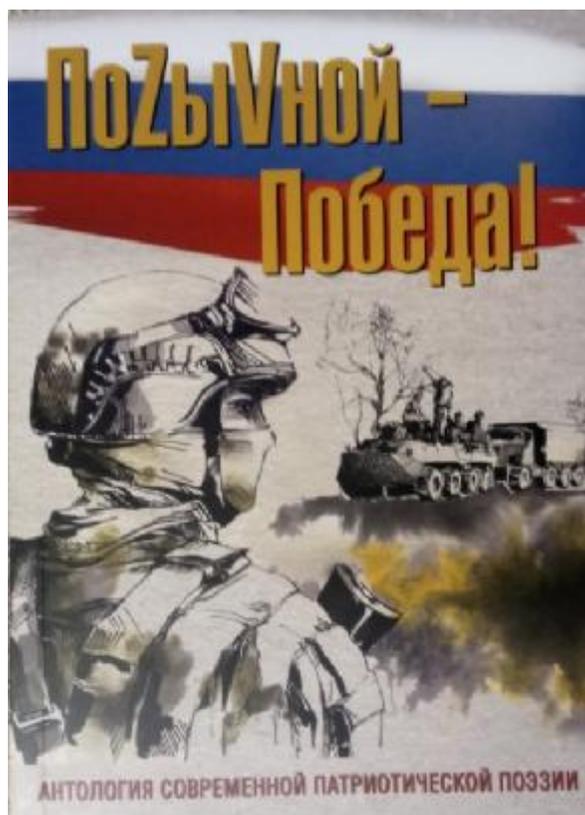
Союз писателей России совместно с издательством "Вече" представляет читателям антологию современной патриотической поэзии "ПоЗЫVной – Победа!", издание которой было поддержано Президентским фондом культурных инициатив.

С первых дней специальной военной операции (СВО) на Украине поэты со всей страны, а также из Донецкой и Луганской народных республик объединились в едином творческом порыве и открыли новую яркую страницу истории отечественной поэзии, посвященную подвигу российских солдат и офицеров, выполняющих задачи СВО, а также осмыслению происходящих на наших глазах глобальных перемен в мировой истории.

Российские поэты и писатели никогда не хвалили войну, но они всегда поклонялись солдату-защитнику и солдату-освободителю на войне. Они никогда не позволяли топтать наши родовые символы, издеваться над памятью тех, кто защищал Отечество, переписывать историю в угоду врагам, возрождать нацизм, растаптывать человеческое достоинство людей и уничтожать их родной язык.

В книге собраны лучшие стихи и песни, в том числе известных исполнителей, посвященные бойцам и командирам, выполняющим задачи по очищению Донбасса от нацизма, и историческим событиям, происходящим на наших глазах в самые последние месяцы. Кроме того, в ней помещены замечательные иллюстрации, созданные прямо на передовой во время спецоперации на Украине, а также сатирические карикатуры, показывающие изнанку нелегитимных усилий противников нашей страны. Песни сопровождаются QR-кодами для обеспечения возможности их прослушивания в Интернете.

Поэтическое слово всегда было мощным оружием, оно и сегодня может внести свою весомую лепту в ратное дело сопротивления агрессивным силам, противостоящим Русскому миру и пытающимся нацистскими методами покорить братские народы. Эта книга для вас, солдаты Отечества!

Книга Любови Ишунькиной "Сладкий Дюк" написана и для детей, и для взрослых. Старшему поколению будет полезно взглянуть на мир ребёнка, а, возможно, и вспомнить о своём детстве. Детям – взять лучшее и понять, какие поступки можно совершать, а какие нет. Книжка о друзьях, об отношениях людей взрослого поколения и подростков. Поэтому и название книги "Сладкий Дюк" – черешня. Сплетение двух поколений и двух деревьев – вишни и черешни. Книга написана с любовью к детям, природе, животным. Призывает взрослых прислушаться к ритму детского маленького, хрупкого мира, принимать детей такими, какие они есть, и, словно маленькие ручейки, направлять осторожно в нужное русло.

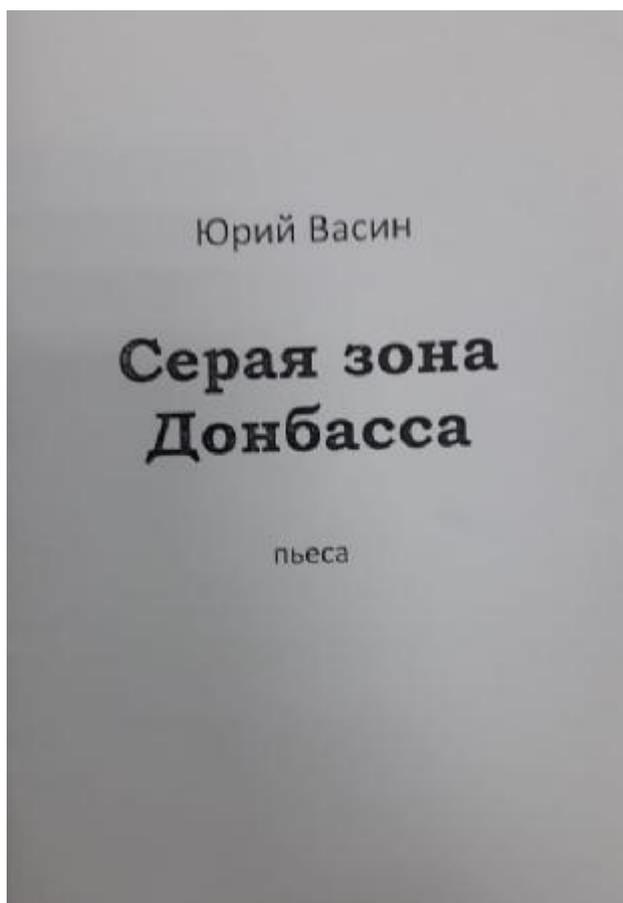
В творчестве кубанского поэта-барда, выпускника Краснодарской государственной Академии культуры Юрия Васина большое место занимает война. Он принимал участие в боевых действиях в Чеченской республике, награждён медалью "За укрепление боевого содружества".

В 2014–2015 годах Юрий Геннадьевич занимался сбором гуманитарной помощи, лично привозил её в Луганскую Народную Республику. Его живые впечатления вылились в новое произведение – пьесу "Серая зона Донбасса", которая вышла отдельной книгой в Краснодаре в 2022 году.

На языке военных "серая зона" – ничья земля. Например, на юго-востоке Украины так называют территорию, находящуюся под перекрёстным огнём украинских нацистов и Союзных сил России и Донбасса. Но Юрий Васин придал этому понятию образный смысл. Он показал, как в мучительном поиске ценой трагических жертв мирные люди обретают определённую жизненную позицию.

Начавшееся весёлым семейным праздником действие постепенно суровее и мрачнее. Один за другим гибнут персонажи... Но в финале лучик надежды пробивается сквозь мрак.

Пьеса Юрия Васина "Серая зона Донбасса" получила высокую оценку режиссёра Луганского драматического театра.

ЛЮДМИЛА БИРЮК

Краснодар

ДРУЗЬЯ КУБАНСКИХ РЕБЯТИШЕК

К 75-летию Краснодарского отделения Союза писателей России

Яркие и интересные, глубокие по смыслу, исполненные любви к Родине и своему краю литературные произведения подарили своим читателям кубанские мастера слова. В нынешнем 2022 году краевая писательская организация торжественно отпразднует свой 75-летний юбилей. Но, возможно, не все знают, что вместе с этим юбилеем круглую дату отметит одна замечательная книжка, которой когда-то зачитывались и дети, и взрослые. Ровно 70 лет прошло с тех пор, как читатели впервые открыли её тёмно-красную обложку и прочли первые слова: "Шурочка Щукина вставала рано..."

Роман Виктора Николаевича Логинова "Дороги товарищей" вышел в Краснодаре в 1952 году и в несколько дней был сметён с прилавков. И не только нашего города: в то время книги издавались огромными тиражами и расходились по всей стране. Чистая, правдивая и романтическая книга 26-летнего автора о юных патриотах полюбилась читателям "от Москвы до самых до окраин". Пусть она была написана ещё неопытной рукой, без затей, но увлечённо и пылко. В её героях, Саше Никитине, Аркадии Юкове, Борисе Щукине, Жене Румянцевой, читатели послевоенной поры узнали себя и благодарно откликнулись сотнями восторженных писем. Одно письмо пришло Логинову даже с Северного полюса! Чем же так тронул роман сердца целого поколения? На этот вопрос Виктор Николаевич ответил так: "Я писал о своих товарищах, участниках и свидетелях войны с фашизмом. Они были такими, мои ровесники. Мы были такими – я ничего не придумывал..."

Однако сам писатель не считал свой первый роман выдающимся произведением и лет через десять серьёзно его переработал. Как ни странно, в новой редакции книга уже не имела прежнего успеха. Некая читательница даже возмущённо написала автору: "Что вы наделали со своей книгой! Вы убили её живую душу!". Но, возможно, дело было совсем в другом. Уходило время ровесников героев романа, они выросли, старели, а им на смену уже поднималось новое поколение, с другими мечтами и заботами.

Сегодня роман почти забыт. Словно солдат на поле боя, он честно, до конца исполнил свой долг, а потом ушёл в тень, не претендуя на память и славу. Но и сейчас в романе Логинова чувствуется неизъяснимое обаяние юности, некая загадочная притягательная сила... Поверьте, тот, кто прочтёт его, не пожалует об этом.

"Дороги товарищей", "Сказание о первой любви", рассказы "Бирюзовое колечко", "Венки для девчонок", "Мир хороший"... Сколько бесценных произведений, ставших классикой кубанской литературы, подарил Виктор Николаевич Логинов детям и подросткам!

Володя Комаров из романа "Испания, Испания!.." своё спокойное, не всегда сытое детство искренне считает счастливым. Пусть у него нет хорошей одежды, и часто кусок хлеба с солью заменяет обед, но в то же время он безмерно богат: он свободный человек, и ему принадлежит вся горячо любимая огромная страна, её чистые реки и озера, её земля "ласковая, удобная для всех – для муравьёв, для птиц и для мальчишек".

Настоящий шедевр лирической прозы – рассказ "Цвет топлёного молока". Его герой – деревенский мальчик, "безгрешный и святой, как звезда на утреннем синем небе". Ребёнок глядит на мир по-особенному, не так, как взрослый. Его восприятие острее и образнее, а чувства чище и богаче.

Отец и сын... Они, конечно же, любят друг друга, но в то же время между ними – непреодолимая стена непонимания, которая сравнима лишь с той, что разделяет слепого и зрячего. Суrowому отцу не дано увидеть, как в разрывах белого тумана "звёзды высекали искру" на бульжном шоссе, он не замечает, что "солнце было похоже на розовые ворота", он не может разглядеть луну на утреннем небе-своде... Но всё это видит мальчик! Вместе с ним мы преодолеваем волшебный "розовый порожек" и оказываемся на сверкающем "солнечном дворе". Вместе с ним пьём топлёное молоко, приготовленное в золе костра, спускаемся ночью под уклон дороги в белый туман, "как в озеро, – сначала по колено, потом по грудь и, наконец, с головой". Видимо, следовало именно так окунуться в туман, чтобы ощутить, какой он плотный и белый. Словно молоко. Его можно "черпать пригоршнями", "взвешивать на ладошке"... Ничего этого не замечает и не понимает отец: ведь он смотрит на туман сверху, с высоты своего роста. Отец опытен, практичен и не верит в чудеса. А если не веришь в чудо – оно с тобой не произойдёт.

Заблудившись в тумане, мальчик взбегает на мост через реку, видит впереди себя обрушившиеся доски, двухметровую дыру, зияющую, "как бездна", и вдруг... фантастически оказывается на другой стороне пролома. "Как же я миновал его? – искренне удивляется автор. – Перепрыгнул ли? Прошёл ли по дощечке, которая свалилась в воду после моего последнего шага? Или, может, кто-то добрый перенёс меня?" Это так и остаётся загадкой...

В повести "Мир хороший" память уносит писателя в родное село Большие Вёски. В тот год в селе детей народилось много – "в каждой избе подряд по младенцу". Так что, когда Витюшка подрос, друзей-одногодков у него "было не меньше десятка". Шумная ватага, "бесштанная кавалерия" само-забвенно увивается вокруг местного дурачка Микишки Завьялова. Смешливый и впечатлительный

Витюшка впитывает в себя рассуждения деревенского шута о том, что солнце светит для добрых и, вообще, "всё на земле, всё хорошее – для добрых, и земля создана для добрых людей и добрых дел"...

Вместе с приятелем Витюшка проникает в заброшенную избу Михайлы Гаврилова, бежавшего от раскулачивания, и находит сказочное сокровище – неисчислимое множество замечательных книг. Но прежде он чувствует ни с чем не сравнимый, таинственный и сладостный запах... Точные и верные слова находит писатель, передавая впечатление мальчика: "Из глубины избы пахло, как из бабушкиного буфета, чем-то лакомым – может, сладкими леденцами, пряниками, – и в то же время вроде бы кожей...". Рядом с Витюшкой молча стоим и мы, очарованные таинством самого великого, что создано на земле человеком – книгами. Мы радуемся вместе с ним и невольно завидуем: ведь ему ещё только предстоит волшебные встречи с Дон Кихотом и Спартаксом, с Тарасом Бульбой и Мцыри, с Белым Клыком и Каштанкой...

Пройдёт время, и он поймёт, что это лишь непрочитанные книги пахнут одинаково. На самом деле, каждая из них имеет свой неповторимый аромат. От них пахнет морским прибоем и свежим дыханием любимой женщины, порохом сражений и прибитой дождём пылью на улицах родного города. Есть книги, что пахнут неприятно – насилием и могильным смрадом, а есть и вообще без запаха...

Юным героям Логинова приходится принимать ответственные решения, быть смелыми, терпеть боль, идти на жертвы... Они познают жизнь: учатся отличать добро от зла, видеть красоту природы и любить людей. Какими будут их первые впечатления, такими они и вырастут.

Фантазёр Володя Борисов из повести "Сказание о первой любви" поднимается на гору Венец, чтобы помечтать о лучшей девушке на земле – Жене Татарниковой. "Ненстоящая моя жизнь осталась дома. Жизнь настоящая шла на Венце. И для меня совсем не имело значения, что Женя не догадывалась об этой счастливой жизни. Две разные жизни меня вполне устраивали. Из ада, от домашних неурядиц, я в любую минуту мог подняться в рай на Венец..."

Любовь помогает юным героям справляться с трудностями, не даёт упасть духом в тяжёлые минуты. "Косить с мужиками, особенно вначале, мне было трудно, – признаётся Володя, – и, если бы не Женя Татарникова, которая незримо косила рядом со мной, я бы не выдержал".

Не выдуманное, не игрушечное детское чувство, а настоящая любовь приходит к юным героям. Пусть идёт война, но любовь не спрашивает, подходящее ли для неё теперь время... Она всегда является неожиданно, когда захочет, когда пробыть её звёздный час. "Шла война, убивали людей, а я любил, я любил и ничего не мог с собой поделать"...

Невольно вспоминаются строки незабвенного нашего поэта Виталия Борисовича Бакалдина:

У каждого своя весна.
И всё же,
коль их поставить рядом и сравнить,
все вёсны удивительно похожи
невысказанной жаждою
любить.

Отрочество – счастливое, но трудное время... Как порой бывает нелегко мальчику или девочке занять среди сверстников достойное место! Сколько разочарований, незаслуженных обид приходится пережить хрупкому растущему существу. А если вдруг приходит первая любовь – неведомое, всепоглощающее и часто безответное чувство? С кем поделиться?

К счастью, у подростка всегда есть надёжные друзья, которые никогда его не предадут и не бросят. Это герои любимых книг. В конце 50-х годов прошлого века в журнале "Молодая гвардия" была напечатана трепетная и целомудренная поэма Виталия Бакалдина "Царевна-недотрога", в которой он рассказал о любви, выдержавшей проверку на прочность.

Трудно сказать, когда человек впервые ощущает в себе "невысказанную жажду любить". Это может произойти очень рано, ещё неосознанно.

По классу идёт санитарка
и в уши глядит ребятне.
И хлопцу становится жарко,
и уши горят, как в огне.

В каждом классе есть такая "царевна-недотрога", в которую влюбляются все мальчики. Она особенная... Когда она рядом, то легко и на уроке, и в походе, и на спортивных соревнованиях. Любое дело по плечу. Влюбляются в неё все, но по-настоящему любит лишь один...

Поэма о первой любви мальчика и девочки, краснодарских школьников, напоминает повесть в стихах. Тысячи подростков не только нашего города, но и всей страны взахлёб читали её, передавая друг другу... Бакалдин умышленно не даёт героям конкретных имен: ведь таких, как они, в реальной жизни очень много. В какой-то момент чуткая Недотрога замечает, что её друг почему-то стал чужим, замкнулся в себе. У него всё "не так": отец бросил семью, и юноша вынужден по вечерам работать у станка, чтобы помочь маме. Он теряет веру в справедливость, втягивается в плохую компанию, пьёт, дерётся. "Каждый живёт в одиночку... Всё остальное – слова!", – с горечью восклицает он.

Но любовь девочки оказывается сильнее всех преград. Недотрога находит в себе силы бороться за любимого человека. Она, неопытная и наивная, смогла уберечь парня от падения, от безверия, заставила его по-новому взглянуть на жизнь...

Запоминающийся, психологически достоверный портрет девочки, нарисованный поэтом, не оставил равнодушными не только молодых читателей, но и маститых столичных поэтов и искушённых критиков.

Вступив в 28 лет в Союз писателей СССР, Бакалдин оказался там единственным поэтом-учителем, и корифеи литературы дружно благословляют молодого поэта писать на школьные темы. И он создаёт "Горный мёд", "Каску", знаменитую "Полевую сумку", одобренную Михаилом Шолоховым и известным очеркистом Михаилом Овечкиным...

Бакалдин рассказывал, как однажды в Краснодар на совещание в краевую писательскую организацию приехал Сергей Михалков. Перед началом своего выступления он взял со стола детскую книжку Виталия Бакалдина "Стихи о хлебе" и, высоко подняв, потряс ею перед притихшим залом.

– О-очень жаль... – нахмурил брови знаменитый поэт, заставив писателей тревожно переглянуться. Все приготовились к разносу... Выждав долгую, "по Станиславскому", паузу, Михалков неожиданно широко улыбнулся и озорно закончил: – Очень жаль... что не я написал эту книгу!

Думаю, что прославленный автор "Дяди Стёпы" был совершенно искренен. Яркость бакалдинского слова, отточенность его рифм, оригинальность метафор и сравнений порой заставляют вздрагивать от неожиданности. Иначе он не мог, ведь дети сами – неподражаемые фантазёры и часто удивляют нас своими литературными экспромтами. Как-то открыла книжку Бакалдина "Смешинки", изданную в 1995 году, и прочла наугад:

А куда часы спешат?
Они спешат ловить мышат!

Ну как не улыбнуться такому парадоксу? Краснодарская городская детская библиотека недаром носит имя Виталия Бакалдина. Поэт, написавший множество выдающихся "взрослых" произведений на военные, философские и социальные темы, до конца своих дней оставался верным другом своих юных читателей.

Мне снятся уроки –
такая морока!
Наверно я школу
оставил до срока...

В 2010 году в литературной серии "Кубанская библиотека" вышел 7-й том, посвящённый детской литературе: "Кубанские писатели – детям" (Составитель В.Д. Нестеренко). В нём более сорока авторов! И признанные корифеи, уже ушедшие от нас в лучший мир поэты и писатели – Кронид Обойщиков, Иван Варавва, Пётр Игнатов, Григорий Федосеев... и сравнительно молодые, чьи имена ещё не обрели громкую известность.

За свою долгую славную жизнь краснодарский поэт, ветеран Великой Отечественной войны Кронид Александрович Обойщиков издал около трёх десятков поэтических книг, семь из которых посвятил детям и подросткам. Вместе со своими детьми и внуками мы по-доброму улыбаемся и подшучиваем над Кошкой, которая прикинулась больной, чтобы "не ходить на работу", и над маленьким Адмиралом, у которого корабль – обыкновенный балкон с развешенными на верёвках простынями, и над маленькими помощниками по сбору клубники в совхозе:

Мы одну клубничку –
В ящик,
А другую –
Клали в рот.

Но особенно мы любим незадачливого Слонёнка, который хотел научиться летать. Смеёмся над его неуклюжестью, незнанием географии и прочих наук... И при этом нередко забываем, а почему он вдруг захотел научиться летать? С какой целью? А ведь именно это самое главное! Ему снится, что над страной, где обитают мирные зверята, нависла опасность – "летит-жужжит" оса, "тонкая и злочая, как игла колючая":

Никого не уважает,
Угрожает, обижает,
И кусает всех подряд –
И зайчишек, и слонят.

А разве сам поэт выбрал себе профессию лётчика не для того, чтобы защитить свою страну от чудовища страшнее злой осы – фашизма? Военный лётчик... Что могло быть почётнее и романтичнее в далёкие годы юности Крониды Александровича! Ему было тринадцать лет, когда страна с волнением следила за спасением челюскинцев героями-лётчиками, среди которых был и наш земляк Анатолий Ляпидевский. Когда Валерий Чкалов совершил беспосадочный перелёт от Москвы до аме-

риканского города Ванкувера, Обойщикова минуло семнадцать – столько же, сколько и Сани Григорьеву из романа "Два капитана". Как и герой Каверина, он осуществил мечту детства – стал лётчиком, принимал участие в боевых действиях, защищал свою страну...

Жизненный опыт определяется не количеством прожитых лет, а насыщенностью жизни, неравнодушием к людям, умением преодолевать испытания. Обойщиков рано начал писать стихи, а талантливый поэт может рассказать о "времени и о себе" больше, чем увесистые тома учебников. Войну Кронид Александрович знал не понаслышке, поэтому в его стихах нет умозрительности, многословных рассуждений, зато есть зримые, осязаемые картинки, взятые из жизни, доступные не только взрослым, но и юным читателям.

Помню, как-то выступала я в краснодарской библиотеке им. Некрасова перед учащимися колледжа. Речь зашла о Крониде Обойщикове, и я прочла стихотворение "Кисет" – о несбывшейся любви молодого солдата и неведомой девушки, которая когда-то прислала ему на фронт в подарок вышитый кисет. На глазах у ребят выступили слезы: жалко им было и солдата, и девушку, которая с ним так никогда и не встретилась. А одна юная первокурсница, вся в слезах, подняла руку и спросила: "Скажите, пожалуйста, а что это такое – кисет?"

И подумалось мне: почти целый век отделяет то воевавшее поколение от нынешней молодёжи, многие слова стали архаичными, а чувства остались живыми и понятными...

В начале нынешнего века мне довелось познакомиться с известным писателем-историком Борисом Евгеньевичем Тумасовым. В свои 75 лет он выглядел на удивление молодо: улыбочивый, черноволосый, обходительный.

– Вы читали мои книги? – спросил он меня.

– Пока нет, но хочу почитать!

– Ну, что ж... приходите в гости. Что-нибудь подберу.

Тумасов жил на улице Котовского, в частном доме. Его писательский кабинет: маленькая комнатка, где стояли стол и тахта, а у стены до потолка – стеллажи с книгами. Настоящее книжное царство! И в основном там находились его собственные книги в нарядных обложках, выпущенные различными книжными издательствами. Особенно много его издавала Москва: издательства "Астрель", "Альфа-книга" и издательство "Вече", которое специализировалось на выпуске исторической литературы. При мне несколько раз звонил телефон: издательство уточняло условия договора на очередную книгу Тумасова. Это меня поразило... Издаваться в Москве в наше время – редкая удача! Значит, книги востребованы, имеют спрос. Когда я спросила его, почему он не встречается с читателями, не устраивает презентации, он усмехнулся: "Зачем? Надо, чтобы не писатель рассказывал о своих книгах, а книги о писателе!"

Мне очень хотелось взять у него почитать что-нибудь из исторических книг, но он сказал:

– Успеете! Сначала прочтите вот эту...

И дал мне повесть "За порогом юность". Скромная книжка, изданная в 1968 году. Когда я стала её читать, сразу же мелькнула мысль: "Эта книга непременно должна быть в школьной программе кубанских школьников!". В ней фронтовик Тумасов рассказал о своих боевых товарищах. Его герои – мальчишки из станицы Уманской, которые отправились на войну в 1943 году, сразу же после окончания школы. Жека, Женька, Иван и Толя. Под именем "Толя" Борис Николаевич изобразил себя, 17-летнего солдата...

Читаешь и видишь, словно наяву, как ребята учились в пехотной школе, принимали присягу, шли суровыми дорогами войны, сражались, погибали в бою. Жека, Женька, Иван остались лежать в безымянных могилах. А Толя был тяжело ранен... Он истекал кровью на койке в полевой медицинской палатке и слышал, как врачи переговаривались между собой: "Вряд ли парень выживет"...

Но он выжил. И дал себе клятву написать книгу о павших друзьях – отважных, беззаветно преданных Родине уманских мальчишках. И сдержал её! Его друзья, погибшие в боях мальчишки-солдаты, неслышно пришли к нам со страниц книги и вновь стали говорить, смеяться, мечтать...

* * *

"Жизнь – это огромный океан. И чтобы достигнуть самой дальней гавани, очень важно выбрать правильный курс", – так говорит старый художник Богословский из небольшой повести Светланы Макаровой-Гриценко "На берегу океана". Её герои – школьники-старшеклассники, стоящие на пороге жизни. Они ровесники героев Логинова, но какая большая разница между довоенными школьниками из романа "Дороги товарищей" и ребятами середины 80-х! Ещё жив Советский Союз, но практицизм, потребительское отношение к жизни, западные "ценности" уже начали развращать юные души. Появление в классе Юрия Лозовицкого, уверенного в себе, модно одетого юноши, производит на всех огромное впечатление. Девочки влюбляются в него, а мальчишки относятся к нему неоднозначно: одни ревнуют, другие стараются подружиться.

Главная героиня повести, Ксения Рогова, поначалу поддавшись чарам современного денди, вскоре понимает, что перед ней "павлин с гнилой душонкой". Не Лозовицкий, обладатель заграничного стереокомплекса и фирменных шмоток, а художник Михаил Евграфович Богословский, человек простой судьбы, встречавшийся с самим Репиным, становится её кумиром. Став комсоргом, Ксения всячески старается наладить отношения с классом, и поначалу у неё это получается. Но... соблазнившись заморской мишурой, которой хвастает перед друзьями бездушный и эгоистичный одно-

классник, ребята предают свою подругу и доверчивого художника. К сожалению, это вполне реальная история. Именно такие самоуверенные павлины, вроде Лозовицкого, часто становятся лидерами, ведут за собой класс, как пастухи овец, а непокорные, честные и чистые натуры больше всех от них страдают.

"Раньше думать о Юрке было легче – с ней рядом был класс, а сейчас все они оказались с ним, даже Ленка, даже Маринка... Все! Значит, он победил? А о ней забыли. Забыли!"

Совершенно опустошённая, Ксения теряет веру в людей. Но жизнь не заканчивается на первой неудаче, вскоре девочка понимает, что "счастье – это приносить счастье людям". Так объясняет Ксения случайно встретившийся парень Олег. И она верит ему, ибо сердцем чувствует, что это надёжный друг...

"Они идут по городу. Девчонка в толстой стёганой куртке и широкоплечий парень. В её руках хризантемы. Она то улыбается, то вдруг хмурит брови, а он, размахивая руками, говорит ей что-то твёрдо и горячо. Они идут легко и свободно.

А впереди у них – Океан".

"На берегу океана" – одно из ранних произведений Светланы Макаровой-Гриценко. Возможно, в нём ещё нет того блеска и литературной искущённости, как в её более поздней, зрелой прозе. Зато есть некое особенное очарование. Такой свежестью, безыскусной юношеской романтикой веет от этой в чём-то наивной повести, что становится жаль собственной ушедшей молодости со всеми её ошибками, максимализмом, неопытностью, поиском идеала и даже горькими слезами...

* * *

В одном из стихотворений Виталия Бакалдина есть строки:

У мастеров не видно мастерства:
сама собой свободно мысль струится...

Вот и у кубанской поэтессы Любви Мирошниковой стихи льются свободно, словно сами собой, будто это не она, а сама природа подсказала ей яркие, выразительные эпитеты и метафоры:

Ситцевое небо,
Бархатное море,
Шелестящий жёлтый
Шёлковый песок...

А также блестящие аллитерации и сравнения:

Чу, камыш шуршит над речкой.
Словно мышь в углу за печкой.
И, как глазки у котят,
В небе звёздочки горят.

Рифмы в стихах Мирошниковой всегда свежие, не затёртые, неожиданные:

Уж не мы ли
Уж не мы ли,
Поросёнка с мылом мыли?!

Или в стихотворении про медведя:

Много книг медведь прочёл –
Все про пчёл, про пчёл, про пчёл!

Разумеется, не только ради оригинальной рифмы написаны эти строчки. Услышав их, маленький ребёнок тут же спросит: "А почему – про пчёл?". И взрослые ему объяснят, что любимое лакомство медведя – мёд. А мёд добывают пчёлы! Каким образом? Собирают нектар из цветов... Но иногда пчёлы нападают на медведя, и ему приходится спасаться. Вот мишка и читает про пчёл, чтобы изучить их повадки. Так новые сведения потянутся к любопытному Почемучке одно за другим.

Все детские стихи Мирошниковой, на первый взгляд лёгкие и незатейливые, дают ребёнку неисчерпаемую пищу для ума и фантазии. Вот, высокомерно поглядывая на жуков, цикад и остальной мелкий народец, важно шествует на театральное представление гусеница, а в лапке у неё – поводок, на котором вместо собачки семенит крошечный паучок. Только неистощимое воображение может создавать такие яркие, смешные, узнаваемые образы. И как интригующе закручен сюжет! Сожрав сцену (капустный лист), гусеница таинственно исчезает. И теперь никто, даже строгий контролёр-жук не сможет найти "вредительницу". Ведь из неуклюжей гусеницы она превратилась в нарядную бабочку... Ну, чем не детектив? Причём, не только интересный, но и познавательный!

Тонко чувствует душевный мир ребёнка Любовь Кимовна Мирошникова... Её стихи пронизывает добрый юмор, понятный детям. Они лишены навязчивой поучительности, и в то же время у неё нет ни одного стихотворения, написанного просто так, для развлечения. В каждом – "добрым молодцам

урок". Это подтвердили и взрослые, и самые строгие критики – дети, которые любят и читают наизусть её стихи:

Плыл листик, будто челночок.
На нём свернулся червячок.
Впервые в жизни он жалел,
Что дырку в листике проел.

* * *

Грань, разделяющая детскую и взрослую литературу, часто бывает условной, незримой. Для кого пишет свои рассказы о ребятах-детдомовцах известный кубанский писатель Геннадий Григорьевич Пошагаев? Для всех нас, потому что детство, даже если оно было неудобным и неустроенным, всегда вспоминается с ностальгией.

Подросток Чумаков из повести "Светофоры зелёные" бунтует против издевательств руководителя музыкального кружка Капитона и, словно Мицри, убегает в неведомую жизнь. После долгих скитаний и приключений мальчик находит замечательного друга-заступника, бывшего моряка, который предлагает Чумакову вместе вернуться в детдом и там "по-морскому" разобраться с жестоким и депотичным Капитоном. Писатель не рисует нам развязку драматичной истории, но оставляет своего героя в минуту душевного подъёма с глубокой верой в торжество справедливости.

Воспитанник детского дома Тихоня из рассказа "Яблоки" доверчиво потянулся душой к суровой бабке Назарихе. Старуха сначала наказала его за ворованные яблоки, а потом, пожалев сироту, пригласила в гости. "Тихоня шёл в детдом и чувствовал за пазухой твёрдые холодные яблоки. Они показались ему сейчас вкусными, сочными, а главное было не это: не один он теперь был на свете".

Много невыдуманных трогательных историй о детях написал Геннадий Пошагаев. Но настоящую писательскую известность принесла ему повесть "Немая", впервые опубликованная в 2000 году, в четырёх номерах газеты "Литературная Кубань". Писал он её неторопливо, раздумчиво. Это были грустные и в то же время светлые воспоминания о далёких годах, когда он, дошколёнок, счастливо жил с мамой, не подозревая, что скоро её потеряет. Редактор "Литературной Кубани" Виталий Борисович Бакалдин внимательно и неравнодушно следил за рождением этого произведения. Однажды, когда мне довелось быть в гостях у Бакалдиных, он за чаем сказал своей жене Евгении Владимировне:

– Посоветовал Гене ничего не выдумывать, рассказать всё, как было на самом деле. Но что-то медленно дело идёт.

– А ты не торопи! Ведь не байки сочиняет... О маме пишет.

В первые дни января 2000 года, передавая друг другу свежие номера "Литературной Кубани", мы впервые прочитали о похождениях маленького Гоши. Описывая собственную жизнь, писатель сумел передать приметы тяжёлого послевоенного времени, так что повесть далеко выходила за рамки личных воспоминаний.

Глухонемая банщица Полина в одиночку воспитывает шестилетнего сына. Для Гоши лучше мамы нет никого на свете, а их бедная квартира на краю города для него – лучшее место на земле... Всё рушится в одночасье! Мама умирает от неизлечимой болезни, и Гоша остается один. Бездетная учительница, приютившая осиротевшего ребёнка, не сумела найти ключ к его сердцу. Мальчик убегает в свой опустевший, но всё-таки родной дом.

До последней строчки мы наивно надеемся на чудо. Но счастливого конца у этой невыдуманной истории нет. Мы оставляем Гошу, плачущего, трясущегося в телеге, на пути к неведомой жизни. Что ждет его впереди?..

* * *

Признаюсь, не без некоторого сомнения приступала к чтению повести "На спине у ветра" Николая Алексеевича Ивеншева. Его манера письма своеобразна, произведения часто непросты, с подтекстом, с некой сверхзадачей. Поймут ли дети нашего кубанского стилиста-импрессиониста? Но стала читать и сразу забыла о своих опасениях. Книга написана интересно, хотя и "по-взрослому": без заигрывания, без сюсюканья. Дети безошибочно чувствуют, когда писатель их уважает, а когда относится к ним снисходительно, как к маленьким несмышлёнышам.

Герои книги, отец и сын, при всей разности характеров понимают и любят друг друга. И часто, не сговариваясь, принимают одно и то же решение. Вот Николай покупает сыну Глебу новый дорогой велосипед, а старенький, дребезжащий, они отправляют на свалку. Николай гордится покупкой, а сын втайне жалеет старый "велик". Для него это не просто вещь, а верный друг, почти живое существо. И когда на дворе стемнело, сын тайком пробирается к свалке и забирает своё сокровище. И тут выясняется, что отец тоже решил спасти ненужную, но любимую "рухлядь", много лет верой и правдой служившую их семье. Встретив сына с велосипедом, он, не удивляясь, произносит только одно слово: "Ведёшь?" – "Веду...", – отвечает Глеб и добавляет, словно в оправдание: "У него штучер хороший, не спускает". Заметьте, как точно выбран глагол: "ведёшь", а не "везёшь" или "катишь", словно речь идет не о велосипеде, а о человеке.

Герои Ивеншева, отец и сын, – безудержные фантазёры, бесхитростные и нерасчётливые. Николай – поэт, витает в облаках, а его сын Глеб, хотя и более энергичный и самостоятельный, тоже смотрит на мир глазами художника и выражает свои мысли образно, находя неожиданные сравнения: "Она смеялась хорошо, как будто на велосипеде по кочкам...".

Каждой своей строкой книга Ивеншева словно напоминает нам, как прекрасен русский язык – наше богатство, которое мы порой расточительно тратим, полагая, что оно неисчерпаемо. Остановитесь на мгновение, насладитесь звукописью: "Пасха в этот раз пахла не только ванилью...". Или о собаке: "Она ткнулась в мою руку и прохладно лизнула её". Читатель чувствует кожей эту прохладу.

Говорят, что возле села Верхняя Маза бьёт чудесный родник. Вода в нём чистая, игристая и вкусная, "как лёгкий виноградный напиток". И не простая вода, а колдовская. "Хлебнёшь пригоршню – ещё хочется, приложишься опять – жажда не уходит". Такое же чувство не покидает нас при чтении книги Николая Ивеншева "На спине у ветра" – прозрачно-чистой и желанной, как глоток прохладной воды в жаркий полдень.

* * *

Однажды, отправившись в Первомайский парк на книжный рынок, я стала искать для маленького внука весёлую детскую книжку. Выбор был достаточно велик, и после некоторых колебаний я купила книжку в яркой обложке со множеством иллюстраций. Называлась она "Про котят, котов и кошек" и предназначалась для дошкольников. Дома прочитала около тридцати серых, труднопроизносимых стихотворений, посвященных животным, указанным в названии.

Вы можете объяснить ребенку, что значит: "коты вокруг котам соседи, плетут интриги, словно сети"? Как понять: "забота мамой правила", "сквозняк ворвется очумело"? Как могло такое "произведение" выйти в свет 15-тысячным тиражом? Очень просто. Если в советские времена книга издавалась за государственный счет, проходя сквозь сито строгих рецензентов, то теперь её может издать любой, у кого есть деньги. Пиши, плати, и вот она, книжка, перед тобой! Таких книг сейчас несметное количество и во взрослой литературе, и в детской. Но произведение про кошек – это ещё сравнительно безобидное изделие...

Когда-то Владимир Маяковский давал детишкам полезные советы и терпеливо растолковывал, "что такое хорошо и что такое плохо". Сейчас модно давать вредные советы, ломая каноны старой морали. Детям предлагают ковыряться в носу, рисовать на обоях, воровать, обедаться, мучить животных, драться, обманывать. Не пугайтесь, читатель! Это автор шутит. По его мнению, ребёнок будет поступать наоборот. Хочется сказать: "Ничего себе шуточки...".

Умные, романтичные, наполненные добрым юмором произведения для детей часто годами терпеливо ожидают издания, а если и публикуются, то мизерными тиражами. Но все же и сегодня писатели нашего края продолжают творить не для коммерции, а для пользы юному поколению, для "племянника младого, незнакомого", которое вырастет таким, каким его воспитают.

Поистине крылатой стала поэзия для детей кубанской поэтессы Светланы Афанасьевны Медведевой. Недаром одна из её книг так и называется – "Птицы". В ней собраны короткие, но яркие, интересные и познавательные стихи о пернатых нашей планеты. Здесь и наши скромные синички, и воробышки, и экзотические фламинго, павлины, колибри... Около ста видов птиц! Кажется, что со страниц книги раздаётся весёлый птичий гомон. Каждое стихотворение сопровождается фотографией птицы, подобранная самим автором. Серый русский воробышек, толстенький уютный королёк ("сын короля"), хищный ястреб, райские птицы Новой Гвинеи...

На просторах Родины-Земли
Птицы все – мои приятели,
Чувств хороших создатели
И певцы
таинственной
любви...

А в её книге "Словесная мелодия" главные герои – буквы и слова. Светлана Афанасьевна создала увлекательную игру, уводящую читателя в мир многозначности русских слов. Её "Словесная мелодия" звонко звучит для любознательных и равнодушных читателей, для всех, кому дорог русский язык. Литературное творчество стало для Светланы Афанасьевны Медведевой продолжением её благородной профессии. У неё великое множество детских стихов, рассказов и сказок... И это вполне естественно, если учесть её профессию, выбранную по призванию: она народная учительница России!

* * *

Посмотри, на ветках почки.
Вот они надули щёчки –
Разобрал подружек смех –
Убегает с поля снег.
Он спешит, а им потеха –
Почки лопнули от смеха.

Эти строки написал кубанский поэт Владимир Дмитриевич Нестеренко... Он всегда говорит с детьми чуть шутливо и в то же время поэтично. Маленький читатель не только видит на деревьях почки, надутые, как щёчки, но и слышит, как они лопаются – словно смеются над убегающим снегом. Сколько поэтических картин!

Иногда у Нестеренко всё стихотворение умещается в одно предложение:

Ладошка
Снег ласкает,
И он –
От счастья – тает.

Как ещё более ярко и образно объяснить ребёнку известный фразеологизм "таять от счастья"? Когда юный читатель подрастёт и прочитает в какой-нибудь книге это выражение, то непременно вспомнит стихотворение Нестеренко "Ладошка". И, возможно, подумает: "Если под ласковой ладошкой тает снег, то и самый суровый, холодный человек тает от ласки"...

Всем своим творчеством поэт доказывает нам, что отточенная поэтичная строка в детских стихах необходима так же, как и во взрослых. И даже ещё нужнее: ведь хороший литературный вкус закладывается в раннем детстве на всю жизнь...

Отрадно видеть, что сын Владимира Нестеренко, Дмитрий, тоже стал отличным детским писателем. Детально, серьёзно и в то же время с юмором, в доступной форме рассказал он детям о святой обязанности человека – сохранении природы. Книга Дмитрия Нестеренко "12 подвигов Маврика" заняла достойное место на книжной полке кубанской детской литературы. Маврик – настоящий герой, хотя и не сражается на войне, не кидается в огонь и в воду. Он одержим идеей сохранения природы и зажигает этой идеей читателя. В книге показан его большой и трудный путь от простого дворника до знаменитого эколога, которого с почётом принимают на симпозиуме в Рио-де-Жанейро. Подобно Гераклу, Маврик совершает подвиги не для того, чтобы прославить себя, а для того, чтобы сделать жизнь на нашей планете лучше и счастливее. В каждой главе книги заключена маленькая интрига, которая держит в напряжении юного читателя, и в то же время автор доходчиво, словно играючи, даёт ценные советы, как поступить в тех или иных случаях, чтобы спасти родную природу от самого коварного врага – равнодушного и безответственного человека.

* * *

Детство часто называют "золотым"... Но из собственного опыта или на примере своих детей мы знаем, какая это сложная пора жизни! Даже сытое и материально благополучное детство не всегда бывает безоблачно безмятежным. А если вдруг в дом пришла беда?

Тринадцатилетний Костя Котов из повести Сергея Лёвина "На берегу безымянной реки" чувствует себя бесконечно одиноким. После смерти матери в один миг оборвались нити, скреплявшие маленькую дружную семью. Одно горе потянуло за собой другое: отец пристрастился к наркотикам, и Костя при живом родителе остался сиротой. Опасность подстерегает его всюду: то хулиган Пашка-Паровоз отнимает у него последние сто рублей, а то наносят злоеший визит "три похожие, словно сёстры, женщины из социальной службы", грозя забрать его в детский дом.

Редко можно встретить в современной художественной литературе произведение, где так беспощадно-правдиво показана наркотическая зависимость, как это сделал писатель из Анапы Сергей Лёвин. Его юный герой переживает настоящую драму, пытаясь выгнать отца из плена наркотиков.

Некоторые писатели изображают наркоманов сочувственно, даже романтизируют их пагубную страсть. Но в повести Лёвина наркотики – абсолютное зло, одно из самых отвратительных человеческих пристрастий, ведь наркоманы не только губят себя, но и обрекают на страдания своих близких.

Невольно возникает вопрос: а надо ли раскрывать подобные темы в повести для подростков? Но особенность Сергея Лёвина в том, что он, как и Николай Ивеншев и другие выдающиеся русские писатели, не признаёт "облегчённой" детской литературы. Он разговаривает со своими читателями на равных, без скидок на юный возраст. Для него детские переживания – не пустяк, не игрушка, не "маленькие радости и горести", а повод для больших раздумий. В детской жизни бывает много серьёзных испытаний и даже трагедий. Трудные вопросы сопровождают ребёнка так же, как они сопровождают взрослого, только воспринимаются больнее и острее. И как важно, чтобы рядом были любящие родители и бескорыстные, преданные друзья, которые тебя не бросят в беде, у которых можно спросить совета и которые тебя всегда поймут и поддержат...

Кроме Кости Котова, его друзей и врагов, есть в повести Лёвина героиня, о которой нельзя умолчать, и без которой повесть потеряла бы половину своего лиризма и доверительного очарования.

Таинственная безымянная река... Она является полноправной, а порой главной участницей того, что происходит на страницах произведения Сергея Лёвина. С описания безымянной реки начинается повесть, и далее образ реки постоянно появляется в самые ответственные моменты повествования. Ей писатель посвятил проникновенные, из сердца взятые строки...

"Живая, игривая, рассекающая поле серебристым полумесяцем вода – одновременно тяжёлая, весомая и воздушная, подмигивающая солнечными бликами. Она мгновенно переполнила мальчика, поглотила, загипнотизировала и взяла в плен".

Река – душа рассказа. Река-лекарь, река-друг, река-учитель... Она всегда приходит на помощь, наполняет Костю духовной и физической силой, помогать вылечить его отца... Её голос слышит он в звёздные часы своей жизни, пытается разгадать её бесконечный монолог.

На берегу реки происходит кульминация повести: неравный бой отважного романтика Тёмки с блатными великовозрастными сынками краевых чиновников.

Дочитав до этого эпизода, любой прозорливый читатель предскажет, что Костя непременно кинется в драку, чтобы поддержать друга. Казалось, к этой мысли подводит основная идея повести: превращение затравленного мальчишки в мужественного героя. Ведь должен он наконец показать силу мускулов, накачанных, благодаря воспитанию деда и здоровому образу жизни! Но писатель снова не идёт по легкому пути.

Поддержать друга – дело святое... На первый взгляд Костя струсил, сбежал с поля боя, оставив Тёмку одного с врагами. Но реально он его спас, так как сумел вырваться и позвать на помощь. Иначе погибли бы оба. Конечно, выбирать, взвешивать "за и против", у Кости не было времени – он действовал инстинктивно. И не ошибся! Но правильность поступка всё-таки не избавила его от мучительных сомнений и раздумий, ведь как ни крути, он нарушил кодекс мужской чести. К тревоге за жизнь товарища прибавляется не меньшая тревога быть отвергнутым друзьями, снова стать изгоем. А Костя хорошо знает, что это такое... Слава богу, друзья, и в первую очередь Тёмка, всё поняли правильно.

Хрупким, беззащитным и одиноким предстает Костя в начале повести, а в конце, преодолев тяжёлые испытания, обретя друзей, закалившись физически и духовно, он идёт вдоль берега реки, уверенный в себе, сильный, счастливый... А впереди – бесконечно прекрасная жизнь!

* * *

Современным детским писателям намного труднее, чем их советским предшественникам, жившим в то время, когда развитие детской литературы было делом государственной важности. Они не получают прежней поддержки, не окружены прежней заботой. Детская литература, как и взрослая, стала коммерческим продуктом. Даже лучшим детским писателям нынче издаваться нелегко, особенно если в их книжках нет гробов, вампиров, привидений или "вредных советов"... Нет спроса на чистоту чувств, героики и романтику. Невольно задумаешься: "Время, кто твои герои?"

Но лучшие молодые писатели Кубани пишут для детей талантливые книжки, думая не о тиражах, премиях и гонорах, а о своих маленьких читателях, об их юных душах: Анна Вартаньян, Ирина Иваськова, Наталья Широбокова, Марина Тараненко, Любовь Деткова... Многие из них сделали литературу для детей своим основным жанром и были приняты в Союз писателей России именно как детские писательницы.

Ни одна страна мира не дала детям столько литературных произведений высшей пробы, сколько дала им наша страна. Мы отдаём должное зарубежным писателям, любим Тома Сойера, Маугли, Винни-Пуха...но нигде в мире, а только у нас появился отдельный, самостоятельный жанр, имя которому – Детская литература.

Заботливо, талантливо и нежно вели советские писатели своих юных читателей по дороге жизни – шаг за шагом, всё вперёд и выше, от Мухи-Цокотухи и глупого Мышонка – к Павлу Корчагину и к героям Молодой гвардии. Вместе с юными читателями жили, играли, учились, влюблялись герои наших земляков, писателей-ветеранов – незадачливый Слонёнок-авиатор, мальчик, шагающий по сказочной дороге цвета топлёного молока, целомудренная Царевна-Недотрога... А теперь к нашим детям пришли герои современных кубанских детских писателей. Их тоже немало: от гусеницы-театралки и смешной вороны, потерявшей своё "Карр", до вдумчивого и печального Кости Котова, нашедшего друзей и смысл жизни на берегах Безымянной реки...

В рассказе "Мир хороший" Логинов говорит устами своего героя: "Придуманый мир ничуть не хуже настоящего. А очень хорошо придуманное даже живее настоящего"...

Так пусть к нашим детям приходят только "хорошо придуманные" книжки! Те, которые не развлекают примитивными шутками и не пугают "страшилками", а учат сопереживать героям, радоваться вместе с ними, испытывать боль потери и суровую гордость за их непобедимое мужество и преданность любимой Родине, самой лучшей на свете.

АЛЕКС СТАРЫЙ

Анапа

Новелла "Нурия", которую мы предлагаем вниманию читателей – первая серьезная публикация Алекса Старого, прозаика из Анапы. Долог и труден был его путь в литературу. Автор родился в 1965 году в Узбекистане, в Фергане. В 1985 – 1988 годах служил в армии – последние полтора года в Афганистане. В этот период была краткосрочная командировка в Мозамбик и Анголу. После ранения – демобилизация, учеба в Томском политехническом университете, занятие строительным бизнесом, увлечение фотографией, которое вскоре переросло в профессию...

Большой жизненный опыт, интерес к людям и врожденное чувство слова неизбежно привели Алекса Старого к литературному творчеству. "Всегда хотел писать, – признаётся он. – Но писать что-то серьёзное и объёмное долго не решался. Решился на это только в декабре 2021 года. Завершена одна новелла, написанная по реальным событиям в Афганистане. Работаю над романом. Надеюсь, получится не книга мемуаров, а живое и интересное повествование".

Алекс Старый – прозаик-психолог, способный проникнуть в неизведанные глубины человеческих взаимоотношений. Его герой, ефрейтор Александр Дыбов, потерявший в бою с душманами лучшего друга, свято хранит в сердце неразделённую любовь к прекрасной и недоступной однокласснице Гуле. О ней он решает рассказать только одному человеку на свете – прапорщику медслужбы Нурие Латыповой, чем-то внешне похожей на Гулю... Повествование, поначалу неторопливое, постепенно набирает скорость и с каждой новой страницей подводит читателя к кульминации, в полной мере раскрывающей характеры героев. Что случилось с ними, остались ли они живы? Об этом читатель узнает, прочитав захватывающую и правдивую новеллу "Нурия".

НУРИЯ

Новелла

Люди верят кто во что. Кто в Бога, кто в карму, кто в Кришну, кто в Раму, а кто в судьбу. Саня Дыбов верил в Шара-бару. Шара-бара – самое яркое воспоминание детства, проведённого в солнечном Узбекистане. Большая арба с осликом и с несметными сокровищами – съедобными и несъедобными. От резинок для рогатки и пистонов до шаров воздушной кукурузы и яблок в карамели. Спросить любого сорванца, что значит для него Шара-бара, ответ был бы один: счастье. Да и цена счастья – пустая бутылка из-под лимонада. Отдал бутылку – получил кусочек счастья.

С самого окончания школы Саня и видел свою жизнь эдакой Шара-барой. Ждал от неё, что непременно будет ему выдавать счастье по кусочку – немислимо же от Шара-бары ждать чего-то другого, кроме счастья. А уж чем платить – Саня разберётся.

Глава 1

Саня Дыбов познакомился со старшей медсестрой Нуриёй Латыповой при переводе в N-ский отдельный отряд специального назначения. Прапорщик медслужбы Латыпов, посмотрев медкарту ефрейтора Дыбова, не могла не заметить, что его перевели из другого отряда и даже из другой бригады, что было само по себе необычно, странно, а скорее – даже удивительно. Заинтересовавшись этим, полистала карту повнимательней и обнаружила, что он, как и Нурия, родом из Ферганы.

Разговорились. Оказалось, что Дыбов жил в рабочем посёлке Киргили, пригороде Ферганы, а Нурия – в частном секторе в самом центре города. В Киргилях жили близкие родственники Нурии, и она частенько там бывала. Было так приятно землякам встретиться здесь, в Афганистане, познакомиться, поболтать.

То, что медсестра была землячкой, было само по себе приятно. Но, надо признать, не менее приятным было то, что Нурия была очень красивой медсестрой и землячкой, хоть и старше Дыбова годами. А ещё она немного походила на Гулю Бахрамову – его безответную и совершенно безнадежную школьную любовь. Вот он с удовольствием и забегал при случае к сестричке-землячке.

Товарищ прапорщик была не замужем, но отшивала "на раз" многочисленных искателей её общества, а с Саней – земляком, да ещё не пытавшимся намекать на особые отношения, держалась по-приятельски, к зависти многих. Недолголюбивающий Дыбова с самого его поступления в отряд Татарин (снайпер Айдар Агишев из-под Уфы), неровно дышавший к Нурии, так просто бесился и, отвечая ему взаимной неприязнью, Саня, конечно, не упускал возможности при случае подойти к Нурии так, чтобы Татарин это видел – мелочь, а приятно...

Каких-то особых видов у Дыбова на Нурию не было, ну, быть может, только немного, где-то очень-очень глубоко. Больше двух лет в мужских армейских коллективах, изредка видя женщин издали, больше года из войны в войну, он не мог не замечать привлекательность Нурии, её красивой, с выразительными женскими формами фигуры.

Весь отряд сбивался с шага, когда медсестра появлялась в форменной юбке на горизонте. Дыбов не был исключением, но боялся даже самому себе признаться в том, что в отношении Нурии мог испытывать больше, чем дружеские чувства. Давил неподобающие мысли в себе, как давил до призыва в армию клопов на стенах в родной институтской общежитии.

Было так приятно поболтать с красавицей сестричкой, а при случае и чайку попить с заготовленной заранее шоколадкой или восточными сладостями. А ещё приятней и намного важнее было знать, что рядом есть близкий человек, друг, который рад тебе, который беспокоится о тебе, а ты беспокоишься о нём – это было бесценным подарком здесь. И, как ни крути, а то, что другом оказалась девушка, было очень-очень приятно. Шара-бара...

* * *

Единственный армейский друг Славка Кабышев, с которым служили в первом Санином отряде до перевода в Асадабад, погиб полгода назад. Погиб страшной смертью вместе с командиром и почти со всей группой. Охотясь за караваном, сами попали в засаду.

Дыбов вылетел с резервной группой по тревоге, когда в ЦБУ получили по радиации сообщение, что Славкина группа попала в засаду и ведёт неравный бой с окружившими их бандами душманов. Пока прибыли к месту боя, спасти уже успели немногих.

На месте даже не сразу нашли тела погибших ребят и командира. Души уже надругались над ними и свалили в щелях. Саня и нашёл тело Славки.

Друзей больше у Дыбова не было. И не потому, что замкнулся или боялся потерять друга снова – нет, когда привыкал к людям, был общительным, весёлым парнем. Неплохо играл на гитаре. Бойцы и командиры часто просили поиграть. Саня играл. Играл классику. Хотя даже не мог представить, что классику будут слушать. Знал на память немного – играл, что помнил.

Неплохо рассказывал анекдоты, да и байки из жизни мог потравить – пацаны не раз катались со смеху от его историй.

Часто, просто захлёбываясь, рассказывал про свою родину – Узбекистан, а Фергану считал лучшим городом в Союзе. Мог доказывать это до хрипоты. И за это приклеилось прозвище Узбек, а заодно и неофициальным позывным стало. Дыбов не возражал, даже нравилось. Узбек так Узбек.

Приятельствовал со многими, не обращая внимания на сроки службы, а вот дружеских отношений как-то больше не складывалось.

Терпеть не могли друг друга только с Татаринцем, с которым вот в боях были почти неразлучны. Бывает и так.

Саня понимал, что яблоком раздора стала Нурия. Она с ним с первых дней начала по-приятельски общаться, а потом и вовсе подружились – при встрече могли часами болтать, если выпадала такая нечастая возможность. А Айдар Нурия жёстко отшивала, резко и нервно реагируя на его ухаживания. Ну, тот и ревновал до злобы, а потому первое время и пытался давить, или, как в армии говорят, чморить Дыбова.

Саня сначала не огрызался, многое спускал Татарину, но чем больше спускал, тем больше тот наглел, тем больше задира.

Айдар Агишев откликался только на Татарина и представлялся всем так же. Держался всегда особняком, друзей не было. Был очень силен, ловок, страха просто не знал и был абсолютно нечувствителен к боли, ну, по крайней мере, так казалось.

Высокий, плечистый, жилистый, атлетично сложенный от природы, Татарин был редким исключением в отряде – выглядеть здоровяками в спецназе, в боевом составе отряда мало кому удавалось, просто единицам, при хроническом недоборе у всех веса. И этот недобор веса был постоянной головной болью командиров – одно время так вообще начались проверки: взвешивали всех, и офицеров и солдат – и все без исключения оказались с большим недобором веса. Однажды даже прилетел из Кабула какой-то военврач с приказом уложить всех, у кого недобор до минимальной нормы веса более 10 килограммов на госпитальные койки, что не удалось, конечно, даже смешно...

Причин недобора веса было немало. Сказывалось всё – и, чего греха таить, несоответствие норм питания: калорийность питания, а особенно сухпайков, оставляла желать много лучшего. И это при просто нечеловеческих нагрузках. Для того, чтобы выжить и победить в бою, даже тренировки были на истощение, а не для галочки в журналах.

Что уж говорить о боевых выходах, которые были постоянны. Каждый отряд спецназа контролировал просто огромные территории – сотни километров между крайними точками зоны ответственно-

сти. Вот и были выходы на боевые постоянными – немного отдышались, восстановились, уж как получилось, и снова на войну.

Организм работал на износ: после каждого выхода возвращались донельзя измотанными физически и опустошёнными психически. И, вдобавок, практически всегда обезвоженные: загруженные оружием, боекомплект, снаряжением, как ни страдали от недостатка воды, как ни хотели бы взять её побольше – силы были не беспредельны, и почти всегда воду жёстко экономили.

За ночь с загрузкой на плечах и в руках порой больше 40 килограммов делали марш-броски по двадцать километров, а бывало и больше. И не прогулочной походкой: всё время наготове, крадучись, обострённо воспринимая каждый звук и движение, а то ещё и под обстрелом. И цель выхода одна – бой. В этом отряде холостых выходов вообще практически не бывало – если выход, значит бой. Какие тут нормы веса тела?!

Дыбов во время службы на Украине выглядел упитанным, подкачанным, да и веса в нём было за семьдесят килограммов. Сейчас же уже много месяцев вес ни разу отметки шестьдесят не достиг, и даже при усиленном питании в госпитале (было дело). Мышцы опали – выглядел, как и практически все, дрищём, хотя сила, вроде, и не стала меньше, даже странно. А уж выносливость выросла и сравнивать нечего – всё равно что сравнивать выносливость ребёнка с выносливостью верблюда. И при этом стеснялся без верхней одежды фотографироваться. А когда смотрел на свои украинские фотки, не узнавал в этом гладком щекастом парне в тельняшке себя.

А вот Татарин как-то умудрялся в этих условиях быть и выносливым, и сильным, и выглядеть атлетично.

Несмотря на то, что был уже дембелем, стригся неизменно коротко, под машинку, и всегда сам. Был крайне немногословен, холоден, зол, абсолютно безжалостен, даже жесток. Как делом повара было готовить пищу, допрашивать пленных было делом Айдара. Поймав на себе выстрел его жёсткого, исподлобья, взгляда, духи редко дожидались вопроса с пристрастием (на что Татарин тоже был горазд), как на духу отвечая на задаваемые вопросы.

В общем, иметь такого врага – то ещё удовольствие, и Саня по-настоящему побаивался его, не показывая, конечно, этого: хорохорился в словесных, пока, стычках. Да и поддаваться не собирался, знал по опыту: в армии раз упадёшь, ох тяжело будет встать. Не мог забыть и как в учебке ломали их, курков¹, как унижали, избивали (иногда так, для развлечения) сержанты. Почти всех. Но ведь "почти" – значит, не всех! Саня не оказался тогда в этом меньшинстве.

Помнил и как, сломавшись единожды при поступлении после учебки в разведроту десантно-штурмовой бригады на Украине, чтобы не оказаться, как там называли, глушеным чмом, очень сложно и долго зарабатывал потом достойное положение в жёстком коллективе лучших и сильнейших в бригаде. Тогда неимоверными усилиями воли пересилив страх, болью и кровью смог это сделать и больше никому не мог позволить сломать себя.

Уже немало пройдя в Афганистане по-настоящему страшного, Дыбов сам не понимал, удивлялся – неужели есть что-то, чего он может бояться после всего того, что было с ним на этой войне?

Второй год в Афганистане, не раз побывав в боях, однажды даже был готов подорвать себя гранатой, чтобы в плен не попасть. Вот, казалось бы, что может быть страшнее этого, да ещё кошмарного рукопашного боя с душманами, в котором оказался во время службы в предыдущем отряде и выжил.

И при всём при этом Татарина боялся: что уж душой перед собой кривить. Боялся предстоящей стычки. Иллюзий не питал – понимал, дойдёт до этого: всё к этому идёт, Айдар просто так не успокоится. Саня злился на себя, убеждал сам себя, что глупо, обзывал себя трусом и всё равно боялся, хоть и хорошо скрывал это. Но отступить не мог – не собирался.

Природа, психология страха в принципе необъяснимы. Неоднократно думал об этом и про себя самого, и видя здесь, в Афгане, правда, несчастые в спецназе, случаи жёсткой дедовщины. Молодые бойцы уже давно были обстрелянными, в бою на каждого можно положиться – не дрожали в боях перед зверевшими душманами. Да и малодушные в боевом составе спецназа не задерживались – нельзя идти в бой с человеком, который сломался, не смог страх преодолеть. А эти не сломались, воевали. И при этом старослужащих боялись. Необъяснимо.

И вот однажды, и, в общем-то, недолго и ждать пришлось, дошло-таки до прямого столкновения с Татаринцем. Тот начал требовать подчинения, унижая Дыбова при пацанах и угрожая расправой, – сошлись врукопашную выяснить отношения.

Пацаны схватившихся недругов разняли. Но, пока они среагировали, пока разняли, Саня, хоть и получил от Татарина немало хлёстких, болезненных ударов (ох и умел драться Айдар, умел бить!), но и сам не стоял – сумел не только уворачиваться и не получить нокаутующего удара, но и сам нанёс пару-тройку хороших ответных, и собой доволен был, что не ушёл от стычки и ответил.

Больше прямых столкновений не было, а на удары походя плечом и на другие подобные выходки Саня старался внимания не обращать, никак не реагировал. И видел, что тактика эта верна, это было то, что нужно – Татарин только ещё больше злился от такого пренебрежения.

А потом Дыбова стали назначать старшим тройки. Тройки составлялись перед выходом, и он всегда просил командира поставить Татарина в свою. Знал, что в бою Татарин надёжен, как броня самоходки – отличный, думающий боец и снайпер от Бога. При назначении к Дыбову Татарин внешне выказывал недовольство, но Сане казалось, что в бою вместе им обоим было надёжно, комфортно. Не

раз уже могли бы поблагодарить друг друга, сложились отношения по-другому – было за что обоим. В общем, это был единственный человек, с которым в отряде отношения были натянутыми.

С друзьями с гражданки и с одноклассниками у Дыбова всё сложно было – переписка сошла почти на нет. Призвался в армию, когда его ровесники уже отслужили. У него же была отсрочка: отца убили много лет назад, мать – инвалид второй группы, а сестрёнка младше на пять лет, до её совершеннолетия был единственным кормильцем в семье. Чтобы не идти в армию в двадцать три года (после совершеннолетия сестры), когда исполнилось двадцать лет, решил уехать поступать в институт в Томск. По тем временам, если не жил с родными, отсрочка снималась. Поэтому, как поступил, тут же и призвали прямо с первого курса.

И вот сейчас ему двадцать три года, со школьных лет много воды утекло – у друзей, одноклассников, одноклассниц уже семьи, совсем другая жизнь, и пять лет не мало, чтобы переписка заглохла. Нелегко было смириться с тем, что с друзьями так вот вышло. Когда думал об этом, было больно, но что поделаешь – жизнь. Саня из жизни друзей и одноклассников выпал.

И вот дружба с Нуриёй. Здесь, в Афганистане. И понять ценность этого мог только тот, кто был на этой войне. Это были сокровенные переживания, и потому ни с кем и не обсуждал их в отряде. Не писал о Нурии и своим хорошим товарищам, оставшимся в небольшом городишке в далёкой Украине, в отдельном десантно-штурмовом батальоне N-ской бригады, откуда за серьёзный залёт (драка с замполитом роты) попал в Афганистан. Даже Петрухе – своему хорошему, даже очень хорошему товарищу, если не другу, – ни разу не обмолвился ни одним словом в письмах. И, как пацан, стеснялся, да и не смог бы словами в письме передать, какую радость приносила дружба с Нуриёй.

Прапорщик Пётр Яремчук был старшиной роты. Через него Дыбов пересылал домой письма. Не смог сказать матери, что отправлен в Афганистан – был убежден, что это убьёт её. Вот и пересылал письма через Украину, через Петруху. Описывал красоту украинских степей и благодать прикарпатского климата. Рассказывал о своих бывших сослуживцах, как будто продолжал служить с ними, да и действительно знал о жизни пацанов из их несчастных писем.

А литературный дар и вбитое Верушкой (школьной учительницей литературы) умение излагать мысли в школьных сочинениях помогали обманывать маму, и она спокойно ждала сына домой здоровым и откормленным на украинском сале.

* * *

Саня не ловил Нурию в укромных местечках, не лез в её комнату при санчасти, уж тем более не приставал, а подходил к ней на глазах у всех, просто и искренне радуясь встрече. Даже 8 марта, оказавшись в части, не стал добывать цветы, забежал поздравить коробкой каких-то буржуйских конфет, заранее удачно купленных в кишлаке у знакомого дуканщика при возвращении из разведывода. К праздничному чаепитию не пошёл, хотя Нурия и звала.

Девушка это ценила и общалась с ним легко, по-свойски, в свою очередь тоже не заигрывая даже в шутку, да и считала его скорее родственником.

При несчастных встречах за чаем или просто в медблоке Саня с Нуриёй понемногу рассказывали друг другу о себе, о своей жизни и как-то так, незаметно стали друзьями.

Так, однажды, рассказывая о своей семье, девушка рассказала и о том, как и почему она оказалась в Афганистане, да ещё в одном из самых его горячих, опасных мест. Этот вопрос Дыбова уже давно мучил, и он очень хотел задать его, но всё не решался.

Из всей 40-й армии это был самый восточный и самый близкий к Пакистану гарнизон. Территория отряда находилась на островке, образованном при слиянии двух горных рек. С одной стороны, за каналом, тянулся небольшой афганский городок Асадабад. Город расплзался вверх и вниз по течению бурной реки Кунар и уходил в горное ущелье вдоль Печдары, гомонливого притока Кунара. За Печдарой располагались соседи: отдельный мотострелковый батальон.

С другой стороны, за бурным, мощным потоком реки, горы вздымались сразу от дороги, петляющей вслед за изгибами реки. И со всех сторон с гор и Асадабад, и территорию отряда, и соседней мотострелков частенько обстреливали и наобум, и снайперы, а часто и эрсами², а то и из минометов.

Обстрелы реактивными снарядами и минами обычно были не очень продолжительны – артиллерия и реактивные батареи обоих подразделений не дремали, наблюдатели сразу же пытались засечь и накрыть ответным огнём моджахедов. Поэтому те, не дожидаясь ответного огня, быстро снимались и исчезали. Особенно духи старались к советским праздникам. Потери были небольшими, но были. Контролировать все окружающие высоты было невозможно, и опасность обстрела была постоянной.

Из-за этих обстрелов это был единственный во всем Афганистане отряд спецназа, у которого не было своего авиаотряда – в таких условиях обеспечить безопасность вертолётной возможности не было. Вертолёты работали с аэродрома в Джелалабаде, находящегося на расстоянии около ста километров. Садилесь для загрузки и выгрузки на небольшой гарнизонный аэродром.

Проверки, мягко говоря, в отряд не частили. Особенно первое время после передислокации бригады в Асадабад. Даже на вертолётах пробиться было крайне опасно – все горы были обсежены духовскими пулемётными и зенитными гнёздами, как куски мяса осами. С ПЗРК³ и ракетой могли угостить. А уж проведение колонны в Асадабад было просто войсковой операцией. И проходила колонна 100 км от Джелалабада до пяти дней.

После назначения нового волевого, жёсткого командира с хорошим боевым опытом отряд переломил ситуацию: на колонны нападать духи решались уже редко – знали, возмездие будет неотвратимым и жестоким. Колонны доходили за пять часов. Тем не менее, чиновники от армии прилёт в Асадабад записывали себе как боевой выход и за проявленное собою личное мужество и героизм подавали свои фамилии в наградные списки.

¹ Курок – курсант; армейский сленг.

² Эрсы / РС – реактивные снаряды.

³ ПЗРК – переносные зенитно-ракетные комплексы.

Глава 2

Так случилось, что в тот оплавленный июльским пеклом и на редкость расслабленный день и у Сани, и у Нурии появилось свободное время. Было воскресенье. Раненых в медблоке не было, были только несколько человек с житейскими болячками.

Не проводили и обычных тренировок с боевым составом – комбат почти со всем штабом был в Джелалабаде на каком-то бригадном совещании, а остальные офицеры собрались на канале: отмечали день рождения замполита первой роты. И Нурию офицеры, конечно, звали, но она отказалась, сославшись на дежурство.

И от всех этих сложившихся вдруг и очень кстати обстоятельств всё вокруг затихло, угомнилось, и только со стороны ремроты доносились негромкие металлические постукивания, да со стороны празднующих офицеров доносился то смех, то звуки гитары и пение.

Не часто так удачно складывалось. Соскучившись по общению друг с другом и радуясь свободному времени, как возможности наконец-то поболтать по душам и не на бегу, как это обычно бывало, присели на скамейку под оливками с тыльной стороны медблока, и Нурия сама начала этот разговор. Рассказывала о себе как-то отстранённо, словно даже не о себе, а о каком-то, хоть и близком, но другом человеке.

И оказалась молодая красивая девушка в этом крайне опасном, проклятом и забытом Богом месте, как Дыбов и предполагал, не в погоне за романтикой и не от хорошей жизни.

История Нурии была невесёлой. Ей было четырнадцать лет, когда тяжело заболел отец, слёг и больше не вставал. Нурия была второй по старшинству среди своих шести братьев и сестёр и старшая из девочек. На её плечи легла вся тяжесть домашней работы, ухода за отцом и за младшими. Мама изо всех сил тянула семью, работала на двух работах, ещё и дома шила на заказ платья.

Старший брат, как мог, помогал, но Нурия считала, что он должен учиться, чтобы поступить в институт, и взяла на себя ещё и заботу о том, чтобы брат мог без помех делать это главное, по её мнению, дело. После школы брат поступил в институт в Ташкенте и, с одной стороны, стало легче – категорически отказывался от денежной помощи из дома, получал стипендию, как-то подрабатывал. С другой стороны, без мужских рук стало труднее вести хозяйство в доме.

После восьмого класса пошла учиться в медучилище. Сестрёнки подрастали и тоже понемногу стали брать на себя заботы о доме, о младших.

Потом произошло несчастье со старшим братом Эльдаром – на отработке в колхозе на хлопке упал с прицепа трактора, повредил спину, а нога попала под колесо. Несвоевременно или некачественно оказанная помощь привела к потере ноги. Пока справлялись с этой бедой, умер отец. Брата привезли домой. Институт пришлось бросить.

Нурия сказала с таким надломом, что Дыбов поёжился, мурашки пробежали по спине:

– Когда мы поняли, что из института брату надо уходить, это стало таким горем, таким ударом для всех. А для мамы – просто кошмаром. Мы все до последнего надеялись, что Эльдар сможет закончить учебу, получит специальность и работать как-то сможет. Но позвончик сильно пострадал, мучили постоянные боли, не давали ему вообще двигаться, сидеть не мог, постоянно на обезболивающих. Сделали операцию, но мало что изменилось. Как мама всё это пережила, не знаю. От неё одна тень осталась. А я... я уходила в сарай и просто плакала.

Глаза у девушки покраснели, она отвернулась к окну и продолжила:

– Решила бросить учёбу и пойти работать, но Эльдар сказал: "Хочешь меня совсем добить?". И я училась. Искала подработки. А что я ещё могла? Мне так хотелось защитить маму, помочь ей – не могла видеть её боль. Работала после учёбы – мыла полы в училище, подрабатывала нянечкой, домработницей.

Отличаясь красотой и замечательной фигуркой, молодая девушка притягивала не только взгляды – хозяйку дома, где она подрабатывала домработницей, попытавшемуся распусть руки, разбила нос, схватила кухонный нож и, не остановившись он, не задумываясь ударила бы. Пришлось оставить эту работу.

По окончании медучилища ей предложили работать медсестрой в военном госпитале.

– Там зарплата была ненамного больше, но были небольшие плюсы и пайковые выплачивались. Да в хирургию вообще только в госпиталь и брали: я сразу хотела только в хирургии работать – на лечебное дело ради этого пошла. Работа оказалась трудной, страшно трудной. Это даже рассказать не смогу. Просто сначала в ужасе была, даже плакала. Думала: вот же дура, куда пошла? Зачем? А потом втянулась, даже понравилось. Но какие люди у нас, Саш, работают! Вот с людьми повезло очень. По-

ка училась, нам на практиках все уши прожужжали, что медицина – это работа в крысятнике. И правда, на практиках так бывало. Но у нас в госпитале совсем так не было. При мне, по крайней мере. У нас люди такие хорошие – помогали, поддерживали, учили всему. Нет, и накричать, и отругать тоже могли, конечно, да ещё как! На операции – хирург как рявкнет, я первое время чуть с ног не падала от страха: наверно, это было первым, чего больше всего сначала и испугалась. А потом поняла: не только на меня кричат, что это работа такая у хирурга. Нет, не кричать, конечно, – засмеялась, увидев Санино вытянувшееся лицо.

– Это только кажется, что только от хирурга всё зависит. Много, но не всё и не только от него. От каждого зависит жизнь человека на операционном столе. А вот отвечает за всё хирург, и если кто-то что-то делает не так, нет времени на вежливые киношные "будьте любезны", "пожалуйста" – надо, как в армии, и команду чётко дать, и рявкнуть, если что-то не так делается. Да и хирурги тоже люди же, тоже нервы на пределе, когда ошибка кого-нибудь может человека убить. А после первой моей операции хирург подошёл ко мне и даже прощения попросил. Но сказал, что просит прощения один раз, сейчас – первый и последний. Надо привыкнуть, понять и делать всё так, как надо, чтобы не было ни причин, ни поводов голос повышать. Даже обнял, а я разревелась, как маленькая. Ну, я и старалась делать всё как надо – как начало получаться и кричать перестали, и в работу вошла, и поняла, что хирургия – это и цель, и смысл в жизни.

Саня впервые видел и слышал, как Нурия говорит так откровенно, легко, прям как с другом настоящим. Ему так стало от этого хорошо – сидел затаив дыхание, боясь спугнуть такое настроение девушки.

– Я постоянно училась сама – на дежурствах, дома по ночам, в отпусках учебники по военной хирургии штудировала и заучивала наизусть. Если бы не было так тяжело в семье, пошла бы в институт на военного хирурга – одна цель в жизни теперь.

Нурия посмотрела на Саню, сказала:

– У нас один из хирургов тоже в Томске учился, закончил Томский военно-медицинский институт. Много рассказывал про него, прям лучший в СССР, как послушаешь. Да я не только от него слышала, что это и правда один из лучших институтов. Очень хотела туда поступить, да и сейчас думаю об этом. Далеко от дома, конечно, но не дальше Афганистана, может, ещё и поступлю, тогда в Томске встретимся. Если... – осеклась, не договорила, но было и так понятно. Много если...

Продолжила рассказ о работе в ферганском госпитале.

Коллеги, врачи, начальство оценили трудолюбие и способности девушки, её готовность учиться и развиваться, и она скоро стала операционной медсестрой, получила погоны прапорщика и даже исполняла обязанности старшей операционной медсестры, когда та уходила в отпуск.

Саня спросил:

– А сама-то жила когда? Личную жизнь-то, семью свою тоже ж надо... – спросил так, без задней мысли, просто хотелось узнать, почему такая красивая девушка до сих пор была одна. Одноклассницы его – редко кто до двадцати дотянули: повыскакивали замуж, а половина из них уже детей нянчили.

Нурия как-то очень эмоционально ответила на его вопрос:

– Саш, какая там личная жизнь?! Просто разрывалась между службой и домом. Ну, было, пытались со мной многие поближе познакомиться, и хирург этот, из Томска. Но мне не до того было, прямым текстом так и говорила и отваживала. Да, если честно, и не нужно мне было, я только хирургией с некоторого времени и бредила. А всё остальное время – маме, брату, сестрёнкам. – Немного смутившись, добавила: – Может, если бы встретился кто-то особенный... Но не встретился... пока...

Помолчав и почувствовав возникшую неловкость, снова заговорила:

– Девчонки в госпитале как-то обмолвились, что наша старшая медсестра была в Афганистане. Я спросила, зачем? Они сказали: "Ты что? Там зарплата больше в два раза, и половину платят чеками, а знаешь, как можно чеки поменять в Союзе – один к трём, а то и к четырём. И выслуга хорошая.". Я подошла к старшей, спросила про службу в Афганистане, та ответила, что так и есть, и что медиков там не хватает – ценятся очень, поэтому ещё и помимо двойной зарплаты по две ставки платят, бывает. Но отговаривала даже думать об этом. Сказала: "Девочка, там такой ужас! Даже не думай...". Но деньги очень нужны были – так тяжело жили! А с деньгами стало бы легче – сёстры, которые постарше, уже взрослые, могла на них оставить маму и брата и пошла бы учиться на хирурга. Даже в моём возрасте пошла бы, ещё не поздно. Ну и написала рапорт. Отказали. Ходила, уговаривала начальство, упрашивала, продолжала писать рапорты. Надоела, наверно, всем – подписали. Вот и оказалась тут.

* * *

В распределителе в Кабуле Нурие предложили поехать в отдалённый гарнизон, в котором не хватало медработников, обещали платить две ставки и двойные пайковые. Нурия, конечно, с радостью согласилась. Прошла дополнительное обучение в госпитале в Кабуле, по окончании которого на вертолёте с медикаментами оказалась в санчасти отряда, где действительно работала и в качестве операционной сестры, и в качестве старшей медсестры. А при больших боевых операциях и в них участвовала. Все деньги, какие могла, отправляла матери. Чеки практически не тратила, всё хотела поменять в Союзе.

Саня спросил:

– Не страшно здесь?

Нурия быстро взглянула на него и, помедлив, ответила:

– Сейчас уже не так. Привыкла...

Но глаза вдруг заблестели, и девушка как-то судорожно вздохнула:

– Страшно, Сашка. Всё время страшно. За вас... Страшно видеть, как вас убивают, видеть ваши раны, увечья. Страшно, когда умираете у нас на руках. Саша, очень страшно! И на боевых страшно, каждый раз до обморока... – сама себе нашатырь в нос сую...

Нурия неожиданно всхлипнула и отвернулась. Помолчав и взяв себя в руки:

– Зря, Сашка, спросил...

– Прости!.. – Вот дурак-то! Захотелось что-то сказать, что-то сделать для Нурии, у самого комок встал в горле от понимания того, каково всё тут для этой молодой, очень красивой девушки.

Часто невольно думал так, что именно молодым и красивым нет места здесь. Невозможно, неправильно красоте не то что быть с тем, что есть на этой войне, но и даже видеть это нельзя! А Нурия не только видит, но, как и он, имеет прямое дело со всем этим страшным, неженским. Но Дыбов – солдат. А Нурия – девушка... Красивая и молодая... Ужасно...

Нурия сидела на лавке, закинув ногу на ногу, неудобно опираясь локтями обеих рук на колено. Медицинскую шапочку она сняла сразу, когда сели поболтать, и сейчас, запустив пальцы в распущенные, не очень длинные, волнистые тёмно-каштановые волосы и немного запрокинув голову, упиралась лбом в ладошки. Дыбов едва видел её глаза и страшился разглядеть в них слёзы. Но глаза девушки были сухи.

– Да ладно, Саш, ты прости, сорвалась чего-то... дура... – оторвавшись лицом от ладоней, уже другим голосом заговорила Нурия. Выпрямившись, встряхнула густые волосы, мотнув несколько раз головой в разные стороны, словно отгоняя от себя все невесёлые мысли. Потом стала ловко забирать волосы в хвостик. А Саня поймал себя на мысли, что очень-очень хочет погладить эти её непослушные волосы, аж рука потянулась. Но не посмел, конечно же – поймёт ещё не так, да и увидит кто – сплетни пойдут. А позволить этого не мог, и так уже разговоры ходят в отряде, как в бабском коллективе какой-нибудь прядильной фабрики, и это страшно злило – сцеплялся уже не раз за неосторожные намёки и с пацанами, и с парой офицеров. До жёстких конфликтов не доходило – изо всех сил сдерживался, но не остановись вовремя языкастые, не сдержался бы и перед офицерами, и будь что будет. Знал за собой – когда крышу срывало, не контролировал себя и не думал о последствиях. В Афганистане именно так оказался.

А сейчас, удержавшись, чтобы не погладить волосы Нурии, просто смотрел на неё и с облегчением ощущал, что эта, такая тяжелая минута, вызванная его дурацким вопросом, прошла. Нестественно хохотнув, сказал:

— И я себя только что дураком обозвал...

Нурия тоже улыбнулась. И тоже слишком бодро – не так, как чувствовала на самом деле, но тоже пыталась уйти подальше от этой невесёлой минуты.

Справилась с волосами, опустила руки и, немного откинувшись назад, уперлась ладошками сзади лавки. Сидели, думали каждый о своём и молчали. Саня думал о том, как сменить разговор, как заговорить о чём-то более весёлом, но ничего в голову не приходило.

Нарушив затянувшееся молчание, Нурия заговорила первой, и заговорила опять о непростом. Саня ожидал, что она сменит настроение разговора – не для себя этого хотел, просто был страшно зол на себя, что расстроил Нурию. Но нет, она не сменила, продолжила почти о том же:

– Вот с тобой мне хорошо, Сашка. Ты даже не представляешь, как это хорошо, что ты здесь есть, что здесь есть кто-то близкий! – говоря, дважды нажала голосом на слово здесь.

Дыбов удивлённо вскинул голову: уж он-то точно представлял – настолько созвучно его мыслям, его ощущениям! Но не стал ничего говорить, понимал: сейчас надо слушать.

– Очень хорошо, Сашка, что ты есть... Но теперь же ещё страшней... За тебя страшно... Я ни с кем ещё и поэтому не общалась здесь, даже по-дружески. Одним вообще надо только в постель залезть, особенно женатым. Гады.

Саня покраснел от этих слов, не ожидал, что Нурия так просто об этом заговорит. А она продолжала:

– Я таких просто на запах чую. У них ведь жены там от страха за них умирают, дети растут, а этим только одно надо. – Повторила: – Гады. Другие, конечно, тоже есть. И вроде хорошие, порядочные, но... вас убивают, калечат. И боюсь даже по-дружески сблизиться с кем-то, а уж тем более чего-то большего и вовсе боюсь. Я – стерва для всех. И прячусь от всех за этой стервой, Саш, и даже не знакомлюсь ни с кем. С тобой просто неожиданно всё произошло – увидела, что земляк, и обрадовалась. А теперь, как уходишь на выходы, места себе не нахожу. Ты, Сашка, не вздумай там погибнуть, башку сама оторву!

Вроде пошутила, а в голосе опять слёзы. Дыбов уже изматерил себя с ног до головы и за дурацкий вопрос, и за то, что не нашёлся, как сменить тему.

А Нурия неожиданно спросила:

– Ты в Бога веришь?

Совсем растерялся. Не сразу ответил:

— Да... нет, наверное. Ну, до Афгана точно не верил... Точно атеистом был. Злостным. Когда сестрёнку крестили, так стыдно было в церковь заходить, мама еле заставила. А здесь... не знаю... сомневался, наверное... — Помолчал. — Так-то вроде не верю... Для меня жизнь — это Шара-бара... — криво усмехнулся, — с подарками...

Снова замолчал, задумался...

— Не... в то, что там, — боднул головой в небо, — что-то есть, верить хочется. Но всегда думал раньше, что, наверное, не Бог это... Не знаю... Ну, там, мировой разум или ещё что... Вот иногда посмотришь вокруг — много необъяснимого, и в голове не уместается, как всё так непостижимо устроено.

Задумался и, немного помолчав, продолжил:

— Знаешь, а теперь здесь, в Афгане, стал думать: а может это всё Бог?

Снова помолчал, думая, что и как сказать. Себе-то этого не формулировал, а тут...

— В общем, на войне, в каждом бою замечаю, что хочется к кому-то обратиться, попросить о чём-то и... И просто верить хочется, наверное... Может, уже и в Бога... Не знаю, короче... В бою хочется, а потом — нет, и даже вроде стыдно своих мыслей. Одно точно знаю: стал думать об этом. О Боге стал думать. И, если себе и тебе не врать, — улыбнулся, взглянув на Нурию, — то уже, может, и верю... Особенно, когда страшно... А ещё тем, у кого крестики есть, завидую: знаю, есть у некоторых. Хотя, опять же не дурак, вижу и понимаю — это не какой-то волшебный амулет: и тех, у кого крестики есть, и убивают, и калечат. Вот Малицкого и Полищука помнишь, офицеров? Им обоим под Метхарламом по ноге оторвало при подрыве БТР-а. Я Малицкого помогал перевязывать — у него ещё грудь чем-то полоснуло. Тельник ему разрезали, крестик его увидел. А не помог ему этот крестик, и Бог не помог — калекой стал Малицкий. Это понимаю, а знаешь, почему-то чувствую, не в этом дело. Бог, если Он всё-таки есть, это о другом о чём-то. Не о бронезилете...

Помолчал. Добавил тихо:

— И верить всё равно хочется...

Выдохся. Замолчал.

Нурия в упор смотрела на Саню: уже не расстроено, а как-то задумчиво и серьёзно, и не печальными потускневшими глазами, какие были у неё ещё недавно, что окончательно убивало Дыбова. Сейчас на него глядели хоть и немного грустные, но светящиеся откуда-то изнутри прежние живые красивые карие глаза Нурии.

И Нурия сказала очень серьёзно:

— Ты, Саш, верь... И обращайся — проси, молись. Я вот верю и молюсь. Я мусульманка, но я за всех вас — христиан, мусульман, атеистов — молюсь. За тебя молюсь... И... ты носи крестик...

Дыбов опять растерялся от серьёзности девушки — всё это его совсем смутило. Сказал в ответ как-то не так и не о том:

— Носи... А где взять? Да и некрещёный я. Мама говорила, только погружённый. Бабушка чего-то такое делала со мной — в ванну меня окунала, что ли, а это, вроде, не считается... Мама как-то заикнулась о крещении, но я просто высмеял её тогда... Жестоко... Она плакала...

Не знал, что ещё сказать, да и не хотелось продолжать. Замолчал, и Нурия молчала.

Долго сидели молча, опять думая каждый о своём.

Саня ушёл остекленевшим взглядом куда-то в никуда и думал: вот возможен был такой разговор о Боге до Афганистана? Нет, конечно, и думать бы не думал — не то что говорить. Посмеялся бы и всё. Или только о мировом разуме что-то лопотал бы, как о своём личном открытии. А что теперь? Почему вдруг стал вообще о Боге думать? Что изменилось? Захотелось, как в детстве, чтобы вроде папы кто-то присматривал, защищал? Это от слабости? И что получается — в Бога все от слабости верят? Ответа не знал. А душу эти размышления царапали, и обычно старался уходить от этих мыслей. А тут Нурия нос к носу с мыслями этими поставила, и пришлось думать.

Сложно...

Глава 3

День сворачивался, вечерело. Солнце уходило за горы, растягивая их длинные синие тени над Асадабадом. Нурия предложила зайти в сестринскую, попить чаю.

Саня увидел курящего на улице молодого бойца, слона⁴ из своей роты, — тот долечивался в санчасти. Подозвал, попросил его прогуляться в роту, сказать дежурному, что Дыбов в санчасти.

Зашли в сестринскую — светлую комнату с большим окном, которая служила и как сестринская, и как процедурная. В углах комнаты, по обе стороны окна стояли медицинские шкафы со стеклянными дверками, заполненные бесконечно позвякивающими при каждом шаге по деревянным полам баночками, скляночками и инструментом.

На краю стоявшей вдоль левой стены кушетки лежала стопка выглаженных медхалатов. На этой кушетке и пациентов принимали, и по очереди отдыхали сами медсёстры, когда было много раненых, и они дежурили по ночам вдвоём.

Дыбов как-то спросил Нурию, почему они мучаются на этой кушетке и не ложатся на кроватях, ведь почти всегда есть пустая палата? Ответ очень удивил: оказывается, из суеверия не спят на кроватях для больных и раненых. Подумал, что скорее всего это что-то или афганское, или вовсе местное — в ПМП в учебке фельдшеры дрыхли в палатах для больных без задних ног. Но говорить об этом не

стал. Да и фельдшеры – те же солдаты, а солдату только дай время на сон, место любое подойдёт, – какие там приметы!

Тогда же вспомнил и про себя, как в учебке в ночном карауле на внутреннем дворе здания гауптвахты заснул на ходу. Ходил по кругу двора под убаюкивающим хлест дождя по плащ-палатке, и во сне правая нога забирала, видать, всё больше и больше на каждом круге. Перешёл на траекторию раскручивающейся спирали и на глазах у подходящей во главе с начкаром⁵ смены караула, освещаемый со столбов ворот яркими кобрами, врезался со всего хода в решётку, лицом к лицу с оторопевшими от такой картины разводящим⁶, начкаром и сменой. С испуга от удара и неожиданной боли (прямо носом в арматуру решётки попал), не до конца проснувшись, заорал во всю глотку благим матом: "Стоять! Стрелять буду!", пропустив уставное "Стоять! Кто идёт?" и добавив почему-то совершенно неуставное: "Лежа-ааа-ть!", и передёрнул затвор. Вся смена вместе с разводящим (белорусом, старшиной Васькой Дещеней, в одном лице совмещавшем, помимо разводящего, ещё четырежды Санино начальство: командира отделения, замка⁷, зама старшины роты и самое страшное – дембеля), и начкаром – командиром роты капитаном Медведевым –, осатанело матерясь, увалилась в лужи. Дыбов проснулся.

Дальше, подсвечивая себе фонарем под глазом (от Васьки, сказавшего при исполнении сего воспитательного акта, чтобы Дыбов всем отвечал, что фонарь тоже от решётки ворот), до подъёма отсыпался в этом же охраняемом здании, но уже в другой ипостаси и с другой стороны железной двери с глазком и лючком для подачи еды.

Посмеялся воспоминанию, вернулся сознанием в сестринскую.

* * *

В сестринской, в середине комнаты рядом с кушеткой стоял стол, за которым медсёстры работали с документами и с пациентами. За этим же столом и чай пили обычно. Второй стол, ближе к окну, был полностью заставлен папками, карточками и канцелярией.

В комнате было штук шесть разношёрстных стульев. Все они оказались тут различными путями. Самый большой, удобный и красивый стул из красного дерева (комбат, как Дыбову показалось, не без зависти, назвал его ханским) стоял у стола и был неприкосновенным местом медсестёр, и только Саня мог позволить себе на нём усесться – он нашёл его в одном из боевых выходов в развалинах какого-то дувала и привёз для Нурии в десантном отделении БМП. Вёз под шутки остряков, делающих предположения о многочисленных вариантах применения почти антикварного предмета мебели – от изготовления индивидуального стульчака до подарка генералу Варенникову в обмен на звезду Героя. Саня поставил стул в сестринской, и это было единственным её украшением.

А в целом сестринская отличалась от любой такой же комнаты в какой-нибудь обычной сельской амбулатории только тем, что на её стенах висели армейские плакаты и плакаты с картинками оказания первой помощи при разного рода пулевых и осколочных ранениях, да приказы для медиков по 40-й армии.

Нурия прошла к электрическому чайнику, стоявшему на одной из двух больших тумбочек у правой стены, включила его, достала что-то к чаю из висевшего над тумбочками шкафчика и накрыла на стол.

Саня заглянул в смежную комнату с картотекой и взял из стоящего там небольшого холодильника кусковой шоколад, завернутый в вощёную бумагу (когда пришёл, занёс и положил шоколад в холодильник, а то потаял бы в кармане на такой жаре), развернул на столе и поколол ножом.

В сестринскую заглянула Елена Михайловна – пожилая медсестра, смешливо-добродушная, немало полноватая некрасивая женщина, красившая даже здесь свои седые волосы в какой-то вызывающе красно-медный цвет. При проверках она прятала свою огненную причёску под солдатскую панаму или медицинскую шапочку. Елена Михайловна говорила хриплым, прокуренным, окаяющим говорком – много курила, хоть и утверждала, что курит только здесь, в Афганистане, а дома – никогда. У неё уже вторая командировка подходила к концу, ждала замену. Когда Саня с Нуриёй приглашали её к чаю, она всепонимающе лукаво с хитрецей улыбалась, чем немного злила Дыбова, да и Нурия хмурилась, и почти всегда оставалась – гоняли чай втроём. Сейчас Елена Михайловна отказалась чаёвничать и ушла в свою комнату.

На тумбочке неровно, стреляя, шумел нагревающийся чайник. Из окна угол сестринской ошупывал тёплый пыльный вечерний луч уходящего за горы солнца. Саня подошёл поближе к лучу и увлечённо следил за игрой сверкающих пылинок в столбике света, иногда дул на луч – пылинки приходили в суматоху, крутились, убегали из луча, прилетали другие.

Из настежь раскрытых створок окна с лопнувшими от недавнего обстрела и заклеенными пластырем стёклами неслась мирная полифоническая разноголосица тропических птиц, утомлённых дневным зноем и радостно встречающих неземным пением облегчение опускающейся на землю относительной вечерней прохлады.

От жары в сестринской, несмотря на открытое окно, стоял крепкий запах карболки и уже давно выкрашенных, но все ещё пахнувших масляной краской полов – всю жизнь жутко нелюбимыми Саней запахами. Но только тут можно было как-то изолироваться от войн⁸, от армии, от людей: везде и всегда, все два года ты с людьми, с сослуживцами, с командирами, и вроде привыкаешь к этому, но вот когда удавалось так посидеть в сестринской вдвоём, это было так хорошо... Очень хорошо! Это

было таким отдохновением, таким праздником души, что для Дыбова со временем этот противный запах стал каким-то уютным, домашним.

Нурия, пока закипал чайник, куда-то выходила, что-то относила, быстренько просмотрела какие-то бумаги. А Дыбов сел на ханский стул у стола, смотрел на её хлопоты и сейчас думал о том, что она ему рассказала. Его глубоко тронула её история, ещё больше – её откровенность, да и вопрос и разговор о Боге удивил, смутил, разбередил и... как-то даже растрогал, что ли. В общем, расчувствовался и неожиданно для самого себя решил рассказать о Гуле, о своей любви к ней. Прямо сильно захотел... У кого что болит...

Чайник с нервным клокотанием и жутким свистом закипел. Саня выдернул штепсель из чайника и содрал с горлышка горячий оплавленный колпачок-свистульку. Нурия, бросив свои дела, подошла, разлила чай, села напротив на кушетку для пациентов.

Саня хмыкнул вслух:

– Обычно наоборот...

Нурия прыснула в ладошку:

– А что... Доктор Дыбов... Звучит...

– Да уж лучше, чем ефрейтор Дыбов.

Посмеялись. Сане показалось, что такой шутке и не улыбнулись бы до армии, а сейчас рады любой – разрядка такая, видать. Давно это заметил – здесь, в Афгане, без всякой анаши самые немудрёные байки и анекдоты, самые простенькие остроты и каламбуры вызывали взрывы смеха, даже хохота, и особенно в передышках в бою. И очень ценились люди, умеющие в аду шуткой сбросить страшное напряжение, расслабить до звона взвинченные нервы.

В группе Дыбова таким человеком был казах Килибеков – ему бы в КВН выступать. Сознательно усиливая свой казахский акцент, но абсолютно серьёзно, не кривляясь и не ёрничая, – а потому и до колик смешно, – вдруг выдавал валяющую с ног реплику. Так, во всей части стала крылатой фраза, брошенная прошлой зимой Килибековым в бою на перевале.

Пошли на выход по сухому морозцу, а потом, как завязался бой (уж кто его знает, как это оказалось связано), потеплело, стало сыро, страшно промозгло и... очень холодно. Повалил мокрый снег, все вымокли до нитки, промёрзли. Снег падал красиво и мирно – крупными липкими хлопьями. Укрывал тяжёлой белизной сырого похоронного савана окружающее холодное мироздание и таял на теплоте суетящихся живых и на ещё не остывших, но уже умиротворённых мёртвых. А духи наваливались и наваливались, окрашивая кровью и пятная своими остывающими телами невинную белизну савана. Откатывались, зализывали раны и каждый раз с удвоенной фанатичной силой возобновляли атаки, не давая замёрзнуть спецназовцам.

После очередной отбитой атаки, когда духи снова откатились, и неожиданно даже их ДШК замолчали, во внезапно родившейся звенящей тишине – побочной дочери оглушительного грохота боя – звонко и серьёзно раздалось килибековское:

– Всё. Перерыв пришёл... Нашальник! Шай давай али кипяток, озябла совсем!

Суровые заснеженные афганские горы содрогнулись, многократно множа эхо взрыва гомерического хохота. Да и духи, видать, тоже содрогнулись – атаки больше не возобновлялись.

Смеялись долго. Иные – до слёз. Дыбов тоже хохотал: откинувшись на камни, лежал спиной на мокроте тающего под промокшим бушлатом снега и, положив на грудь дымящий шипящим паром автомат, глядел прямо в безветренную сыпучую небесных снежинок; хохотал, размазывая на лице то ли растаявший снег, то ли катившиеся от смеха слёзы, то ли смывал с лица болочую тяжесть боя. Как только смех затихал, в другом месте позиций роты кто-то вдруг снова заливался: смех снова подхватывался и даже теми, кто не слышал, что сказал Килибеков. Такое редко случалось, но это точно заменило тогда и сто грамм, и косяк с чарсом⁹.

Вот и сейчас Саня с Нурией от души посмеялись над, казалось бы, совсем не смешной шуткой. А ещё радовался, что Нурия снова стала собой и, казалось, забыла о тяжёлом начале разговора.

А ещё, может, просто оттягивал, не решался начать свой рассказ о сокровенном. Но, посмеявшись, собрался с духом и начал рассказывать, не отрывая глаз от кружки, словно в чае видел свои воспоминания, да и прятал так своё смущение – было неловко рассказывать, но уже решил рассказать – рассказывал. До боли захотелось поделиться.

⁴ Слон – по неуставной иерархии солдат, прослуживший полгода.

⁵ Начкар – начальник караула.

⁶ Разводящий – сержант, разводящий по постам и сменяющий часовых.

⁷ Замок – заместитель командира взвода

⁸ Войны – так называли все боевые выходы. Бойцы спрашивали, например, когда следующая война? Просили взять на войну, если происходил отбор.

⁹ Чарс (чарас, чаррас) – наркотик растительного происхождения, который изготавливается из конопли, по воздействию на человеческий организм превосходит гашиш и марихуану.

Глава 4

Рассказал, что с девятого класса влюблён в свою бывшую одноклассницу Гулю Бахрамову, что ни разу не решился даже просто подойти поболтать, не говоря уж о том, чтобы признаться ей в своих

чувствах. Гуля была настолько не по-земному красива, что Дыбов, видя в зеркале свою губастую, с глазами навывкате, далеко не самую привлекательную физиономию, не мог и представить, что сможет ей понравиться и на что-то рассчитывать.

За три года после школы лишь раз видел её – собирались с одноклассниками на горном озере. Вот уж почти шесть лет прошло со школы. Почти восемь лет, как увидел её первый раз.

— Нуричка, знаешь, звучит, конечно, по книжно-киношному, но ты не смейся... – глянул на Нурию с опаской, но Нурия и не думала смеяться, слушала внимательно, серьёзно. Только сказала в ответ:

– Саш, знаешь же, не люблю это имя...

– Прости, не буду, но имя такое у тебя – не смягчишь, уменьшительных вариантов нет, не то, что у меня...

— Папа меня Нурчик-огурчик звал... Но ты только попробуй! – показала кулак.

Оба улыгнулись. Продолжил:

– Вот правда, так и было на самом деле. Глаза у Гули, ну... совсем невероятные, невозможные... Описать не могу... Однажды встретились с ней взглядами – вот и утонул в её глазах, по-другому сказать не могу...

Рассказал, как увидел Гулю первый раз и, как тогда сказал бы, влюбился, а сейчас думает – любил. Полюбил сразу, как в кино: с того самого первого взгляда.

После восьмого класса перевёлся в математический класс – по окончании школы хотел поступать в Московский инженерно-физический институт на астрофизику. Страстно ею увлекался, проглатывал все книги по астрономии и астрофизике, какие мог найти в библиотеках. Вот и решил математику углублённо изучать для поступления.

Первого сентября, страшно волнуясь, Саня вошёл в кабинет химии, закреплённый за его новым девятым "А". Вошёл вслед за Вовкой Битко, своим другом детства, с которым вместе и перевелись в математический класс. Войдя, от волнения неестественно громко поздоровался. Вышло так неловко, что на него с удивлением посмотрели его новые одноклассники. Смутился, окинул взглядом кабинет, увидел Ленку Спицину, ещё одну одноклассницу из бывшего класса, обрадовался ей. Хоть и не особо общались, сейчас был рад как родной сестре – улыгнулись друг другу. Отлегло, стало не так страшно. Начал искать глазами, куда им с Вовкой сесть и... увидел Её – девочку умопомрачительной, сказочной красоты.

Девочка тоже мельком глянула на вошедших мальчишек и продолжила разговор с одноклассницей, сидевшей за партой перед ней.

А Саня пропал. Он это сразу понял, что пропал. Насовсем. Навсегда...

Стоял, замерев. Кабинет, Вовка, Ленка, новые одноклассники – всё исчезло. Дыхание перехватило. Сколько простоял – не помнил. Хорошо, что Она не обратила на него внимания. С трудом заставив себя отвести взгляд, поплёлся к столу у окна, за который уже сел Вовка. Подсел к нему и уставился на до невозможности красивую девочку.

Зашла классная руководительница. Начался первый урок. Все встали.

– Здравствуйте. Садитесь. Это-изэто... Меня зовут Зоя Ибрагимовна. Я ваш классный руководитель и учитель химии. Это наш с вами класс. Здесь будут проходить занятия по химии, классные часы и родительские собрания. Это-изэто... Сейчас сделаем переключку, я буду называть ваши имена и фамилии – вставляйте, чтобы вы познакомились.

Началась переключка. Саня сидел по диагонали позади парты, за которой сидела незнакомая девочка, – Вовка молодец, как удачно сел, – и не мог оторвать от неё глаз. Ждал, затаив дыхание, когда её вызовут. И... прозвонил. Её вызвали, она встала, а он едва успел уловить имя Гуля.

Гуля... Гулечка... Гульнара...

У Ленки спросил потом, знает ли фамилию? – знала: Бахрамова.

С той поры так и сох по Гуле Бахрамовой, не подходя к ней, не разговаривая, только издали любясь, да иногда крался за ней после школы – провожал до самого дома, а жила она почему-то очень далеко, в самой Фергане – с пересадкой добираться.

Однажды на перемене Саня сидел за своей партой и прислушивался к разговору, который вели одноклассники за его спиной, парты через две. Ребята яростно спорили о чём-то – только и слышал: есть, нет, в принципе не существует...

Никак не мог понять, о чём они – в классе было шумно, слышал не всё, а прислушивался больше потому, что в споре участвовала Гуля. И вдруг слышит, Гуля громко говорит: "А давайте Сашу Дыбова спросим. Са-а-ш..."

Не поверил. Это она к нему обращается? Да других Саш, да ещё Дыбовых, нет в классе.

Встал из-за парты, обернулся. Гуля стояла напротив него, очень близко. И вот тут-то и увидел её глаза. Его поразила, потрясла глубина, просто раскрывшаяся бездна непередаваемого, невозможного оттенка её зелёных колдовских глаз – ну как про такие глаза по-другому скажешь! Упал в эту бездну, утонул, пропал в ней. Внутри всё замерло, а мир вокруг снова исчез, как тогда, когда увидел незнакомую девочку в новом классе.

Смотрел, не отрываясь, даже моргнуть не мог.

Всё, что говорила ему Гуля, вообще не слышал, стоял, обалдело погружённый в её глаза – и так и стоял и стоял бы вечно, и смотрел бы в эту бездну...

Кое-как уловил только сам вопрос:

– ... есть или нет, ты как думаешь?

Вынырнул из бездны... Смешался...

О чём это она? По тону вопроса показалось, что Гуля ждёт от него, что скажет – нет. Он и выдал из пересохшего горла:

– Нет...

Гуля с готовностью и, как показалось, с усмешкой подхватила:

– И я говорю, что любви нет!

Так они о любви?! И он сейчас подтвердил, что любви нет?! Подтвердил ей?! Гуле?!

Начал что-то мычать, что он не то сказал, не то хотел сказать, думал не сказать и вообще... В итоге потерялся, а Гуля потеряла интерес к нему. Отвернулась и продолжила разговор с одноклассниками.

Саня ненавидел себя...

Не помня себя, не сел, а упал за парту. Лицо, уши горели. Хотелось удавиться.

Ну как так?! Ведь в разговорах с кем угодно не лез за словом в карман. Был в принципе очень компанейским – интересным, остроумным собеседником. Скорее, даже болтуном был. Мог поддерживать беседу на любую тему – очень начитанный, читавший книги везде и в любое свободное время, даже в тряске автобуса и на шумных переменах: умел вставить к месту и цитату, и чью-то мысль, да и свои мысли формулировал интересно. Часами трепался с одноклассницами и при встрече, и по телефону.

Встречаясь с друзьями в компаниях, мог аргументированно спорить, захватывая рассказывать о своих приключениях, походах в горы, поездках на каникулах, о встречах с интересными людьми. Сыпал шутками и смешно, с юмором рассказывал о забавных историях, произошедших с ним.

Так почему, почему, почему?!!

Почему язык отнялся, как только появилась возможность поболтать с Гулей?! Как мог не использовать шанс начать с ней общение, стать интересным собеседником для неё?!

Сидел, опустив голову на руки, и проклинал себя, едва удерживаясь, чтобы не заплакать. Потом встал и, ничего никому не сказав, ушёл из школы. Было невозможно оставаться в классе. Было невозможно смотреть на Гулю.

Долго бродил под мелким морозящим дождём по унылым слякотным осенним улицам посёлка. Снова и снова прокручивал в голове произошедшее. Думал, что и как бы мог ответить на вопрос, заданный Гулей. Сейчас-то послушная голова выдавала на-гора остроумные ответы, разные варианты продолжения разговора, даже уже слышал, как он предлагает после уроков посидеть и продолжить полчаса дискуссия.

Или предлагал проводить всем участникам спора Гулю до остановки и поболтать, пока не подойдёт её автобус.

А ещё того лучше, если бы все отказались, а Гуля возьми, да и скажи: ну давай, поболтаем. И буйная Санина фантазия уже рисовала ему: вот они ВДВОЁМ идут на остановку и разговаривают. Беседа становится такой увлекательной, что Гуля пропускает подошедший автобус и говорит, что поедет на следующем. И они продолжают непринуждённо болтать. Саня – само красноречие и остроумие. Гуля только и покатывается со смеху, а он с наслаждением слушает её завораживающе красивый низкий грудной голос.

И Гуля ему говорит, что он, Сашка, забавный, что здорово пообщались и поболтаем ещё потом. Он провожает её. Все становится по-другому, они становятся друзьями, а там...

Идиот...

Это было возможным... Если бы не был таким идиотом, таким ослом. Если бы... Да толку-то теперь было это всё перемалывать в голове, мечтать. Всё уже безвозвратно испорчено. И второго шанса не будет. Саня уже показал себя во всей красе своего ослоумия.

Брёл по размокшим грязно-серым аппликациям листьев чинары на асфальте и думал о том, почему Гуля к нему вообще обратилась? Да ещё с таким вопросом. Ей действительно было интересно узнать его ответ или подсмеивалась над ним?

Не сомневался: знала она, что Саня Дыбов влюблен в неё. Да и весь класс знал – Саня всё время не сводил с небесной красавицы глаз, мог любоваться ею до бесконечности. Гулю это раздражало, одноклассников забавляло: посмеивались над ним, над его таким странным, со стороны смешным... слова-то не подобрать... то ли ухаживанием, то ли выражением чувств. Знал и то, что все знают, и что смешно, знал. Но ничего не мог с собой поделать – не мог не смотреть, не любоваться. Так и продолжал сохнуть, при любом удобном случае плясая на предмет своего обожания, доводя Гулю до белого каления. И вот, она сама дала ему шанс, возможность изменить это, а он...

Идиот. Идиот! Идиот!!!

Хоть, правда, в петлю лезь.

* * *

И вот прошло восемь лет, а забыть Гулю так и не смог..

Саня никогда никому не рассказывал этого. А тут вдруг взял и выложил всё Нурие. Опять же потому, что друг и потому, что... девушка, наверное. Славке Кабышеву не рассказывал... Такое, навер-

ное, только девушке и можно рассказать. Представить такой разговор между парнями – да просто невозможно.

– Смешно, не поверишь, – говорил-то это, опять боясь, что действительно смешно Нурие будет, а самому стыдно, – эта картинка часто снится: стою перед Гулей в классе, смотрю в её глаза и тону... Здесь, в Афгане, особенно часто снится. Вот совсем недавно ночью снилось опять – стою, смотрю в глаза Гуле, мучительно хочу ей что-то сказать, и, как и всегда, не могу, только мычу: губ не разомкнуть! – хихикнул: – Пацаны разбудили – мычал на всю роту¹⁰, рыдал. Смех, да и только. Боец спецназа... Ладно, ещё пацаны не оборжали.

Рассказывая, по маковку залился краской – аж пунцовым стал, но рассказал:

– Украл в десятом классе у Гули её фотографию. Она хотела подарить подружке, нашей же однокласснице, и даже подписала для неё. Я увидел и на перемене спёр прям из портфеля. Так и храню портрет в отцовском портсигаре. Вот странно: отец не курил, а я нашёл портсигар после его гибели в комод. Фотка так хорошо в нём уместилась, только поле с подписью ателье подогнул. Взял с собой в армию, и теперь фотография всегда со мной – таскаю в кармане на все войны.

Замолчал, ждал и боялся реакции Нурии – понимал, что вся история про его любовь нелепая, детская и даже стыдная какая-то. Но Нурия очень по-доброму отнеслась, не стала охать, насмехаться, высказывать своё мнение. Попросила показать фотографию. Саня достал из кармана портсигар, вынул карточку и протянул Нурие.

Нурия взяла. Долго, с минуту рассматривала.

– Красивая какая... Замужем?

– Да не знаю. Наверное... Шесть лет уж после школы прошло. А спросить у одноклассниц что-то, как-то... Да и не пишет уже никто...

Нурия что-то увидев, немного выгнула фотографию, разглядела порез. Дыбов заметил и сказал:

– От ножа духовского. Фотка эта, ну... портсигар, точнее, спас, получается... Когда полетели группу Славкину спасать. Помнишь, рассказывал?

Нурия кивнула, потянулась, накрыла Санину тарабаниющую по столу руку:

– Саш, может, не надо? Опять травмишь себя. Давай тему сменим... Я помню, ты рассказывал...

– Да не... я так... Нормально я... Просто про фотку и портсигар хотел рассказать. Мы там, в мандехе, с духами в рукопашную свалились. Единственный раз такое было – рукопашная... А их больше нас было...

Он вдруг и вправду понял, что его начинает колотить от этого воспоминания. Отнял руку, встал, прошёлся. Уже темнело, прошёл к выключателю, включил свет. Потом подошёл к окну, достал из портсигара сигарету, закурил. Глядел на переходящую от малинового в сталисто-голубое окалину остывающего от солнца неба, выпускал дым в окно.

А в глазах стояла картина того страшного боя: сцепившиеся в яростной, животной ненависти, потерявшие всё человеческое люди-звери, убивающие друг друга всем, чем только могли – ножами, камнями, руками, зубами. Видел звериные оскалы, страшные, выпученные, нечеловеческие глаза, разможжённые головы, кровь повсюду и на всём, застилающий глаза пот – всё было как наяву, вплоть до запаха изо рта душманов, с которыми сцеплялись как бойцовые псы: кромсали плоть друг друга всем, что было в руках; наносили страшные удары, вцеплялись в волосы, в кадыки, в уши, в глаза.

Дыбов нервно курил, гнал от себя это воспоминание. Нурия всё это время молча глядела на него, и он не видел, как она побледнела, словно видела то же, что и он.

Сделав несколько глубоких затяжек, Саня взял себя в руки:

– Короче... Меня там дух ножом ударил в грудь, точно попал между магазинами в лифчике, прям в сердце целился – а там портсигар...

Дыбов, рассказывая, даже ощутил боль в груди от того удара.

– Я от удара отлетел, еле на ногах устоял, у духа от неожиданности рука соскользнула, нож выпрыгнул. Кто-то из наших ему в шею ножом дал, а я для верности ему голову раскроил гранатой от РПГ, она мне в руки попала... ихняя же, духовская... я ей, как дубиной, ударил... Такой сильный гад! – пробил верхнюю крышку мельхиорового портсигара насквозь, фотографию порезал, и даже на обратной крышке вмятина осталась. Вот...

Докурил, затушил снаружи под окном уже обжигающий пальцы окуроч, выбросил его. Подумал ещё одну сигарету закурить – руки тряслись. Но передумал. Сунул руки в карманы и сел снова за стол.

– Да ладно, не о том я... В общем, не отпускает меня Гуля... Никак... Ладно, тогда детство было. Да сейчас-то вроде вырос, – хмыкнул, – большой стал. Но не отпускает...

Нурия взглянула Сане в глаза:

– Напиши ей. Расскажи всё...

¹⁰ Рота – в данном случае имеется в виду помещение роты, казарма.

(Окончание следует).

ЭДУАРД КЕРАШЕВ

Майкоп

Эдуард Капланович Керашев родился в 1975 году в городе Майкопе. Стихотворения писал с детства, но профессионально связал себя с музыкой. Долгое время работал в Государственной филармонии Республики Адыгея. Был солистом эстрадного ансамбля "Оштен", актёром Камерного музыкального театра, радиоведущим.

Заслуженный артист Республики Адыгея. Писал песни, инструментальные композиции, занимался аранжировкой и сочинял слова на музыку других авторов. Всё это время поэзия неотступно шла следом. Спустя годы стал заниматься стихотворчеством вновь. Был неоднократно номинирован на национальные премии "Поэт года" и "Есенинская Русь". Стихотворения автора вошли в альманах всероссийского конкурса "Вначале было слово", периодически печатаются в журнале "Литературная Адыгея".

БЛАГОДАРНОСТЬ*Арсену Хашхожеву*

Скажи мне, друг-кузнец, какие тайны
Святылище твоё в себе хранит?
И что с огнём и звоном наковальни
Твой дух мятежный трепетно роднит?

Поведай мне о том, кто наделяет
Характером безжизненный брусок,
И что за сила руки направляет
В тот миг, когда рождается клинок?

Однажды боги двери приоткрыли
В далекий мир, что нам непостижим.
Я видел, как железо оживили
Они искусным молотом твоим.

И как из раскалённого металла
Ударами литого кулака
Сверкающие брызги высекала
Твоя неповторимая рука.

Тогда, от изумления ослепший
И что-то говорящий невпопад,
Я видел торжествующего Глепша,
Его священнодействия обряд.

Там в бликах горна таинство сияло,
Менялся времени обычный ход.
Душа благоговейно наблюдала
Ликующего гения полёт.

Мой друг-кузнец, ты знаешь, мы похожи!
Ты даришь жизнь отточенным клинкам,
А я кую пером и им, быть может,
Сумею так же послужить богам.

Благодарность

Какое счастье всё же жить!
Какое счастье быть поэтом
И, вдохновением согретым,
Словами Бога говорить.

Какая честь – Ему служить!
Себя сжигая без остатка
В огне томящей муки сладкой,
В миры бездонные светить.

Раскинув руки, я взлечу,
Узрев Божественные знаки,
И превращу в горящий факел
Души нетленную свечу.

И пусть пылают языки!
Сгорю, но клятвы не нарушу
В надежде, что другие души
Свои затеплят огоньки.

И кто-то после, в свой черёд,
Взлетит, неся святое пламя.
Кометой яркой над мирами
Он силу Слова пронесёт.

И хоть мой вклад ничтожно мал,
Но путь поэта светозарен.
Я буду вечно благодарен
За то, что Бог меня избрал!

Воспоминание

И снова ночь. Хвала богам
За эти ночи вдохновенья,
Когда неясные виденья
Влекут к далёким берегам.
Омытые водой забвенья,
Следы мои навеки там.

Стоял июль. О, для меня
Воспоминанья эти сладки!
В лесу стоящие палатки,
Цикады звон при свете дня
И запах хвои ароматный,
Ночные песни у огня.

А после я рассвет встречал,
Ступая в море, негой полный.
Меня окутывали волны,
И ласково прибой шептал,
И тихо-тихо, монотонно
Он сонный берег обнимал.

Отраднa память этих дней,
Поры меняющих прозрений
И долгожданных откровений,
И новых, преданных друзей.
Узоры вдохновенный Гений
Сплетал из жизненных путей.

Там каждый миг чудесен был.
В сердцах цвели бутоны розы,
И очищающие слёзы
Лились, и в небе дух парил.
Волшебные метаморфозы
Нам каждый новый день дарил.

И были все одна семья.
Любви не ставили мы сроков,
Бежать стремились от пороков,
Познать законы бытия.
И об одном из тех уроков
Поведаю я вам, друзья.

И вот меня перенесли
Картины памяти блаженной
В былой армагеддон трёхдневный.
Там горизонт зарницы жгли,
И шторм, пугающий и гневный,
Гремел, а волны шли и шли.

Перед глазами, как сейчас,
Громады рушатся о скалы
Ревущим зверем вал за валом.
Там тучи двигались на нас.
И грохот силы небывалой
Ошеломлял за разом раз.

Взмывала водяная пыль,
Не утихала канонада.
Как будто канониры ада
За фитилями жгли фитиль.
Три дня в атаку шла армада,
А на четвёртый – полный штиль.

Как будто шторм и не бывал,
Сияло солнце так лучисто.
И море – холодно, но чисто,
Как прежде, нежилося у скал.
Вот только берег каменистый
Не виден – сор его скрывал.

Он осквернял течение вод,
Мутилась синь за кораблями
Людей беспечными руками.
А море терпит, море ждёт,
Но очищение штормами
Неотвратимо настает.

И чем обширнее пласты
В морях накопленного хлама,
Тем злее штормовые драмы,
Но после воды вновь чисты,
И вновь влекут к себе, как к храму
Невыразимой красоты.

И мне открылась мудрость там:
Ничто случайным не бывает,
И то, что так порой пугает,
Несёт благу пользу нам.
Не бойтесь бурь, что очищают.
Но в душах не копите хлам.

Так я глядел на дали вод,
Восторгом тихим переполнен.
Хвала Творцу за жизни волны!
Очистив душу, шторм уйдет.
И дай мне Бог об этом помнить
В часы сомнений и невзгод!

Дерева

Осень волшебная с миром прощается,
Радует взоры небес синева.
В золоте света деревья купаются,
Золото под ноги стелет листва.

Тянутся к небу друзья рукокрылые,
Ветви незримый питает эфир.
Долу сквозит, и живительной силою
Переполняется жаждающий мир.

Чую – восторгом деревья наполнены.
Слышу, как тихо пространство звенит.
То дирижёром ведомая огненным,
Песнь торжествующей жизни звучит.

Таинство этой великой симфонии
Длани лучистые плавно ведут.
Гимны несслыханной, дивной гармонии,
Чинно слагая, деревья поют.

Как я люблю вас, друзья люботрудные!
Можно ли к верным прибегнуть словам,
Дабы воздать за дары ваши чудные,
Коим от века обязан я вам?

Вы бережётесь о нас колыбелями,
Время приходит – последней ладьей.
Зноем ли лета, зимы ли метелями
Жертвенный путь продолжаете свой.

Там, где теплились лучины зажжённые,
Слышался древних сказаний распев.
Подвигом предков навек окрылённые,
Дети на подвиги шли, повзрослев.

Спутники вечные наши крылатые,
Как же мы слепы и глухи порой,
В час, когда горней любовью объятые,
Вы излучаете свет неземной.

Дайте обнять вас, друзья вдохновенные,
Наши гандхарвы, пленяющие слух!
Внемлет Земля, замирает Вселенная,
Ввысь окрылённый возносится дух.

Маска

Всё снова повторяется, как в сказке.
Как будто в сотый раз смотрю кино.
Я в зеркало гляжу и вижу маску.
Ношу её, увы, уже давно.

Она легко меняет очертанья,
Как изменяет цвет хамелеон.
Играя со средою обитанья,
В метаморфозах век проводит он.

Вот так и я! Атака, оборона –
Моё оружие всегда со мной.
Но в этом мастерстве хамелеона
Я разучился быть самим собой.

В любую роль войду без разговора.
Герой? Паяц? Хоть чёрт на фонаре!
Но кто под гримом этого актёра
Блится в затянувшейся игре?

Он всё осознаёт и понимает,
И с образом расстаться не спешит.
За маскою он тщательно скрывает
Бессилие израненной души.

Да и сорвать её не так уж просто.
Взглянуть себе в глаза в конце концов.
Боюсь под ней увидеть мёртвый остов
Иль в шрамах постаревшее лицо.

Надежда

Порой перечеркнуть всё хочется.
И, что казалось, решено,
То, что годами нам пророчится
Убрать из книги жизни. Но...

Терзаясь жаждой перемены, мы
К победе тысячи путей
Перегораживаем стенами
Неизживаемых страстей.

Возводим крепость основательно.
В бойницах старые стрелки.
Они секут, секут старательно
На штурм идущие полки.

Но атакующая армия
Упрямо снова рвётся в бой.
Её на эти стены давние
Уводит Вера за собой.

Ликуй, триумф завоевателя!
Везде, где реет Веры стяг,
Смолкают клики неприятеля,
Израненный трепещет враг.

И боевыми генералами
Неувядающей мечты
Мы переписываем заново
Судьбы измятые листы.

Пути откроем непременно мы.
Увидим дали широки.
А над разрушенными стенами
Надежды новые ростки.

Осень

Мне в окно стучала Осень,
Барабанили дожди.
Я слышал, как Осень просит:
"Где ты, милый? Выходи!"

Мне обнять тебя неймётся.
Ну же! Отвори окно!
Слышу – снова сердце бьётся,
Вдохновением полно.

Нас с тобою обручила,
Сужеными нарекла
Муза, что тебя любила
И всегда тебя ждала.

Я в наряде подвенечном
Прихожу к тебе опять,
Дабы нам – супругам вечным –
Строки новые рождать.

Милый, мы с тобою вместе
Мир любовью одарим.
Я пришла – твоя невеста.
Мне окошко отвори!"

Я открыл окно заветной
И обнял её, шутя,
А она любила ветром,
Поцелуями дождя.

Небывалые сюжеты
Танец Осени дарил.
Из промокшей сигареты
Дым в окошко уходил.

Ко причалу вдохновенья
Путь желанный был открыт.
И неясные виденья
Обретали чёткий вид.

И, качнув руками веток,
Осень мокрою листвою
Мне шепнула напоследок:
"Завтра снова я с тобой".

Письмо отцу

Привет, отец! Поговорим?
Теперь мне сорок три.
Что случилось с мальчиком твоим
Кудрявым – посмотри!

Похож седеющий пострел
На сына твоего?
Когда-то ты уже сумел
Своим признать его.

Ты поспешил, купив в пылу
В один конец билет,
А я по битому стеклу
Шёл восемнадцать лет.

Мне в детстве падать не пришлось –
Вела твоя любовь.
Настало время, довелось
Ходить учиться вновь.

Слепящей болью каждый шаг
Мне ступни обжигал.
Я против ветра, бос и наг,
Шагал, шагал, шагал.

Меняли горечи потерь
Знакомые черты.
Таким, каким я стал теперь,
Меня узнаешь ты?

Отец! Я не о том! Прости!
Мне надо б рассказать,
Что внуки выросли твои –
Их точно не узнать!

Какой бы радостью ты мог
Наполнить их сердца!
Как жаль! Не подарил им Бог
Такого же отца...

Стекла уже не слышу хруст,
И кровь занёс песок.
Уже не помню наизусть
Слова былых дорог.

Любил, как мог, но не для всех
Открыл я счастья дверь.
Его не много и для тех,
Кого люблю теперь.

Но знаешь? Годы, что прошли,
Не были столь плохи.
Ты, главное, прости мои
Сыновние грехи!

И знай, что время не сотрёт
Ту память о тебе,
Что благодарный сын несёт,
Признателен судьбе

За то, что ты когда-то был,
Дарил, любил, прощал,
Хотя при жизни жертв и сил
Твой сын не оправдал.

За то, что смог не погасить
Великую мечту
О том, что сможет он дарить
Любовь и красоту.

И за усилия твои,
За то, что на века –
Тебе объятия мои!
Тебе – моя рука!

Водной

Звнящее золото света,
Прозрачная пыль в небесах.
Горячее южное лето
Сияет в зелёных глазах.

Распахнуты крылья свободы,
И сердце ликует, звеня.
Река в изумрудные воды
Восторженно манит меня.

На дно погружаюсь умело,
К теченью ложусь головой,
И каждую клеточку тела
Вода наполняет собой.

Сперва что-то слышу невнятно,
Но вдруг в восхитительный миг
Становится сразу понятным
Её величавый язык.

Я чувствую змей в перекатах –
Грозу сребробокых рыбёх,
Беспечных лягушек брюхагых
Встревоженный переполох.

И время с дыханьем застыло,
И мысленный гомон затих.
Реки бесконечная сила
Пульсирует в венах моих.

Я вынырнул, воздух хватая.
Не вырос ли хвост за спиной?
Мальков я приветствую стаю:
"Ну, здравствуйте! Я – Водной!"

Воззвание к братьям

Стрелы Небес,
где же вы?
Пуст мой колчан
кожаный.
Новых Голгоф
жертвенных
Вновь набухает
опухоль.

Раны саднят
старые,
Молотом пульс
ухает,
Пятна горят
алые.
Слушайте нас!
Слушайте!

Мы не хотим
жертвами
Тлеть на углях
капища!
Не для того
трепетно
Души Отец
взращивал.

Не торжеству
Молоха
Агнцем служить
безропотным,
Но для любви
подвига
Был Человек
Создан Им.

Если рабы –
то Божии!
Им лишь одним
гордые!
Наши мечи
не сложены!
Где же вы,
братья горние?

Бейте в набат!
 Бейте же!
 Жгите огни
 сигнальные!
 Нас на колени
 тёмные
 Всё ещё
 не поставили.
 Всё ещё глаз
 сияющих
 Ворон чужой
 не выклевал.
 Встаньте же
 на подмогу нам!
 Выстоим мы!
 Выстоим!
 Пуст мой колчан? –
 Меч в руке!
 Выпадет меч –
 рука крепка!
 Станем стеной –
 рука к руке!
 Мы ещё
 на ногах пока!
 Время пришло!
 Слышите?
 Воды сошли
 вешние.
 Вам разожгут
 маяк в пути
 Братья земные
 грешные.

Голоса

Причудливая пена облаков
 Легла на тёмной сини небосвода.
 Глубины неизведанных миров
 Зовут в свои таинственные воды.
 И, кажется, лишь руку протяни
 К поверхности ночного океана,
 Разводы белопенные смахни,
 И тотчас образ явится желанный
 Чего-то долгожданного с поры
 Намного больше знающего детства,
 Душою чистой в дальние миры
 Умеющего запросто взглядеться.
 Умеющего сердце отворить
 Далёким голосам, не зная хлопот,
 С живою детской верою любить
 Всё то, что убивает взрослый опыт.
 Я эти голоса забыть не смогу.
 Они всегда звучали ниоткуда.
 Сквозь тяготы сомнений и тревог
 Я верю – мне явится моё чудо.
 Вот и сейчас душа озарена.
 Каким увижу образ долгожданный?
 Я думаю и, стоя у окна,
 Гляжу в простор ночного океана.

Дрейф

Дрейфует шхуна третью неделю.
 На воды влажным брюхом лёг туман.
 Матросы одурели от безделья,
 И заперся в каюте капитан.
 Дельфинов блещут матовые спины,
 Зовут с собою наперегонки.
 Резвятся молодые афалины,
 И режут гладь спинные плавники.
 Они зовут туда, где солнце светит.
 Им ведомо, где кончится туман.
 Дельфины ждут, что люди их заметят,
 Но пьян матрос и заперт капитан.
 А мимо пролетают альбатросы.
 Они кричат, что видят свет вдаль,
 Но мечут карты пьяные матросы,
 Ракушкой древа днища обросли.
 Отяжелела в этом дрейфе шхуна.
 Пора за дело братья, старый волк!
 Из этих вод печальных и угрюмых –
 Вперёд, пока клич птицы не умолк!
 Вперёд, отбросив сонное похмелье,
 Туда, где воды светлы и легки.
 Где семь под килем, и далёки мели.
 Туда, где ждут родные маяки.
 Я верю – не развернется пучина,
 Куда бы снова дьявол ни занёс,
 Пока на страже мудрые дельфины
 И будет рядом верный альбатрос.

Медитация

Очерчен круг, слова изречены,
 Священные огни во тьме пылали.
 И тусклым серебром лучи луны
 Ашрам ночного леса освещали.
 В звенящее беззвучие веков
 Обыденные канули картины.
 Мой дух, освобождённый от оков,
 С пространством бесконечным стал единым.
 Неслышанное слышал я тогда,
 Невидимое видел изнутри я.
 Познания алмазные врата
 Сознанию открыла синергия.
 Кругом неизреченный свет сиял,
 Раскрылась лепестками анахата.
 Я в ритме Мироздания дышал
 И зрел времён восходы и закаты.
 Всё было просто, ясно и легко,
 И знание это вряд ли выразишь.
 Оно со мной из глубины веков
 Из жизни в жизнь скитается незримо.
 Его в слова пытался я облечь.
 Лишь "мир тебе" в душе моей звучало.
 Как жаль, что человеческая речь
 Порой способна выразить так мало.

Не помню, долго ль был в блаженстве я.
 Сухой листок, опав, плеча коснулся.
 Лесные духи – верные друзья –
 Уже рассвет встречали. Я вернулся.

Размышление у дольмена

Куда идёшь ты, человек,
 Ветрам оставив предков тропы?
 Несётся в бешеном галопе
 Бездушный, суетливый век...

Где вольный скиф, где печенег?
 Их унесло рекой забвенья.
 Останови хоть на мгновенье
 Ты времени безумный бег!

Под вечным пологом небес,
 Среди старины обломков бранных
 Спешу услышать голос древних,
 Пока не смолк он, не исчез!

Куда спешишь ты? Почему?
 Ты сам спроси себя однажды!
 И голос прошлого укажет
 Дорогу к дому твоему.

Сердце матери

Во мне одно явление живёт.
 Оно со мною в такт
 в травинке каждой дышит.

Как любящая мать
 вниманья сына ждёт.

И он в её руках,
 но где-то счастья ищет,
 А любящее сердце ждёт и ждёт.

Дитя кораблик утлый мастерит.
 Глаза его горят,
 хоть руки неумелы.

Он верит, что пред ним
 заветный путь открыт,

И дальние края
 увидят парус белый.

На это тихо мать благословит.

И сын уйдёт, доверяясь небесам.
 Увидит бури он,
 и станет чёлн фрегатом.

Он будет верить, что
 вершит открытья сам,

А мать его мечтам
 поможет стать крылатым.

Её любовь наполнит паруса.

Изменят сына тысячи дорог,
 Возрастят потоки вод,
 и мудры станут вежды.

Открыв родную дверь,
 он станет на порог.
 А мать к своей груди
 прижмёт его, как прежде
 И скажет: "Я ждала тебя, сынок!".

В чём сила матерей себя берёт?
 Они хранят миры
 своим лучистым взглядом.
 Любой из нас, детей,
 лишь там себя найдёт,
 Где любящее сердце бьётся рядом.
 И там! И только там
 нас счастье ждёт!

Я принимаю бой

Я здесь! Я принимаю бой!
 Сомненья прочь и прочь забрала!
 Я брызги высеку кресалом
 На просмолённый факел мой.

Я здесь! Вы слышите меня,
 Гиены выжженной саванны?
 Пред вами ужин ваш желанный.
 Ко мне! Отведайте огня!

Ко мне! Под вихри алых брызг
 Насмешливый я слышу хохот.
 Но как бы этот гадкий грохот
 Не превратился в жалкий визг!

Щитом от вас мне будет Тот,
 Пред Кем трепещет мирозданье,
 И чья любовь, и чьё желанье
 Дыханье сущему даёт.

Минует ночь, и новый день
 Для вас беду несёт – вы знайте!
 И о пощаде не мечтайте!
 Зло не сумеет скрыться в тень.

Я не один вступаю в бой.
 И пусть летят по ветру клочья!
 Я вас помечу этой ночью
 Своею огненной рукой.

И в неизбежном свете дня
 Не прячьте гнев на мордах бурых!
 Вас обличат следы на шкурах –
 Клеймо священного огня.

АННА ТОКАРЕВА

Московская область

Анна Токарева родилась в 1956 году. Живёт в городе Егорьевске Московской области. Окончила Московское областное культурно-просветительное училище. По образованию библиотечарь. Стихи пишет с детства.

Печаталась в различных газетах, альманахах, журналах и сборниках.

Лауреат сайта "Российский писатель" (2017), литературной премии "Слово" (2018), VI Международного литературного фестиваля "Славянская лира-2019" (Беларусь), Всероссийского поэтического конкурса имени Сергея Есенина (2021), международного литературного конкурса "Золотой диплом".

Награждена знаком Губернатора Рязанской области "125 лет со дня рождения Сергея Есенина", медалью имени нобелевского лауреата Ивана Бунина, дипломом МОО СП России "За верное служение отечественной литературе".

Автор двух поэтических книг: "Рябина в меду" и "От одиночества до счастья". Стихи переведены на болгарский и кумыкский языки.

Член Союза писателей России с 2004 года.

ТРАВА БЛАГОУХАННАЯ

Вина

Ночная птица – трень да трень.
Апрельский дождь по крыше хлещет.
Берёз качающихся тень
В окне затюленном трепещет.

Гоню бессонницу из глаз
И нежусь в ласковой постели...
А в это время на Донбасс
Ракеты смерти полетели.

Вновь солнце начало сиять,
И небо ласково бездонно.
А где-то в Горловке опять
Убита "Градами" Мадонна.

За ад Одессы по весне,
За пепел, смерть Ясиноватой,
За вопль и шёпот на войне
Себя считаю виноватой.

Изводит горькая вина,
Огнём на сердце пламеня.
Я покаяния полна
За то, что хлеб и кров имею.

Трава благоуханная

Мне нравятся названия
Зелёных трав, цветов:
Вечерница, журавельник,
Купырь, черноголов,

Нивянка и овсяница,
Сердечник и жабрей,
Букашник и купальница,
Пустырник и кипрей...

Таинственные, добрые,
Волшебные слова,
Смекалка в них народная,
Находчивость жива.

Трава благоуханная,
Тобой не надышусь –
И я не безымянная:
Анютою зовусь.

Одно нас греет солнышко,
Озябших поутру,
Мы клонимся без колышка
На яростном ветру.

Топчите – нас не вытоптать,
Косите – отрастём,
Пытайте-ка – не выпытать,
Где силу мы берём.

Спроси козлобородника –
Молчание в ответ.
Россия – наша Родина,
И в этом весь секрет!

* * *

Мы по воронкам прошлых лет
Шагали, головы не прятав.
Скажи мне, небо, дай ответ –
Зачем ты снова шлешь раскаты,

Грозишься выдать нам суму,
Лишить и хлеба, и обновы?
Признайся, небо, почему
Ты вновь воинственно сурово?

Мы знали с детства: мирно жить –
Для всех великое богатство.
За что пытаешься лишить
Славянский мир объятий братства?

Изба и хата вновь в дыму,
Над ними аисты унылы.
Лютует зверь, сгущает тьму
И множит братские могилы.

Звон

В годину жутких потрясений,
Когда безумствовала гнусь,
Писал восторженно Есенин:
"Звени, звени золотая Русь".

И Русь звенела – то цепями,
То пеньем вольных Божьих птиц,
То золотыми куполами,
Нещадно скинутыми ниц.

За лихолетьем – лихолетье,
А Русь по-прежнему звенит:
Звенят монеты, пули, плети
И русский меч, и русский щит.

Звенит призыв по всей юдоли:
"Вперёд! За Родину! Не трусь!".
Держись, звени на ратном поле,
Врагом не сломленная Русь!

Сныть

Корни твои беспощадно рублю,
Злось, негодую, но всё же – люблю!
Ты меня учишь бороться, не ныть,
Злостный сорняк – жизнестойкая сныть.

Эх, достаётся тебе поделом.
Ты же на зло отвечаешь теплом:
Новою зеленью вкусных листов,
Кружевом белых ажурных цветов.

Сколько в тебе и смиренья, и сил!
Сколько беззлобия к тем, кто губил!
Знаю, что буду тобой прощена,
Я и сама всепрощенья полна.

Напрямик

То вкривь я иду, то кругами,
То вдруг упираюсь в тупик.
В житейском унылом бедламе
Непросто идти напрямик.

Делиться своим караваем
Трудней, чем шипами обид.
И хата, которая с краю,
Бездушной незнайкой стоит.

Её обогну без досады
И снова пойду напрямиком
Туда, где в объятиях сада
Пригрелся родительский дом.

Где добрый хозяин приветлив,
Не держит собак на цепях,
Где в яблоках – гибкие ветви,
А крыши карниз – в голубях.

Где нет устрашающих пугал,
Где тлеет в костре уголёк,
Где каждый тупик или угол –
Уютный родной уголок.

Месяц

Над печалью осоки,
Над тоской ивняка
Ходит месяц высокий,
Потирая бока.

Добродушный, холёный,
В золотом сюртуке,
То любитесь клоном –
Отраженьем в реке,

То к Дельфину приникнет,
То проведает Киль,
То с Волос Вероники
Сдует звёздную пыль.

Он далёк от земного,
И ему всё равно,
Если где-нибудь снова
Вдруг запахнет войной,

Иль возникнет цунами,
Иль проснётся вулкан,
Или стукнутся лбами
Президенты двух стран.

Он не знает печали
И не чувствует мук.
Лишь бы звёзды сияли,
Не тускнел бы сюртук.

Дельфин, Киль, Волосы Вероники – созвездия.

* * *

Вопли звучат инородные
Песням родным вопреки.
Родина, солнце холодное,
Живы твои кулики.

Время в садах позаброшенных
Вырезать гиблый сушняк,
Вспомнить, что было хорошего,
Вспомнить, что было не так.

Братья и сёстры, мне верится
В то, что поднимется рать,
В то, что поникшее деревце
Листья расправит опять.

Чтобы цвести безбоязненно
В белом саду по весне,
Чтобы и горе, и праздники
Не насаждались извне.

* * *

Ради нас – и лопух придорожный,
И тюльпана лиловый бокал,
И заря, что легла осторожно
На безмолвие водных зеркал;

И кузнечик, что вечно стрекочет,
И пчелы неуёмная прыть,
И горластый задиристый кочет,
Что мечтает летающим быть...

И коровы дородное вымя,
И доверчивый пульс родника,
И певучее Родины имя
Не на час, не на год – на века.

* * *

"Раньше выстрела не падай, –
Ты однажды произнёс. –
Даже если слёзы градом,
Никогда не вешай нос!".

В час бессилия я трушу.
Сердце в пятках, как всегда.
Но девиз твой лечит душу
Так, что пятится беда.

И свалившись носом в яму, –
Руки тонкие вразброс,
Я теперь твержу упрямо:
"Не сдавайся, выше нос!".

* * *

Стихли щебет и пение.
Молчалив листопад.
Осень учит терпению
К новой боли утрат.

Ярких листьев горение
Не щадит листвобой.
Осень учит смирению
В испытаньях судьбой.

Первый снег лепит в лоб, и я
Надвигаю колпак.
Осень учит незлобию
В отраженьях атак.

Ранить душу осеннюю
Каждый дождь норовит.
Осень учит прощению
Мелких ссор и обид.

В спячке громы и молнии,
Солнце светит едва.
Осень учит безмолвию,
Коль напрасны слова.

* * *

Знаю я тихое место
Возле колючих ветвей.
Только ни взглядом, ни жестом
Тайны не выдам своей.

Там, где еловые сучья
Словно оленье рога,
Где муравьиные кучи
Тронуть не смеет нога –

Вот он, в засоле хрустящий,
Вкусный трофей грибника,
С чёрною шляпкой блестящей,
Мокрой, как нос у щенка!

Жаждет ему поклониться
Каждый заядлый грибник.
Острые хвойные спицы
Сыплются за воротник.

Всё соберу до груздочка,
Хоть онемела спина.
Будет дубовая бочка
Пряным соленьем полна!

Оттенила

Взгляни вокруг, бровей не хмурь:
Сугробы – белыми стогами,
И наста хрупкая глазурь
Хрустит под нашими ногами.

Капель, сосульки, снеговик
И гололёда бледный глянец...
Всё это – оттепели лик,
Её весёлый, лёгкий танец.

И пусть испорчена лыжня,
Зато ласкает солнце кожу.
Весна и оттепель – родня.
Пусть отдалённая, но всё же...

* * *

Утомилась в пути,
Но поклажу не брошу,
Хоть и трудно нести
Непосильную ношу.

В ней – жемчужины встреч,
Расставаний гагаты*,
С придыханием речь
И стенанья утрагы.

А под грузом, на дне,
Притаилась обнова:
Не послушное мне,
Сокровенное слово.

Я его берегла
И не молвила всуе.
Прошептать не могла,
Перед явью пасуя.

А теперь достаю,
Полнозвучное ныне:
Буква "эль", буква "ю",
Буква "бэ" в середине.

* Гагат (чёрная яшма) – поделочный камень с ярким блеском.

Считают, что он смягчает разлуку и уменьшает душевную боль.

Отыщи

Не ищи меня, ветер, на ромашковом поле.
Я своё отгадала, обрывая цветы,
Принимая плененье за обманную волю,
Принимая лукавство за порыв доброты.

Не ищи меня, солнце, на оставленных плёсах,
На песках раскалённых, возле кромки воды.
Я в реке размышлений утопила вопросы
И настроила сердце на иные лады.

Не ищи меня, месяц, золотой непоседа,
На еловой подстилке у дымящей золы.
Нет ночных светляков, лишь жуки-короеды
В Берендеевом царстве оголяют стволы.

Отыщи меня, милый. Пусть дороги – ухабы.
Пусть в родной глухомани что ни лес – бурелом.

Позови меня, милый. По колдобинам я бы
Побежала немедля. Наугад. Напролом.

Шаль

За прозрачной занавеской
Мрак и тишина,
Да струится холод дерзко
В щёлочку окна.

Мёрзну даже в тёплой шали,
Пальцы – в рукава.
Вроде окна утепляли
К свету Покрова.

Вроде пышут батареи
Преданно огнём...
Приходи ко мне скорее
Ночью или днём.

Будет тихо шаль на кресле
Время коротать...
Ты меня согреешь, если
Не устану ждать.

СЕРГЕЙ БОНДАРЮК

Анапа

Сергей Бондарюк – художник-живописец. Член Международного Художественного Фонда при московском объединении художников, член Союза кубанских художников. Поэт, член Российского союза писателей. Много лет был редактором литературно-художественного альманаха "Парус" (Анапа). Теоретик искусства, эссеист. Печатался в различных журналах и сборниках.

Лауреат Первого всероссийского литературного фестиваля-конкурса "Поэзии прекрасный свет", Большого Литературного Конкурса портала Стихи.ру, лауреат международной выставки-конкурса современного изобразительного искусства "Мир, как вижу его я", а также других творческих и профессиональных конкурсов и фестивалей.

Постановлением президиума РСП награждён Пушкинской медалью за вклад в развитие русской литературы. Имеет благодарность министра культуры Краснодарского края за существенный вклад в развитие, сохранение и популяризацию кубанской культуры, искусства, кинематографии.

Вышел в свет сборник стихотворений "Amen" (2011). Готовится к печати сборник стихотворений "Sub luna vivo".

НЕБЫВАЛЬЩИНА

Поэтический цикл

Про ежи

Поле ветреным, сорочьим,
вдоль оврага, вдоль межи,
шли куда-то тёмной ночью
беспокойные ежи.

Мимо стонущего леса
шли за чем ли, вопреки?
Может, волки, может, бесы
выли в ямах у реки.

Долго ль, коротко ль блукали,
в льдистой мгле лучину жгли.
Может быть, чего искали?
Может, что-то берегли?

Может быть, куда хотели
узкой тропкой добрести?
Может, в снежной карусели
тщились что-то обрести?

Жались в кучку и, не зная
ни надежды, ни тепла,
иглы в ближнего вонзали
безотчётно, не со зла...

Экзистенциальное

Я здесь всегда. Здесь время не течёт.
Здесь только дом, дорога, туча, поле.
Я знаю всех ворон наперечёт
и смысл всего. Ну, может, чуть поболее...

Топчу травинки с хрустом поутру –
спасаю мир от вездесущих плевел
и, отреченья не простив Петру,
разбрасываю камни в дикий клевер.
Смотрю на тучу, но не жду дождя.
Здесь ветра нет и недвижимо небо.
Все семь ворон отчаянно галдят
и у меня выпрашивают хлеба.

А на закате я ловлю стрекоз
на слюдяной поверхности эфира
и в огненной чреде метаморфоз
играю вновь в непостоянство мира.
Мой верный пёс гоняет вечных блох,
рычит в закат и жмётся мне под ноги.
Горит в заре густой чертополох
вдоль пыльной закольцованной дороги.

В тот самый миг, когда сгорает день,
над окоёмом, жарко и прекрасно,
причудливая призрачная тень,
сгущаясь, проявляется опасно.
Из беспокойной вечности иной
летят ко мне пугливые мерцанья,
чтоб в недвижимой линзе слюдяной
явить прозренья, память, прорицанье –
безумный мир, в котором, как в бреду,
беснуется испуганное время.
И я был там, в стотысячном ряду, –
тащил надежд податливое бремя.

Там мой двойник. Он смотрит на меня
нетерпеливо – взглядом дерзким, юным...
Я, улыбнувшись в сполохи огня,
иду домой по неостывшим дюнам...

Мартовское

Он, триедин, спускался на заре
в эдем уездный за расстригой-мартом.
Здесь из лазури, ветра и азарта
кроил мой мир скитов и сизарей –
звенящий мир капелей и дождей,
церквушек, облепиховых настоек,
мир новостроек, строек, перестроек,
монастырей, брусчатых площадей.

Он судьбы шил из тысячи причин
двойною нитью веры и безверья
и облаков задумчивые перья
ронял на стёкла зданий и машин.
Укутывал в туманы древний град
и, кто бы знал, скрывал ли он дорогу?
Но Бог был мудр, а, значит, слава Богу
за путь вотще, в ничто и наугад.

Переполюняла странная печаль
отца и сына и святого духа,
и наливал он память-медовуху
на посошок в колодезный грааль.
В бездонном небе таяли дымы.
Архангел, так на дворника похожий,
делил на проходимцев и прохожих,
сбежавших от тюрьмы и от сумы.

Мир сотворённый – буен, юн, жесток –
плыл в пустоте с чудным названьем "Лета".
И бушевало время над планетой,
и я ему противился, как мог...

Рыбацкое метафизическое

Ночь – время клёва лунного сома!
Мы в темноте, по-брейгелевски слепо,
искали реку, сетуя нелепо
на недостаток счастья и ума.
Был этот вечер выкурен, пропит,
забыт и втиснут в застеколье окон.
Свернулось небо в серебристый кокон,
застрявший в перигелиях орбит.
Но, осветив ближайший лес и лёсс,
всё взбаламутив, грузно и весома,
надеждой растревожив хромосомы,
упало "нечто" в засверкавший плёс.
Отозвалось безмолвием в груди.
Вдруг прожитое как-то измельчало,
притихло, прогорело, прозвучало
и разлетелось пеплом позади.
И стартовали искры от костра,
как корабли, в бескрайний чёрный космос,
земля вращалась – грандиозный компас,
вновь изрекали вечное уста.
Уха варилась, злились комары,
топорщил сом усищи на кукане,
томила водка на камнях в стакане,
и затаилось завтра до поры,

пережидая буйный лунный свет.
Горчили росы – странное похмелье.
Мы изловить великое не смели,
и "нечто" тихо пряталось в рассвет...

Возвращение

Поддавшись присной турбулентности
своей мятущейся души,
в божественной многовалентности
святой приземистой глуши,
хмельной, но бритою субстанцией,
я выпаду среди холмов –
меж школой и метеостанцией,
меж двух чулымских рукавов.

Сомну гречиху запылённую
у входа в позабытый рай.
Вдруг, не узнав меня, холёного,
поднимет пёс Антихрист лай.
Закурит "беломор" задумчиво
артельный сторож Гавриил,
и побегут дымки летучие
туда, где я при жизни жил...

Туда, где крыши почерневшие
торчат из высохшей травы,
где только комары да лешие,
да тракт разбитый – до Тувы.
Где баба Дуня с тётей Зиной –
информбюро всяя Руси,
где три сосны у магазина и
в пруду заросшем – караси.

Там, под стрехою скособоченной,
я рос упрямый, как пырей.
Там время дремлет у обочины,
а дед Никифор – у дверей.
Там прошлое – в далёком будущем,
за сотню вёрст, за той рекой,
и блудный я в джинсовом рубище,
и всепрошенье, и покой...

Про мыльницу

Выльется,
обязательно всё когда-нибудь выльется
в обыкновенный фарс и обман!
Будут пылиться рядом с забытой мыльницей
толстые непрочитанные тома.
Будет цвести сирень и травинки острые
ржавую бочку проткнут в саду,
и повилика жёсткими злыми отростками
защекочет морковную борозду.
Будут орать коты у крыльца бродячие
и привычно, всю ночь – до утра,
будут падать на землю искры горячие
из вселенского плазменного костра.
Будет год високосный (какой-то-тысячный),
старый дом у околицы, ну а в нём
будет кто-то жарить яичницу
и бродить по лестницам с фонарём.

И любить кареокую тихую женщину,
и вино, и престранную эту жизнь.
Будет он, как я (может, ростом поменьше),
но сумеет выжить, себя продлить

Дорога

...И проносятся мимо
 безмолвные странные тени.
 Я, прищурившись зло,
 протыкаю пространство собой.
 Где-то там позади, где сады утопают в сирени,
 города, купола, облака –
 словно пыль над землёй.

Эх, дорога, дорога, куда ты умчала бродягу?
 Сколько вёсен и зим
 запылила, пронзила, прожгла?
 Заблудилась в полях,
 закружила, как вихрь, бедолагу –
 из Рассеи в Рассею петлёю пеньковой легла.

Наугад. Ночь, баранка,
 столбы верстовые да ветер,
 да сигарка в зубах, да улыбка кривая и хмарь...
 Я пытался опять в своё детство
 свернуть на рассвете –
 во вчера и апрель,
 но везде лишь сейчас и январь.

Мой Ангел

Я проснусь в тишине,
 в опустевшей и смятой постели,
 опущу свои ноги в растекшийся по полу свет.
 Растревожатся тени,
 что скрыться в углах не успели,
 и возникнет в окне
 молчаливый пустой силуэт.

Ангел чёрным крылом
 в суматохе межзвёздного бега
 мою душу смущённую скроет
 от взглядов чужих,
 ну а белым крылом
 прилетевшего первого снега
 заметёт мою память,
 позёмкою жизнь закружив.

Чёрно-белый мой ангел –
 прощенье моё перед богом,
 чёрно-белой души оправданье и строгий судья,
 в серебристом сиянье
 за призрачным зыбким порогом
 от меня самого каждой ночью спасает меня.

Тоска

Этот февральский вечер исчёркал бес.
 Глупый художник – по серебру заката
 заштриховал ветвями лоскут небес –
 изобразил тоску, символист проклятый.

Нарисовал мой двор и замёрзший кран,
 льдистый лежалый снег чуть наметил мелом,
 злой сигаретный дым, на столе – стакан,
 и обрамил всё звёздным и вечно-белым...

Ветреное

Ветер, ветер, вечный ветер
 гонит листья за окном.
 Безутешен чёрный вечер,
 чуть поскрипывает дом...

Век безумный улетает
 и уносит за собой
 в поднебесье птичьи стаи,
 гулкий галечный прибор,

околотки и остроги
 северной моей страны,
 куст полынный у дороги,
 два погоста, три войны,

почерневшие церквушки,
 новостроек рваный строй,
 нежилые деревушки
 под Кудыкиной горой,

очарованную юность,
 веру детскую в добро –
 ту, что вновь ко мне вернулась,
 ДнепроГЭС и ГОЭЛРО,

грандиозные свершенья –
 БАМ, Турксиб и Целину,
 и великое прощенье,
 и великую вину...

Он уносит всё, что было,
 тут попробуй, удержишься...
 Век великий, век постылый
 прочь мою уносит жизнь.

* * *

Пожалей мя, Господи, во хмелю.
 Я хмельной, не мёртвый – совсем дурак.
 Не ропщу, не верую, не люблю –
 пожалей мя, Господи, просто так.

Небеса в криничную синь пролей,
 заплети ветрами дожди, как встарь,
 рушники ромашковые полей
 постели на землю, как на алтарь.

Не в эдемских яблоневых садах,
 а в белёсой бездне над головой
 схорони мя, Господи, навсегда –
 не смотри, что будто бы я живой.

Ты пришли жнецов своих на заре,
 похмели студёной блазной росой,
 чтоб, озябнув в утреннем серебре,
 я к тебе, как в детстве, побрёл босой...

ВАСИЛИЙ ДВОРЦОВ

Москва

1943. КОВЧЕГ

Повесть

(Окончание. Начало в № 2.2022)

* * *

"Поклонимся Святому Господу Иисусу, единому безгрешному".

В анкетах девичья фамилия мамы – Сидова, а в записях со слов – Седова. Это к чему? К тому, что по окончанию школы, если кто происхождения не пролетарий, тому придётся таковым стать. Для того чтобы поступить в институт, папино профессорство только помеха, и Дмитрию пришлось проработать пару лет на заводе "Металлист", сделав карьеру от ученика до слесаря-наладчика зуборезных станков третьего разряда. Почему "Металлист"? А самое идейное предприятие, вошедшее в историю Томска тем, что когда оно ещё называлось "Машинострой", то в преддверии Пасхи двадцать девятого года на общем собрании трудящихся приняло решение: Пасху и Рождество не праздновать, и вообще, с религиозно знакового воскресения перенести выходной на среду – день свершения Октябрьской революции. Так что после получения двух-трёхгодичного рабочего стажа на этом предприятии поступи хоть в Москве. Но родители умолили остаться: папа да что-то тут значит, в университете любой факультет на выбор! А в столице абитуриентов из своих сыновей достаточно. Дмитрий решил – ни вашим, ни нашим: в Томский индустриально-педагогический институт, который только что выпочковался из университета. На электромеханику.

Однако выдача диплома, свидетельствующего о высшем образовании, из-за того, что студента Благословского Дмитрия Васильевича задержали при попытке покинуть окружённый милицией частный дом, в котором отмечали Пасху тысяча девятьсот тридцать седьмого года, в том числе и подозреваемые в антисоветской деятельности, стала невозможной. Мало того, в ходе дознания выяснилось, что сын профессора как-то проучился полный курс и почти стал советским преподавателем, неоднократно отказываясь вступить в комсомол по религиозным убеждениям.

После очередной долгой беседы начальник следственного отдела, некогда студент Василия Митрофановича, переквалифицировал полного дурака-сына своего профессора из подозреваемых в свидетели, с условием – тот немедля уезжает куда-нибудь на северную стройку. Лучше всего, за Полярный круг.

Газеты "Правда", "Труд" и "Известия профсоюзов" дружно вещали о начале строительства ТЭЦ для нужд Вологодского льнокомбината. Не Заполярье, конечно, но народ там собирается отовсюду. И самый разный. Уполномоченным НКВД работа предстояла захлёб и надолго.

– Это у вас не ошибка? Может быть, её девичья фамилия Седова? Ладно, как знаете. Имеете родственников за границей?

– Да от нашего города хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь.

Заполнявшая документ на вселение в общежитие работница профсоюзного отдела по работе с молодёжью осторожно замерла:

– Гоголь, "Ревизор"? А разве это про Томск?

– Ну, может, и про Вологду. Когда Финляндия и Польша были нашими.

– Вашими?

"Вы-на-вы" – пароль, человеческий код, определяющий в строительном вавилоне, что они с ней "ты-на-ты".

– Не надо заносчивых слов,
Не надо хвальбы величавой,
Мы явим пред ликом веков,

В чём наше народное право.

– Брюсов! А почему вы не комсомолец? – Она впервые подняла глаза на стоящего перед ней Дмитрия. Глазищи!

– А вы на заочном учитесь? – Вопрос на вопрос – лучшая защита.

– Да, без отрыва от производства. В педагогическом. – Девушка писала теперь всё медленнее, уже тоскуя близящимся расставанием.

– И вы, конечно, комсомолка? – Дмитрий незримо протянул незримую руку помощи: до конца его "личного дела" оставалось не более двадцати вопросов. Но вот вам, пожалуйста – появились вопросы у него.

– Да.

Ну, что же отвечать так кратко?!

– Будете преподавать литературу или историю? На филологическом?

Ох, какие глазищи. Благодарные.

– На филологическом.

Ну?! Подробнее, подробнее!

– Люблю читать. Люблю театр. Хочу научить своей любви как можно больше детей, так что, когда они вырастут, они научат ещё многих. Своих детей и многих взрослых.

– Разве любви учат?

– "Кто из моих земляков не учился любовной науке, Тот мою книгу прочти и, научась, полюби...".

– ...?

– "Знание ведёт корабли, направляя и вёсла, и парус, Знание правит коней, знанию покорен Амур...". Овидий!

Вот это да! Теперь предстояло затосковать Дмитрию.

– Готовы ли вы, Екатерина Вадимовна, на всю жизнь стать верной подругой Дмитрия Васильевича?

– Да.

– Готовы ли вы, Дмитрий Васильевич...?

– Да!

– Прошу повторять за мной: "Перед лицом Закона нашей Советской Родины, перед своими друзьями и товарищами мы выражаем свою волю к совместной жизни, как супруги, основатели семьи и продолжатели своего рода, во имя блага нашего рабоче-крестьянского государства, бессмертия советского народа, победы коммунистического будущего во всём мире и личного счастья".

"Вставай, проклятем заклеимённый ... До основания, а затем мы наш, мы новый мир построим – кто был ничем, тот станет всем...".

– Именем Закона Союза Советских Социалистических Республик, под звучание "Интернационала", торжественно подтверждаю взаимное проявление воли граждан Екатерины Вадимовны Степаньковой и Дмитрия Васильевича Благословского к совместной семейной жизни. Подтверждаю взаимную волю носить общую фамилию Благословские. Поздравляю! Отныне вы – муж и жена, с этой минуты всё для вас становится общим: труд, борьба, радость, мечты. Наше советское общество, наша партия во главе с товарищем Сталиным возлагают на вас обязанность стать родителями, вырастить своих детей честными, умными людьми, трудолюбивыми гражданами и мужественными защитниками Родины, целеустремлёнными строителями коммунизма.

* * *

– Ты как-то лишнее накручиваешь по поводу женитьбы, – Лютый, чтобы не задремать, сгрызал одну ореховую веточку за другой. – А всё должно происходить просто: увидел, ахнул, запыхал горячкой. В температурном полусумасшествии наплевал на весь мир с его опытной мудростью и женился. Потом, когда уже чуток поохладеешь, тогда и разглядывай: на ком? Иначе провыбираешь до старости.

– Как ты? – Пичуга боролся с сонливостью заливом за ворот холодной воды.

– Я вовсе не старый. Двадцать шесть – возраст, что ни на есть, самый сочно спелый. Идеальный для создания первичной ячейки социалистического общества.

– Но для горячки и полусумасшествия уже поздно.

– В этом ты прав. Пиши: четырнадцать-двадцать. Состав порожняка из Верхне- в Нижнебаканскую. Паровоз, три пассажирских вагона. Семнадцать, нет, восемнадцать открытых платформ. На последней две коровы. И женщина.

Паровозик, разогнавший громыхающий состав так, что коротко привязанные за рога коровы бились задами о железные борта, оставил за собой какую-то особо вонючую угольно-дымную завесу. И патруль из четырёх жандармов поднялся над насыпью, зашагал по вырубленной полосе вдоль самого

леса. Чёрный как чёрт ризеншнауцер подозрительно напрягся, потянул поводок. Румын-кинолог что-то шепнул, отмахнул, и остальные жандармы с карабинами наперевес, растягивая дистанцию, стали с подсидом проглядывать орешник. Ризен с рыком почти дотянулся носом до изгрызенных веточек, но вдруг взвизгнул и, чихая, затряс лохматой башкой. Хозяин отдёргнул его и, наматывая поводок на руку, рывками потащил вниз к насыпи. Трое жандармов оценили размер открывшегося терновника и, закинув карабины на плечи, тоже повернули к маршрутной тропинке:

– Spin- spini! Pot rupe fundul!

По придурочному хохотку с похлопываньем своих ягодиц их можно было понять и без переводчика.

– Всегда носи перец с собой. – После разрешающего криканья с каргача Лютый и Пичуга вернулись к наблюдению.

– Сколько времени?

– Четырнадцать-сорок. Записал этих весельчаков? – Лютый собрал свои огрызки, откинул подальше в сторону. – Знаешь, а интересно о своей женитьбе Кырдык рассказывал. У них же родители всё решают. Старшие в семье. Я его и спросил: как, ты до сватанья даже не видел невесту, как с ней потом всю жизнь, детей рожать, растить? Мало ли какая попадётся? Я не про плохое, но, может, она просто не такая, какая нужна тебе? Просто не будете понимать друг друга, тем более – чувствовать. Как можно строить жизнь с незнакомым, чужим человеком?

– И что Ильяс ответил?

– Ильяс ответил искренним удивлением. Удивлением, что мы, городские люди, спрашиваем о глупостях. Вот его малый народ разбросан на тысячах вёрст: какие-то роды остались в Казахстане, какие-то прилепились в Ставрополье, есть на Кавказе. Есть ногаи и здесь, около Крыма. Роды разные, а народ един. Такой небольшой народ среди больших. И секрета никакого – традиция. Традиция! Вот в чём она, сила народная. Представь: живёт одна семья в Семиречье, а другая среди карачаев. И юношу из одной семьи женят на девушке из второй. Риск? Нет! Ведь воспитаны они традиционно. На одних понятиях – что такое хорошо, а что плохо. Как можно мужу поступить, а как нельзя. Что в жене красиво, а что безобразно. Так что им притираться нет нужды, их сегодня сводят, и назавтра они как двадцать лет рука об руку. Всё с полувзгляда. Без склок, претензий. Судов и разводов.

– Ты разведён?

– Четырнадцать-пятьдесят пять. Записывай: из Нижне- к Верхнебаканской мотовагонетка со сдвоенным зенитным пулемётом МГ-34. Три румына.

В двадцать-двадцать из-за поворота от Верхнебаканской на тропе вдоль противоположной стороны полотна показалась колонна местных жителей. По двое в ряд – под сотню женщин, подростков. Мужиков шестеро, скучкованных ближе к концу. Рядом с колонной, обгоняя и поджидая взрослых, бегали ребятишки. Похоже, станичники возвращались с дорожных работ. Позади всех топотали пять полицаев. Местные, в чёрном. Винтовки за спиной, кепки на затылках, шли беззаботно, о чём-то оживлённо переговариваясь.

Трое мелких, лет по пять-семь, – два мальчика и девочка, наперегонки побежали в сторону от железки, по лёгкому склону пересекли открытое место к самой лесной рамени. Им кричали, махали руками: "Куды? Куды? Назад! Повертайтесь!". Один полицай сдёргнул винтовку, подняв в одной руке, выстрелил. Эхо от леса остановило ребятишек. И они рванули назад.

Взрыв сухо хлопнул, вздыбив белесое облачко пыли.

И через паузу бабы, разом страшно взыв, бросились в поле. Теперь уже только полицаи орали: "Куды? Мины! Минне поле!" Да мужики все остались с частью не побежавших к подорвавшимся ребятишкам.

– Сворачиваемся. Сейчас жандармы заявятся.

Взбили, разровняли траву на лёжке, развязали кусты. Шли споро, след в след. Даже хромающий Пичуга, порой припрыгивал, но не задерживал. Только у карьера сбавили темп, а потом и вовсе остановились.

– Вы пока передохните. А я на рощу взгляну. – Лютый зачем-то затолкнул за пояс две немецкие "колотушки" эм-двадцать четыре. Ну, да-да, у него ж теперь только один магазин! Остальное в пачках по карманам.

Отдышались, прислушиваясь.

– Я же осуждал Копотя. За вчерашнего немца. Когда он этого Пауля не просто зарезал, а перед этим поглумился. Осуждал, а теперь бы сам. – Пичуга разулся, упёрся пяткой в ствол мелкой акации. – Сам.

Дьяк согласно молчал, лёжа на животе, он осторожными касаниями ногтя заставлял ползти по кругу маленького синего жучка.

– Похоже, я с этой войны не вернусь. Даже если вернусь. Всё, что-то во мне сегодня щёлкнуло. Безвозвратно.

Жучок вдруг остановился, поднял надкрылки и взлетел.

– Я пока ни одного немца не убил. Стрелял, но не знаю, попадал или нет. Ждал, всё время ждал – как это случится? А сегодня уже всё равно. Уже не боюсь этого момента.

– Ты почему вчера не перевёл про христианскую гимназию? Про то, что немец верующий? Он же не раз повторил.

– А зачем? И, простите, вы язык знаете?

– Пару фраз. Мама хорошо говорила.

– Ясно. Почему не перевёл? Не он первый. Я же до разведки в штабе дивизии переводил. Точнее, при штабе. В особом отделе.

– И как же тебя отпустили? Столько, поди, услышал – тебе за фронт нельзя.

– Воспользовался возможностью. Подал рапорт добровольцем в первые руки. Я о другом. Рассказать хочу, не могу не рассказать. Когда из Краснодара немцев выдавили, много было пленных. Румыны, словаки. Но и немцы. Из гестапо. Дмитрий Васильевич, это же после тех допросов я сюда попросился. "Зондеркоманда СС десять-а". Даже не звери. Если демоны есть, то это они. Бесы. Дьяволы.

– Дьявол один. Бесов легионы, а этот – один.

– Вы же поняли! Так вот, у некоторых на шеях крестики висели. Иконки. Вот, я даже запомнил – гауптштурмфюрер Эрик Майер – тот вообще уверял, что он не с русскими, а с безбожниками борется. С коммунизмом. И при этом он пытал, он лично пытал женщин и девочек! Бил хлыстом голых женщин и девочек, пока они кричали, пока в сознании... Так что? Пытал беспомощных – по своим религиозным убеждениям? Дмитрий Васильевич, я вас никогда не пойму. Бога вашего не пойму. Которому вы молитесь. Бог ваш и Майера для меня никак не возможен. Сатана возможен, а бог – нет. Сатану я видел... А вы так простенько меня тогда: "дурак". Нет, и я не дурак, и вы не дурак. Бог невозможен. Не-во-змо-жен.

– Более чем возможен. Он – есмь, Клим. И ты сам это сейчас себе объявил: Бог – совершенство. Он во всём – абсолютное совершенство. Другого мы никогда не примем.

– Опять будете за парадоксы увильгивать? Недостойно разумного человека.

– Как хочешь. Промолчу – целее буду.

– Эй, кря-кря-кря! Собирайте свои ящики, нас ждут.

Вышли в эфир тут же – понятно, что их пеленгуют уже целенаправленно, но фрицы ночью в лес не сунутся, а разведчики за день в дозорах отлежались, так что могут часиков пять пройти. Подальше от узкоколейки, которую теперь будут блюсти как семь нянек дитяню без глаза. Идеально бы добраться до реки Кудако.

Луна огромная. А толку-то? Это в Вологде весенние сумерки позволяют и после полуночи просо перебирать, а здесь солнце село и всё – тьма кромешная. Даже в полнолуние. Красиво, конечно, когда за ветвями рядом с тобой плывёт здоровенное бело-серое блюдо с ненавязчивым рисунком, в котором каждый видит, что хочет. Или может. Но спотыкаться и наткнуться эта красота не мешает.

Преодолели невысокий, метров триста – триста пятьдесят, перевал.

Луна поблекла, ужалась, а потом и вовсе куда-то завалилась. К тому же продолжались некрутые, но затяжные подъёмы и спуски. Несколько раз группа пересекала накатанные просёлки, и где-то в темноте начинали лаять собаки – там спали какие-то хутора или выселки. И только когда наткнулись на взорванную и сожжённую нефтевышку, стала понятна насыщенность местности дорогами.

В долину невидимой в камышах реки вышли под утро. Первый туман уже стекал с полей и копился в русле. К пению птиц в тростнике присоединялись вездесущие лягушки. Чтобы не мокнуть и не оставлять следов, приближаться к воде не стали, на интуиции выбрали место под лагерь за холмиком почти на границе леса. Наощупь подрубили лапника, обтянув периметр ниткой с подвесным колокольчиком, легли. Лютый и Старшой – в дозоре первыми. Старшой расположился рядом, в непосредственной близости, Лютый – глубже в лесу, выбрав бук попримечней, но на дерево не полез – всё равно ничего в тумане не видно. Через час их сменяли Копоть и Пичуга.

Светало здесь, как и темнело, словно при ускоренной съёмке. Собравшийся уже минут через десять идти досыпать, Пичуга, удерживая зевоту, наверное, в тысячный раз огляделся и... обомлел: метрах в ста справа налево, от дерева к дереву беззвучными сдвоенными тенями перебежали немцы. В камуфлированных комбинезонах, с веточками на мелких, не закрывающих ушей, касках, автоматчики то ли обходили русских, то ли, действительно, направлялись куда-то мимо.

Двое, четверо... восемь... двенадцать... А где фланговые?!

Немец застыл над Пичугой – длинное, изъеденное оспой лицо, чуть ссутуленный под тяжестью ранца, подсумков и гранат, в туго перетянутом ремнями длинном, почти до колен, словно каком-то навыворот, маскхалате.

Скорострельный ППШ в упор разрезал десантника от паха до закинувшейся головы. Второй немец упал и закричал, трескливо из "эмпэшки" осыпая Пичугу короткими очередями. Однако хоть не очень толстый бук, под которым лежал дозорный, отщёлкивал пули честно.

– Achtung! Achtung! Links hundert Meter! Richter ist tot! Ein einsamer Schütze!

Да заткнётся этот гад? С чего он вдруг ранен? Вдохнув-выдохнув и столкнув переводчик на одиночные, Пичуга вывалился из-за ствола, прицелился и два раза нажал на спуск.

Заткнулся. Но теперь плотно застрочили набегающие. Посвист, щёлканье с осыпью листьев и мелких веток. Посвист. Щёлканье. Отползая, Пичуга сам для себя с удовлетворением отметил, как же спокойно он выцелил орущего! Рядом длинно пробил ПэПэШа.

– Отходи! Я прикрою.

Старшой удобно прилёг за свежую валежину.

– Бегите все!

Командир и Лютый подхватили Пичугу, втянули, толкнули по цепочке вперёд:

– Цел? Сколько их?

– Цел! Не меньше пятнадцати. Я видел. Двоих убрал. Одного – точно.

Они бежали вдоль леса, растянув цепочку на предел визуального контакта. Бежали и слушали, бежали и слушали. Вот стрельба позади оборвалась. А через пару минут хлопнула граната.

Господи! Господи... Твоя от Твоих Тебе приносяще...

Прощай, брат... Дьяк на бегу косо перекрестился: "еще зерно пшенично пад на земли не умрет, то едино пребывает: еще же умрет, мног плод сотворит". Брат, брат Тарас Степанович, прощай...

22 апреля 1943 года. Четверг.

От Советского ИНФОРМБЮРО:

В течение 22 апреля на фронтах существенных изменений не произошло.

На Кубани части Н-ского соединения отбили несколько ожесточённых атак противника. На поле боя остались сотни вражеских трупов. На другом участке гитлеровцы атаковали наши подразделения, оборонявшие одну безымянную высоту. После упорной схватки немцы, потеряв убитыми до 300 солдат и офицеров, были вынуждены отойти на исходные рубежи. Наша авиация наносила массированные бомбовые удары по боевым порядкам и военным объектам противника.

* * *

Что это было? Кто? Зачем? По описанной Пичугой экипировке – десантники или егеря, но с какого они здесь? Конкретный поиск русской разведгруппы? Или составная часть общей противопартизанской операции? И где сейчас наши первый и второй взводы? Вернулись? Или их тоже гоняют? Вопросы, вопросы...

Командир чувствовал, что ребятам пора упасть. Пробежав на юг вдоль реки километров пять, от очередной, подорванной при отступлении весной сорок второго, нефтьвышки, за которой виднелся какой-то хуторок, группа свернула на восток, назад к узкоколейке – чтобы вернуться в глубину лесов и постараться добраться до отрогов Маркотхского хребта. Всё, как у лётчиков: кто выше – тот и выиграл. Там будет днёвка. Только там.

Плотные заросли ограничивали обзор. Теперь они развернулись обратным клином: передовые Копоть и Лютый слева, Сёма и Живчик справа. В середине, отстав метров на тридцать-сорок, группа управления: Командир и радисты. К полудню духота в густом подлеске опустошила все фляжки. Внутри сухота песочилась от горла до желудка. А по затылку, спине, пояснице и ниже – сплошь потные потоки. Так что пришлось остановиться, поменять портянки.

Подождав, когда "рама" сто восемьдесят девятого "фокке-вульфа" уйдёт к горизонту, Командир послал Сёму на дерево.

Старая белая акация с раскидистыми, корявыми ветвями метров на пять возвышалась над общим уровнем плотно слипшихся макушек клёнов, лещины, ив и топольков. Сёма осмотрелся в оптику, огляделся так. Лес, лес, лес. Подъём впереди запирался гребнем с мягкими округлыми вершинами. Там воды точно нет. Позади тот же беспросветный лес. И справа, и слева. Надеяться можно только на случайный родник или колодезь. Ну, очень случайный, да и то, если пойти по ложбинкам.

Справа, возмущённо треща, взлетели две сороки. Метров двести. Сёма кинул вниз камешек, отмахнул направление. Разведчики рассредоточились. Кто?

Две немолодые, укутанные платками до глаз, горянки быстрым шагом шли по еле заметной тропинке. Тяжёлые пухлые узлы били по ногам, цеплялись за кустарники. Живчик аж приподнялся, изо всех сил заглядывая в лицо Командира, но тот отрицательно качнул головой.

– Куда они? Да с багажом.

– Партизанки?

– Горянки-партизанки? Забудь.

– Торговать пошли.

– Если до железки, до Горного, то топать им и топать.

– Фашисты их не трогают.

– Тихо. Командир говорит...

– Товарищи. – Командир снял пилотку. – Сегодня за нас, в день рождения великого вождя мирового пролетариата Владимира Ильича Ленина, принял героическую смерть наш боевой... брат, дорогой наш старшина, коммунист Воловик Тарас Степанович. Добрый, мудрый человек. И мы клянёмся, все здесь клянёмся, что жестоко отомстим врагу за его гибель. За его смерть и смерть других наших боевых товарищей, так же отдавших свои жизни для приближения неизбежной победы нашей советской Родины над фашистской нечистью. Вечная память героям.

– Вечная память.

– Прощай, брат Тарас Степанович.

– Прощай.

– Вечная память и Царствие Небесное.

От накладывающего широкое крестное знаменье Дьяка было откосились, но когда перекрестились Лютый и Сёма ... то и Живчик едва остановил свою дёрнувшуюся руку.

Перевалив лысый гребень, днёвку обосновали на отроге южного склона. Неплохой обзор: на синезелёном горизонте тончайшей прерывистой ниточкой серела насыпь железной дороги. И печные мирные дымки отмечали станцию.

Сёма дозорил на вершине, Живчик внизу, остальным приказано спать. Или вылёживаться. Если внизу, в зарослях, стояла тёплая, как в плохой парилке, непродыхаемая влажность, то здесь, на горке, откровенно прижаривало. Кривые сосенки тенью не баловали, и, если бы не налётисто посвистывающий в длинных иголках ветер, то можно было зашкворчать.

Сёма, неспешно ползая по вершине, расчистил от камней и мусора по две скрытные огневые точки на оба склона. Недовольно повздыхал: брустверы, конечно, оставляли желать лучшего. Однако в жидкой траве альпийского луга собранные кучки камней – отличные ориентиры для атакующих. Уж пусть как оно есть.

В прицел поглядывал леса. И пройденный, и особенно тот, который пройти ещё предстояло. Где-то там, под покрывалом непроглядного сплетения ветвей, развёрнутыми цепями, патрульными группами и маршевыми колоннами сейчас шагали сотни злых от жары, усталости и страха солдат, жандармов, полицаев. По дорогам разъезжали радиопеленгаторы, броневики и мотоциклы, рысили кавалерийские разъезды. Потрошились хаты и сараи сёл, хуторов и выселок, допрашивались хозяева. А на всполях заготавливались засады и выставлялись мины. Всё где-то там, под непроглядно плотным сплетением ветвей.

Пара орлов, поймав восходящий воздушный ток, плыла кругами, всё выше и выше поднимаясь к солнцу. Но с запада нарастающе загудело, и птиц отжало к земле, снесло вибрирующим рёвом налетающих с Крыма лапотных "юнкерсов" и сто девятых "мессершмиттов". На Абинск? Краснодар? Горячий Ключ?

Показав сменяющему Копоти позиции, Сёма очень неспешно спустился к днёвке. Разулся, разложив портянки, расстегнул ремень и, подтянув под голову подсумок, честно попытался задремать. Но... Это ведь Старшой вчера уговорил таки поесть. Конины. Семёныч так просил, прям как маленького, так сюсюкал, что отказать не получилось. И вот, всё правильно. И теперь там – а где это там? – Старшой в этом своём отеческом настырстве может быть собой доволен.

Сёма, конечно же, понимал, что человек вот так не умирает – просто перестав дышать и думать, но поверить, как верили его родители, а тем более, деды, не получалось. В такое прописанное до самых мелочей – а кто видел-то? – небесное царствие. С ангельским пением, со сладкими угощениями, с кельями каждому, согласно наделанному на земле добру. Или в ад с кострищами и кочерёжками за зло. Слишком уж точно, слишком правильно. Конечно, в этом неправильном, неточном мире такого очень хочется. Но... он резко сел, растирая занемевшую шею.

– Сёма, ты чего не отдыхаешь?

– Надо воды поискать. Командир, схожу вниз?

– Давай, только предупреди Лютикова, сейчас он там на посту.

Собрав фляги, Сёма перебежками спустился, лёжа огляделся и в три нырка ушёл в лесную тень.

– Тут под нами отшельник. Монашек столетний. – Не прошло и получаса, как Сёма раздавал тяжёлые, приятно холодные фляжки. – Землянка совсем рядом, в щели. Пусть Дьяк с ним поговорит? Как свой.

Командир и Копоть переглянулись.

– Доверите? – Дьяк правильно раскрыл заминку.

– Хорошо. Но, сам понимаешь ответственность.

– Понимаю. Пичуга, рация на тебе.

Действительно, в зарослях терновника под болезненно загнутой ветрами сосной таилась обложенная разномастными камнями стенка с низенькой, оббитой брезентом дверкой. Плоский валун вместо крыльца, налево, в конце вытопанной широкими террасами-ступенями площадки – чёрный трёхметровый деревянный крест, с "крышей". Вдоль круто сходящей вниз, наверное, к воде, тропинки, выложены объёмные связки хвороста.

– Молитвами святых отец, Господи Иисусе, Боже наш, помилуй нас!
– Аминь.

Дверка ожидаемо громко скрипнула, и на свет выглянул отшельник. Всё как полагается: длинная прозрачно-белая борода, дико включенные, невесть когда чёсанные длинные волосы, чёрное, выгоревшее до черепа и при этом по-монашески млажавое лицо. И глаза. Глаза.

– Здравствуйте, отче.
– Ну, это у нас ты отче, а я простой брат.

Отшельник на крыльце распрямился – а не маленький. За два метра. Так что кургузый, в ремки оборванный по подолу замызганный подрясник едва перекрывал колени, отдельными клоками доставая до таких же древних, перемотанных верёвками, рыжих сапог. Торчащие из махры рукавов чёрные руки-кости острыми пальцами перебирали какие-то декоративно-огромные вервийные чётки.

– Прости, брат. Каким именем спасаешься?
– Ты меня, отче, прости. Амвросий. Это из-за вас такой шум?
– Какой?

– Ну, видел же. На всех стенах и заборах написано: "за посягательство на жизнь немецкого солдата или офицера расстрел пятидесяти-ста заложников". Только за посягательство.

– Не видел.
– Хорошо. Значит, совесть не жмёт.
– Брат, мы за три дня трёх товарищей потеряли. Лучших.
– И чтоб не лучших не потерять, срочно слезайте с горки. Срочно! Сюда!

Отшельник, изображая возбуждённого петуха, сильно захлопал ладонями по бёдрам, запритоптывал, смешно горбясь и вытягивая шею, затряс лохматой сединой:

– Бегите сюда! Бегите!

Дьяк пролетел мимо что-то пытавшегося спросить Лютого и, уже закидывая на спину рацию, приказал немо вопрошающим Командиру и Копоти:

– Срочно уходим!
– Объясни.
– Сейчас здесь злодеи будут. Надо уходить. Пичуга, аккумуляторы, за мной бегом!

Понятно, что, согласно Уставу внутренней службы РККА, младший по званию только докладывает своему начальнику полученную им информацию, открывая источник и объясняя способ её получения. А уж начальник сам принимает решение. Но здесь всё произошло, как произошло. Все без вопросов похватили мешки, затянули пояса, Живчик тоже без приказа побежал на вершину за Копотью. Ну? Все вперились в Дьяка.

– Вниз, к отшельнику!

Старик, придерживая на голове связку хвороста, уже топтался на тропинке:

– За мной! Все за мной.

По тропинке спустились к ручью, далее минут десять по воде.

– Стойте на камнях, не наследите, – и Копоти. – Пошарь, мил человек, там. За кострищем. Ищи в траве ручку. Тяни.

Заросшая дёрном дверка не поддавалась. Копоть ножом очертил полукруг.

– Давайте все туда. Все. Ховайтесь. Место маловато, на троих келейка, но потерпите.

Копоть посветил: узкая длинная нора, только на корячках.

– Командир, ты давай вперёд, вглубь.

– Да живее вы! – Старик страшно посмотрел на, точнее, в Командира:

– Это ваш ковчег.

– Благословский и Пичугин – за мной. Потом Шигирёв и Калужный. Гаркуша и Лютиков замыкают. Оружие, кроме крайних, на предохранители, но гранаты наготове.

Так и полезли – как раки, ногами вперёд.

– Потерпите, я поверх костерок от собак разведу, рыбку пожарю. – Старик прихлопнул крышку, заелозил, прихлопывая и приглаживая дёрн.

Притолкались: за узким лазом пещерка расширялась, так что залечь по двое получалось очень даже неплохо. И свод – где-то выше вытянутой руки.

За тонкой дверкой затрещал разгорающийся костерок, вкусно потянуло дымком.

– Во, а то мышами воняет.

– Мышами это хорошо, значит, змей нет.

– Змей? Каких змей? Это, это... Точно нету? – Живчик вдруг забормотал почти в полный голос.

– Я со змеями в темноте не могу, не могу в темноте... Я сейчас это буду... это... Эй!

Копоть перехватил дёрнувшегося Сёму за запястье, вырвал "колотушку" и сам, навалившись на Живчика, ударил за ухо гранатой. Потом, для подстраховки, ещё раз. Сполз, вернул Сёме:

– Вора только вор бьёт. Фраеру нельзя.
– Тсс!..

– Bună, bunicule!
– И вам добра.
– O să mănânci?
– Да вот, рыбки захотелось.
– Dinacestpește Pârâu? Evreunpeșteaci?
– Нет, из реки. Господь послал. Bod mi-a dat-o.
– Stimate părinte, i-ai văzut pe ruși?
– Я же сам русский. Sunt rus.
– Nu. Cercetași ruși? Spioni și sabotori?

– Шпионы? Какие тут могут быть шпионы? Это в городах. А здесь? Что им тут выискивать?
– Dragă tată, împarereăucă tederanjez. Asta e ordinul. Germanii au înnebunit azi. Germanii sunt ca măgarii în seara asta. Urlă, urlă ca niște măgari turbați.

– Я понимаю, что вам приказывают. И что немцы ослы. Правда ваша, они бешеные ослы: и-аа! и-аа! и-аа! и-аааа!

Дружный смех.

– Părinte, binecuvântează-nepetoți!

– Господь наш Иисус Христос да благословит вас и сохранит! Да подаст вам крепкую веру и добрые дела во спасение души.

– Amin! Slavă Domnului Pentru Iisus Hristos. Mulțumesc! La revedere, părinte! Feriți-vă de la SS și partizani.

– И вы берегитесь. И эсэсовцев, и партизан.

– Командир, он нас забыл, что ли? Ушёл, и с концами, – кончики светящихся фосфором стрелок сошлись на четырнадцать-десять: старик не подавал звуков уже больше часа.

– Ждём. Ждём.

– Копоть, о чём он с румынами? – не унимался оживший Живчик. Отлежав в отключке и теперь осознавая произошедшее, он выгорал от стыда, не находя как и чем теперь замазать такой свой прокол. Сыграть очком вору? Запаниковать разведчику? Да так, чтобы тебя по-братски вырубил...

– Немцев ругали. Потом он их благословил, – Копоть подавал пример "как-бы-ничего-не-произошло". – А те предупредили, чтобы он остерегался эсэс.

– И партизан, – Пичуга

– Лютиков, постарайся приоткрыть. Посмотри.

Стволом автомата Лютый поджал крышку.

– Что?

– Молится он.

– Один?

– Вроде один.

– Открывай.

– Устали хорониться? Грядите, грядите, лазари мои. Вот хлеб. Примите, ядите – и свежий, и с собой набирайте сухарики. Не побрезгуйте, не от румын. Я от них ничего не беру – знаю, чьё оно всё. Поначалу, было, приносили, пытались всучить, теперь стыдятся. А вы, давайте-ка, сходите по большому и малому, умойтесь и опять укройтесь. До темноты. Вдруг и в самом деле эсэсовцы явятся. С ними у меня отношения не ахти.

– Неужто? – Копоть стрельнул косым взглядом на Командира.

– Пару месяцев, перед постом, так же партизан искали. Комсомольцев. Ну и со мной поиграли в "императора иудейского". Принесли с собой красный флаг из колхоза – "багряницу", повязали на плечи, из колючей проволоки скрутили венец.

– Били?

– И зашали, и бичевали. Ох, и намолился я тогда. Благодатно! Истинно "не ведают, что творят". И всё бы ничего, да то знамя уже заскорузлое было. От чьей-то прежней крови. И слава Богу, справа зубы остались, есть чем жевать. Давайте-ка, друзья мои, не расхоложайтесь. Потерпите ещё. Там, чтобы накидки не доставать, постелите что есть – коврики, мешки. Ну, какие ни есть, подстелите под себя, чтоб не подстыть. Стены известковые, а дальше и вовсе трещина наружу, так что воздуха довольно. А ты, отец, останься. Побеседуем.

Копоть и Командир опять переглянулись.

– Вы тоже желаете? Мы – про веру, про церковь. Про чудеса и небеса.

Командир первым полез в пещерку.

– Поклонимся Святому Господу Иисусу, единому безгрешному. Кресту Твоему поклоняемся, Христе, и святое Воскресение Твое поём и славим. Крест-то сей надмогильный. В двадцать седьмом тут двадцать монахинь убито. – Дьяк и старец сидели на заплетённом диким виноградником протяжно протянувшимся стволу дуба. – И не простые гэпэушники тогда из Москвы приехали, явно сектанты какие-то. Старообрядцы, скорее всего. Хоть и в форме, с мандатами, но зверьё – не люди, хуже зверья: истязали сестёр люто, потом расстреляли. Сбросили тела так, кучей, и прикопали слегка. Я ночью стал на молитву и услышал стоны. Разрыл – три сестрёнки оказались живы. Остальных перенёс, перехоронил поглубже, хоть не по отдельности, но всё же рядком положил. А для раненых углубил нижнюю пещерку. Двух – Пелагею и Матфею – выходил, а Иоанна через неделю всё же померла. Мученица.

– Откуда здесь монахини?

– Со всей империи. Монахини, монахи. Первые ещё до смуты собирались вокруг старца, игумена Феодосия. Это который шестьдесят лет на Афоне подвизался. Тут и огороды, и пасека знатная, и лесопилка были. Аз грешный сюда пришёл, после того как в двадцать втором нашу Глинскую пустынь разорили, ну это уже после ареста старца Феодосия. При мне комсомольцы и храм разрушили. С энтузиазмом. Где они ныне? Все ли по-человечески похоронены? Но мы днём вроде как сельхозобщина, а по ночам служить продолжали. Нашёлся иуда, донёс, и последних – кого пересадили, кого и постреляли. Тех, кто разбежаться не хотел. Куда бежали? В горы, в Грузию, в Абхазию. А кто и в Таджикистан – тоже в горы. И меня, было, тоже как члена "контрреволюционной церковно-монархической организации", прихватили. Продержали год в ростовской тюрьме, потюмили да выгнали. Старый, доходяга – думали, помру скоро. А Господь держит и держит – кому-то молитву нести надобно. На месте алтаря поруганного. И по сёстрам литии служить надо. Сам видишь, какая тут ответная благодать: на их крови родничок пробился.

– А вы про ковчег почему вспомнили? В спецотделе дивизии так нашу группу называют. Мол, каждой твари...

– Точно! Очень точно подмечено. На семь чистых – пара нечистых. А когда одним кивотом собраны, то и спасётесь. Только все мы здесь нечистые, все. Един Он безгрешен. А вот, отец диакон, скажи: ты Сергия поминаешь?

Местоблюстителя?

– Значит, поминаешь.

– А вы?

– Вот те на! Это что за хулиганство? – старик нарочито строго закосил глаза на своё правое плечо, в которое вцепился поползень, пытаюсь вырвать торчащую из разошедшегося шва шерстяную нитку. Птичка ответно тоже строго косилась, смешно выкручивая плоскую чёрную головку. Дёргано взмахивала крылышками, но нитку не отпускала.

– Меня людские слёзы вразумили. До самого прихода сюда германцев я не поминал. Более, осуждал, прости, Господи. И право дело, что Сергий перед властями всегда метался. То он с оберпрокурором синода масоном Львовым во Временном правительстве сошёлся, то его в чекистские обновленцы занесло. Конечно, после публично покаялся Патриарху, что для архиерея сильно. На людях-то – очень сильно. Но вскоре, при живом ещё Петре, опять начал командовать, да всё как-то в угоду огэпэу, по указкам Тучкова. Тогда-то я себя в иосифляне вписал. После смерти сестёр особая злоба в сердце вошла. Ледяным таким свинцом задавила. Господи, помилуй. Столько лет от озлобления слёз на молитве не приходило, вообще она двигалась. А тут фашисты материнскими да детскими слезами враз промыли! – Старец коснулся ладонью плеча Дьяка, и того ожгло сквозь комбинезон, гимнастёрку и рубаху. – Это они, они пострадали, а я прозрел: как же всё-всё промыслительно! Всё. Это же не против Сергия, это я, в гордыне, против воли Божией восстал. Господи, прости и помилуй. Никогда не борись с Богом. Страшно это.

– Я ведь тоже не поминал. Зарубежникам верил. Пока в тридцать седьмом в их храмах на сугубой ектенье не возгласили: "Еще молимся о христоробивом вожде народа Германского, о державе, победе, пребывании, мире, здравии, спасении его, и Господу Богу нашему наипаче поспешити и пособити ему во всех и покорити под ножи его всякаго врага и супостата". Мы же в них верили: там, на свободе, они русское Православие в чистоте хранят. Верили, что они... за них на страдания шли! В тюрьму. Да под расстрел люди шли! И вдруг такой, по самой вере удар: "пособити", "покорити"! Это про Россию, о нас, русских, сами русские такое.

– Ты как дитя неразумное: верить нужно только в Бога. Только Богу. Единому безгрешному. Мы же, люди, всегда грешим. А кто тебя в армию благословил? Саном ведь рискуешь – вдруг кого убьёшь? Ладно бы в тылу возницей, как я в свою. Или санитаром.

– Духовник. Архиепископ Варлаам из вологодской тюрьмы письмо передал. Благословил, мол, возьмут в связисты. Так и вышло. Вот уже второй год стараюсь не убить.

– Старайся. Хотя, на всё воля Божья. Может, и не твоё оно – в алтаре-то стоять. Только у престола или келейно, однако поминай о душе преставившегося раба Божьего Иова. От завтрашнего утра поминай.

Поползень вновь сел на плечо старика-отшельника.

– Ты чего? Пока совсем рукав не оторвёшь, не отстанешь? Совести нет.

Птица опять построжилась, постращала, но улетела без добычи.

Лютый извёлся: ему бы тоже со старцем. Назрели темы. Но Командир вряд ли бы дал добро на проведение церковного собрания. Антикоммунизмом и так густо пахнуло, особенно от дружбанов-румын. Нет, конечно, никто не стуканёт, особисты к ветеранам разведки даже не трутся: без толку – никого не вербанёшь. Но есть же приличия. И предел наглости.

– Лютый, а что за масть такая – отшельник? – Живчик сначала осторожно, потом всё смелее прижимал к шишке за ухом холодную флягу.

– Это как бы зэк наоборот.

– Чего-чего?!

– Ну, представь: всё, абсолютно всё, что урке в лом, то отшельнику в кейф. И от чего юрок тащится, то у монаха запаadlo.

– Ну, про баб я в курсах. И про бухло с картами.

– А самое главное: вор среди всех для себя живёт. А инок – отдельно, но для других. Для всех.

– И зачем же тогда отдельно? Для чего отдельно? – Пичуга честно пытался задремать. Но как, при таких-то беседах?

– Для сосредоточения, собирания воли.

– И куда её потом? Для какой цели собирание?

– Для самопожертвования.

Где-то глухо хлопнул взрыв, и начавшаяся плотная винтовочная стрельба скоро подхватила пулемётными очередями. Километр? Меньше?.. Похоже, с гребня?.. Из пещерки ничего толком не определишь.

Занырнул Дьяк, за ним дверка прихлопнулась, притоптались щели, и вновь затрещал, разгораясь, хворост.

– Оружие: крайние – к бою, остальные – на предохранители! Гранаты – наготове.

Стрельба поумерилась и стала как-то быстро стихать, удаляться. Значит, пошли прочёсывать по ту сторону перевала.

– Эсэсовцы вашу днёвку обнаружили, но собаки их по встречным следам повели, за гору. Так что, давайте, по ручью версту-другую спуститесь и вправо уходите. Есть у вас теперь пара часов.

– Откуда, дед, ты всё знаешь? – Командир убедился, что в пещерке ничего не забыто, поправил рацию на Дьяке.

– Птичка поведала, – старик улыбнулся Дьяку и размашисто – ото лба до ремня – перекрестил Командира:

– Христос в помощь! Да не стойте же, бегите. Бегите! Мне надо успеть всё попрятать.

Растягиваясь, цепочка разведчиков заплюхала-зацвякала по прозрачно залитым ручейковыми струйками мокрым камням. Длинные ивовые косы, напутствуя шепотливыми колыханиями, пугливо касались стволов прижимаемых к груди автоматов и прощально гладили пилотки и придавленные ремнями плечи.

– Святой и великий Архистратиге Божий Михаиле, ниспровергни с Небеса диавола и воинство его! К тебе прибегаем с верою и тебе молимся с любовью, буди щит несокрушим и забрало твердо Святой Церкви и православному Отечеству нашему, ограждая их молниеносным мечем твоим от всех враг видимых и невидимых.

Вот и всё, кроме лёгкого журчания – ни звука. Даже листва онемела.

– Буди вождь непобедим христоролюбивому воинству нашему, венчая его славою и победами над супостаты, да познают вси, противляющиися нам, яко с нами Бог и святии Ангели Его. Аминь.

Лютый и Сёма вытоптали ложный выход налево, Сёма растянул нитку и приклинил веткой "лимонку" с вынутой чекой. Вернулись к основной группе и по пружинисто тоненькому стволу недавно упавшей ели ушли с ручья.

– Наверху растяжка сработала. Я её на тот склон поставил, – заняв место меж Дьяком и Живчиком, Сёма не мог не похвалиться. – Потому-то туда и пошли искать.

– Если те же, на второй раз не поведутся, – урезонил Живчик. – Ещё и дедка нашего расколют. Эсэсовцы ему точняк звякало разнуздают.

– Убьют они его. Вечером или утром.

– Что за пурга?

– Он нам хлеб отдал. Весь.

Живчик бы ещё посомневался, но поймал зырк Копоти и увял.

А ещё старец благословил Дьяку иконку. Латунный нагрудный, в пол-ладони складешок "Всех скорбящих Радость", с архангелами и святыми на створках: "Солдатика одного, Нифонта. Со шведской, семьсот восемьдесят восьмого".

Копоть, шедший передовым, припал за валежину, отмахнул. Слегли все. Копоть приподнял руку, растопырив пальцы, указал налево и направо. "Пять, десять, пятнадцать". Побегали, теперь поползает. Да пятками вперёд. Главное – сучки не ломать. И ещё бы траву не мять. И чтобы тяжеленные поддумки в подмышки не тыкали.

– Ну?

– Румыны. Цепь развёрнута, не менее взвода. Может, два. Пока сидят по двое-трое. Видно, ждут команды на прочёс. Собак нет.

Назад – в горки, только южнее, где они повыше.

Развернулись обратным клином – передовые Копоть слева и Живчик справа, посередине, на дистанции метров пятьдесят, основная группа: Командир, Дьяк, Пичуга, Лютый. Сёма – замыкающий.

Поднявшееся солнце припекало всё чувствительнее. Заросли плотные, под слипшимися, заплетёнными лианами и диким виноградом кронами как в парной. Уже дважды меняли портянки. Пичуга опять заприхрамывал. Вот же – на полдня хватает, потом начинает ныть. Спасибо Старшому, как же он вовремя тогда вывих вставил. И так сколько помогал, где насильно, а где почти незаметно. Эх, Тарас Степанович, Тарас Степанович, как ты, как ты смог...

Пичуга поймал себя на мысленной попытке поговорить с убитым. Ещё этого не хватало. Можно и галлюцинации вызвать. А что? Усталость – четвёртые сутки бега, ползаний, наблюдений и прятков. Сон урывками, голод, холод. Страх и перевозбуждение. Вот и получи "общий адаптационный синдром". А ещё, точнее – это даже самое главное: он убил двух немцев. Гитлеровца. Одного – точно. В упор, разрезал очередью снизу вверх. Он впервые убил. Врага. Да, врага, фашиста.

Вот товарищ Димитров ещё за три года до войны создал совершенную формулировку: "фашизм – это открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала". И добавил: "Фашизм – это власть самого финансового капитала. Это организация террористической расправы с рабочим классом и революционной частью крестьянства и интеллигенции. Фашизм во внешней политике – это шовинизм в самой грубейшей форме, культивирующий зоологическую ненависть против других народов".

Пичуга, когда прошёл приступ действенной агрессии, вызванный тем боем, внимательно вслушивался в себя. Никакой такой тоски, тем более – тошноты, о которых он читал и слышал. Даже какое-то облегчение, потому что это совсем не страшно – убивать в бою. Вот если придётся кого расстрелять или, тем более, зарезать, как Копоть того Пауля кончил. Для такого, пожалуй, только идейной определённости по отношению к финансовому капиталу и шовинизму мало. Надо будет ещё и личную ненависть добавить. Вспомнить о сестрёнке, об их талантливой Люсеньке, замёрзшей в Ленинграде... Да, надо будет в этот момент вспомнить. Всех вспомнить. Всех родных и близких. Товарищей по оружию. Тогда и тебя, Тарас Степанович, помянуть обязательно. Вот, опять как к живому!

Слева впереди тихое "кря". Залегли. Минут через десять подполз Копоть:

– Тропинка. На ней румыны, горные стрелки. Прошла рота, шесть офицеров верхами. И две конные повозки с миномётами и скарбом. Идут, как и мы, в гору.

Первой проскочила крыса. За ней куропатки отчаянно захлопали крыльями, вырываясь из ветвей терновника. Почему птицы не побежали, как обычно? С гнезда согнали? Тсс! Фланговый дозор! Четыре придавленных рюкзаками стрелка в своих сдвинутых на мокрые затылки огромных беретах, с заброшенными за спины укороченными чешскими Gewehr-24, прошли не прячась. Значит, не облава – идут своим маршрoutом.

– Пройдём за ними. Точняк, нас там не ждут.

Командир, Копоть и Дьяк опять сошлись головами над картой.

– В принципе, да... за вчера-сегодня-завтра фрицы должны вдоль железки и трассы всё прочесть. А мы к послезавтрашнему утру как раз и вернёмся на Верхнебаканскую. Отнаблюдаем, и на Убых. В Убыхе возьмём языка, выйдем на радиосвязь. И всё, через Волчи ворота прорываемся на Гайдук, Кирилловскую. К Новороссийску.

– Прорываться обязательно? Может, просочимся?

– Может. Но там плотно.

Забавно идти за врагом. Даже пыль не успевала осесть – тыловой дозор топотал метрах в двухстах впереди. Порой слышно даже, как румыны о чём-то приглушённо спорили. Не подрались бы. А то опоздают к ужину. Серпантинящую дорогу, точнее набитую до песка колею в просеке, приходи-

лось то и дело перебегать, чтобы оставаться с подветренной стороны. Хорошо, что небо смилостивилось, бледно перекрылось тонкой облачностью. Стало легче дышать, и подъём казался уже не таким бесконечным.

"Кря-кря"! Лютый, когда выходил в дозор, передавал свою санитарную сумку Старшему или Командиру. И сейчас Командир, спохватившись, перетолкнул её к Пичуге, ящерицей метнувшись на призыв.

– Сёмы нет. Не вышел.

Лютый, посланный на смену, присел было под иву, расслабленно поджидая замыкающего. Прислушиваясь к шороху листы, разглядывая сборище красных клопов-солдатики. Минута, другая. Сёма не подходил. Ползком меняя позиции для лучшего обзора, Лютый ещё пару минут поговаривал себя, насчёт "мало ли приключается – по-малому, например", но потом признался: Сёмы нет. При том, что в лесу ни малейшего признака тревоги: деловой, целеустремлённый шмель выбирал в траве цветок под свой размер, серая пичуга из-под ивовой копны уже на сто раз выспросила невесть кого: "а-витю-видел"? Какого ещё "витю"? Сёмы нет. Семён Семёныча! А основная группа уже вышла за предел и визуального, и звукового контакта.

И Лютый пополз, быстро пополз, где на животе, где на карачках. Стараясь не думать о том, что сейчас его догонит: снайперская пуля или автоматная? И не представлять, куда. Покрякал раз, два. Три. Пока не натолкнулся на Командира:

– Сёмы нет!.. Не вышел!..

Командир прижал голову Лютого к земле:

– Тсс...

Есть эти ужасные командирские мгновения принятия решения, требующие надчеловеческой ответственности: кого сейчас – ради кого или ради чего – отправить на смерть? Мгновения на выбор: кого в сию секунду оставить жить за счёт жизни другого? В общем-то, точно такого же, и, если чем менее ценного, то только с твоей точки зрения. Только с командирской.

И, может быть... Да-да! Наверное, так оно и есть: чем выше твоё положение, звание, должность, чем больше тебе дано, доверено власти – то есть, чем отстранённое, чем дальше от тебя те, чьи судьбы ты в данную секунду определяешь, тем легче, рационально самооправдательнее принимать такое решение. Легче, передвигая флажки по карте; легче, глядя на построение частей в батальоны, полки, дивизии – на обезличенные униформой и плацовой выучкой батальоны и полки. А вот так – глаза в глаза, слыша, чувствуя щекой сбитое страхом и ненавистью дыхание, ладонью касаясь потного холодного затылка. Принимать решение, зная, проверено бытом и боем, зная каждого доверенно, отданного тебе во власть...

– Уходим.

Двадцатичетырёхлетний разведчик-снайпер Калужный Семён Семёнович, награждённый орденом Красной Звезды и медалью "За боевые заслуги", за два года службы в разведбатальоне более сорока раз пересекавший линию фронта, надёжный, безотказный товарищ, с малолетства знающий лес охотник с Амура, вполне мог просто получить травму: сломать или вывихнуть ногу, мог столкнуться с кабаном или медведем, с большой бешенством рысью. А мог попасть в засаду и быть убитым или пленённым. Искать его, даже просто ждать – значит, подвергать смертельному риску оставшийся состав разведгруппы с умножением вероятности невыполнения поставленного штабом дивизии боевого задания.

– Уходим. Гаркуша – передовой дозорный, Лютиков – замыкающий. Предельная осторожность. Полная тишина и визуальный контроль товарищей.

Чтобы проверить возможность скрытного преследования, группа перебежками пересекла открытое пространство и заняла оборону по краю лесной полосы напротив. Лютый должен был выдержать пятнадцать минут и лишь потом, убедившись в отсутствии врага, ползком пересечь луговину.

Если Сёму, стоглазого и стоухого Сёму, смогли бесшумно или пленить, или зарезать, то Лютый для таких специалистов – просто розовый поросёнок. Цыплёнок неоперившийся.

"Паче всех человек окаянен есмь, покаяния несть во мне...".

Он разложил перед собой гранаты: по краям две немецкие "колотушки" для дальних бросков, по центру – две наши "сорокпервые" для ближних. И "лимонка" Ф-1 для себя.

"...горе тамо будет грешным, в муку отсылаемым; и то ведущи, душе моя, покайся от злых дел твоих".

Проверил единственный алма-атинский диск для алма-атинского ярёминоного ПППШ: если удастся распределить огонь более-менее короткими очередями между бросками гранат, то хватит на две минуты – плюс две, плюс две... Расстегнул кобуру: ещё минута на ТТ. Итого десять-одиннадцать минут боя. Если раньше не попадут в него. Хотя бы не сильно попадут. Опять же, это Сёма бахвалился, что, мол, всегда чует какой-то "солдатский фарт", мол, точно знает – в этом бою его пули обойдут. И потому иной раз стрелял без всякого укрытия. Как в кино.

"Житие на земли блудно пожих и душу во тьму предах, ныне убо молю Тя, Милостивый Владыко: свободи мя от работы сея вражия...".

– Господи, помилуй! Господи, помилуй! Господи, ну, правда, Ты же видишь: невозможно человеку к смерти быть готовым. Никак к ней не подготовиться. Ты-то знаешь, понимаешь, что я согласен, конечно, согласен – все умрём, все.... Но, Господи. Как сейчас-то? Даже без покаяния. Я же в храме четыре года не был. Ни на одной службе – четыре года. И как мне теперь умирать? Господи, помилуй.

Стрелки у часов точно залипли. Да тикают ли? Только шесть минут прошло, ещё девять.

"Верую, яко приидеши судити живых и мертвых, и вси во своем чину станут, стари и млади, владыки и князи, девы и священницы; где обрящуся аз? Сего ради вопию: даждь ми, Господи, прежде конца покаяние"...

– Господи! Ну, правда, Твоя правда, всё у меня не так. Не так, как надо. Всё. Взять Дьяка. Дмитрий – диакон настоящий, он сам на принятие сана пошёл. По своей – и Твоей! – конечно, Твоей воле. А я? Я же просто обречён сану был. Попович в шестом поколении. С семи лет в алтаре, свещеносец. В пятнадцать – хиронисированный чтец. Ещё и голос открылся: "Величаем тя...". У отца и дядьёв каждая служба без меня и не служба – Апостол, Шестопсалмие, кафизмы. И вот восемнадцать... Господи! Ну, да-да, дурак, дурак я! Господи! Понятно, задним числом понятно – никакая то не любовь была, то морок, наваждение! Как матушка плакала! А я, Иуда, всё бросил, всех бросил, разругался, уехал с той. Которая потом уже от меня уехала, уже меня обругала и бросила. Сыночек теперь чужого дядю папой зовёт, а мне к престолу невозможно. Так мне и надо. Так и надо! Иуда я, и-у-да конченный.... Исправить-то как? Вымолить прощения как? Помилуй мя, Господи, Ты единственный безгрешный...

Ого, да он лишних четыре минуты пересидел! И никого. Никого! Ветерок по листве и точно такой же шмель озабоченно кружит, толкается в травке.

– Ну?

– Никого. Ни мышки, ни птички.

Пронаблюдали ещё с полчаса. И что же тогда случилось с Семой?..

Ночёвку определили на усеянном валунами альпийском лужке небольшого, но крутобокого отрога меж двух заросших до совершенной непроходимости щелей. Чтобы при необходимости сползти на ту или иную сторону. Или по гребню отступить к вершине. Натянули поперёк всех возможных подходов проволоку с гранатами. Раскидали хворост. В полной темноте легли в кольцевую оборону – оружие перед собой, спать через одного.

Через полчаса все окончательно затихли, так что достаточно осторожный воробьиный сычик устроил охоту прямо над разведчиками, сбивая гудливо-медленно перелетающих весенних жуков. Ну, прям, ас-истребитель.

– Отче? – Лютый подкатился к Дьяку. И более дыханием, чем шёпотом в самое ухо:

– Что, старец настоящий?

Дьяк подержал паузу. Однако, если кто и слышит, то не подаст виду. Даже Командир постарается не заметить нарушения приказа.

– Настоящий. – Тоже одним шипом, тоже в ухо. – В духе. Сегодня Великий четверг, таинство Евхаристии. И он отдаёт нам свой хлеб. Весь отдаёт: "примите, ядите". А потом просит поминать его с утра как новопоставленного монаха Иова. Уразумел? Новопоставленного с Великой пятницы.

– "Сие есть Тело Мое, еже за вы ломимое".

– Он вообще всё про нас ещё до нас знал. И про то, что я в сане, тоже. И потому сказал: вы ковчегом спасаетесь. Ковчегом! Если о чём и спрашивал, то лишь затем, чтобы я сам в себе, своё же понимание уточнял.

– Завидую. Очень завидую. Мне бы с ним поговорить. Поисповедаться.

– Он – простой монах.

– Вряд ли.

Сычик бы ещё на ствол ППШ сел! Смешной до наглости – людей не боится. Как тот поползень у старца. А с другой стороны – хоть и воробьиный, однако хищник! Крохотная, но сова, самая настоящая. Гроза мышкам и жукам.

– Ты же из интеллигентной семьи: папа профессор, мама, вообще, из бывших. И как ты представляешь "просто монаха"? Из крестьян или из солдат? Даже из купечества? Подсказываю: "инда паки-паки, понеже авось-небось, ихний давеча"! А этот старец не по-простецки глаголил. Язык очень литературный. И осанка, ну, такая властная. Под нищетой и неухоженностью. Очень нарочитой.

– Ты к чему? Только потише, – Дьяк приложил палец к губам.

– Я, как его увидел, так мне сразу тонко-тонко почувствовалось, как бы провиделось. А после и уверилось, он – в сане. Игумен или архимандрит. Может, даже епископ. Знаешь, чем? В сухариках, что он мне дал, как бы случайно лежал кусочек антидора. Свежего антидора, отче!

Дьяк опять приложил палец к губам. Где-то далеко взвыл шакал.

– Пожалуй, ты прав. Я теперь тоже озадачился. Да, вполне может быть, что он тайный архиерей. Тогда... тогда он мне самое главное подсказал: как только примиришься, так и молитва пойдёт. Точно, это он – главное. Катись-ка ты спать.

– Аминь глаголешь.

* * *

Что такое – в первый раз прикоснуться, приложиться к престолу?

"Исаие ликуй, Дева име во чреве, и роди Сына Еммануила, Бога же и человека, Восток имя Ему, Его же величающе..." – то же песнопение в таинстве венчания брака, ведь в таинстве хиротонии священник венчается с паствой. Приход – "чертог брачный", прихожане – "сыны чертога".

"Аз, многогрешный Дмитрий, призываемый ныне к служению диаконскому, обещаю и клянусь пред Всемогущим Богом и святым Его Крестом и Евангелием, что при помощи Божией всемерно буду стараться проходить своё служение во всём согласно слову Божию, правилам церковным..."

Стихареь – образ чистой души. "Одежды брачные".

"...Учение веры содержать по руководству Святой Православной Церкви и Святых Отец, заблудших вразумлять..."

Орарь – благодать Божия таинства священства. Аксиос!

"...В молитвенное и каноническое общение с лицами, не принадлежащими к Православной Церкви или находящимися в расколе, не входить. Ни в каких политических партиях, движениях участия не принимать..."

Поручи – узы Спасителя. Аксиос!

"...целую Святое Евангелие и Крест Спасителя моего. Аминь".

Рипида – участие ангелов в ритуале. Аксиос!

А каково прочесть впервые Ектенью? Для сынов чертога.

Что же тогда происходило с кафедральным городом, когда в тысяче девятьсот двадцать седьмом году одновременно четыре архиерея титуловали себя "томскими"? Кто венчанный, кто обрученный, а кто совратитель или насильник? Тихоновский, григорианский, живоцерковный, катакомбный – за каждым клирики, за кем больше, за кем почти никого... "всякое царство раздельшееся на ся запустеет, и всяк град или дом разделившийся на ся не станет". И через десять лет совращённый город, разорванный сводящей с ума свободой на враждующие, анафематствующие приходы, в тридцать седьмом остался вдовым – ни одного священника. Ни одной литургии. Ни одного храма... Плоды свободы: "И воскликнул он сильно, громким голосом говоря: пал, пал Вавилон, великая блудница, сделался жилищем бесов и пристанищем всякому нечистому духу, пристанищем всякой нечистой и отвратительной птице; ибо яростным вином блудодеяния своего она напоила все народы". На своей последней проповеди перед арестом отец Илья, и так-то не вдохновенный оратор, вдруг сбился с темы, прошептал: "Держитесь Православия! В каждом раскольнике сидит бес блудный, хоть тот в пустыне сорок лет проведи, а, всё равно, как только выйдет на люди такой вроде "праведник", так смотри: враг из него вылезет сектантством и ересью. Раскольник – блудник в духе".

"Исаие ликуй, Дева име во чреве, и роди Сына Еммануила, Бога же и человека..." – две недели назад они с Катей, рабой Божией Екатериной, буквально скованные железной, поверх епитрахили, хваткой отца Мелхиседека, обходили вокруг аналоя. Это были финишные, победные круги долго сужающейся почти двухлетней спирали.

Когда они расписывались в ЗАГСе горсовета, Дмитрий обратил внимание, что церемония записи их нового гражданского состояния буквально вторит обряду обручения – только "намерения" естественного брака с целью деторождения свидетельствовала теперь не Церковь, а Государство. Впрочем, эта возможность подмены известна ещё в Византии: обручение у первых христиан было тем же гражданско-юридическим актом, заключением брачного контракта, как ранее у язычников.

А вот венчание...

Которому предшествует причащение Святых Даров. Которое предваряет таинство покаяния. К которому ведёт осознанное желание преобразиться. Преобразить себя.

К преобразению нужно тянуться. Нужно тянуться к совершенствованию, это желание приближения, а, может, и достижения – для себя, себе, в себе – к лучшему, близкому к идеальному – в быту, в профессиональной деятельности, в знании, для человека врожденно-сущностное. В этой тяге – строй его здоровья. Именно так: здоровье тела, души, ума – в их развитии, в росте! Это как у растения здоровая тяга к свету, к воздуху, к влаге и теплу. Но что для растения, даже для животного, достаточно, для человека мало, ничтожно мало. Ведь преобразование происходит не в процессе, оно есть результат процесса, финиш процесса, его предел. То есть, оно – акт выхода за предел тяги к идеалу. Оно – переход, нет, оно – прорыв, метаморфоза, превращение бега в полёт.

Чтобы взлететь, нужно прыгнуть вверх, оттолкнуться. Нужно резко и сильно оттолкнуться... от чего? Здесь, точнее: от кого? От себя – себя прошлого, то есть, и нынешнего. Отказаться, отречься от сегодняшнего для будущего.

Для чего, во-первых, нужно испугаться себя, испугаться за себя. Это уже не самооценка, её мало, нужно прозрение, именно прозрение собственного... ну, несовершенства. Честнее – своей мёртвости. Пустоты. Никчёмности. Нищеты. Это чисто религиозное виденье. Это материалисту не понять. Ветхое ли: "Блажени вси боящиися Господа, ходящии в путех Его", новое ли: "Блажени нищии духом, яко тех есть Царство Небесное". Здесь для многих тайна, непостижимость.

Во-вторых, для взлётного прыжка нужно не просто верить в светло-святое, праведное будущее, а возжелать его. Возжелать, возжаждать, возлюбить.

Итак, с чего начинается катехизация? С вопроса – зачем ты? Зачем ты живёшь? Чтобы продолжалась жизнь человечества...

И всё?

Мало?

Спорно.

Ради счастья Родины, счастья народа.

Что для тебя счастье? Сытость-безопасность-размножение? Спорно!

Ради истины.

Уже теплее, но что есть истина? Сегодня? Для тебя? А что такое добро? Красота? В чём они нераздельны?

Читаем, обсуждаем, спорим, читаем. Особенно впечатляли рукописные книги от духовных чад владыки Варлама – "О любви и дружбе", "Как сохранить веру", "Краткие правила жизни". Ключ ко всему – "зачем"? Зачем мир? Зачем человек? Зачем пришёл Христос? Зачем Церковь? Читаем, обсуждаем, спорим, читаем. Зачем страдания? Они – либо казнь, либо жертва. Зачем жертва? Она есть любовь. Ты же не спросишь: "зачем любовь?", это предел – "зачем"...

"Тако бо возлюби Бог мир, яко и Сына Своего Единороднаго дал есть, да всяк веруяй в Онъ не погибнет, но имать живот вечный".

Через полтора года Екатерина первый раз исповедалась. Первый раз причастилась. Ещё через полгода они венчались. По благословению епископа Варлама, таинства на дому совершал отец Пётр Чебуракин.

"Кто из моих земляков не учился любовной науке, Тот мою книгу прочти и, научась, полюби". Ну, и что, Овидий, разве любви ты учил? Любви-агапэ? Ну, для тебя, римлянина, – caritas, dilectio. Нет. Блуду ты учил, но не любви. Ибо ты её не знал.

23 апреля 1943 года. Пятница

От Советского ИНФОРБЮРО:

В течение 23 апреля на фронтах существенных изменений не произошло.

На Кубани противник предпринял несколько атак, но, потеряв убитыми и ранеными до 500 солдат и офицеров, был вынужден отойти на исходные позиции. Танкисты под командованием капитана Сушкина за несколько дней сожгли и подбили 17 немецких танков. По-прежнему активно действовала наша авиация и авиация противника. В воздушных боях нашими летчиками сбито 36 немецких самолётов.

* * *

Бах-бах-бах! Бах-бах-бах! Бах-бах!

На земле ещё ничего нельзя разглядеть, а в серо-голубом уже небе ярко-розово вспыхивали круглые облачка зенитных разрывов. Бах-бах-бах! Один за одним, из пролетающих на приличной высоте – километров пять – тридцати наших "илюшей", четыре выпали из строя и, дымя и кувыркаясь, спикировали куда-то за перевал. Бах-бах!..

Да растак всё так!

Вот же местечко для ночёвки: в каком-то полукилометре, на вершине, на которую планировалось, если что, отступить, расположилась полноценная зенитная батарея – опоясанная двойными траншеями с вынесенной колючкой, охраняемая дзотами. Девять восьмидесятивосьмимиллиметровых "флаков" со всей инфраструктурой и под прикрытием роты румынских горных стрелков! Это же сюда вчерашние маршировали. Так и подумали: раз без кухни и обоза, значит, на смену.

Срочно сползли в левую щель, растворились в даже не колыхнувшейся плотной листве.

Ну, и кто объяснит: зачем здесь такие мощные зенитки? Что они здесь обороняют? Железная дорога далеко, море – ещё дальше. Так же, как и Крымская с застопорившимся фронтом. И что же тогда здесь?

Вот опять они, эти командирские мгновения: пятый день в глубоком тылу, потери четыре из десяти, а к главному заданию – взять языка из штабников Пятого армейского корпуса генерала Ветцеля, штурмующего Новороссийский оборонительный район, предпочтительно обер-офицеров 73-й или 50-й пехотных дивизий, его группа даже не подошла.

Но сбитые над совершенно пустынным районом четыре наших штурмовика. Сбитые едва видимыми... На кой фрицам здесь столь мощная ПВО? Что они тут прикрывают? Очень похоже, что готовится какая-то грандиозная засада, какой-то сюрприз. Который может стоить больших потерь для наступающей РККА. Если добавить те новые, не указанные на карте дороги... Авиаразведка ничего особого в этом районе не отметила, а посылать в такой глубокий рейд другую группу, специально... ну, если только парашютистов.

Командир поднял голову, оглядел старательно отворачивающихся от него бойцов. Что важнее: чёткое выполнение полученного задания или инициатива по вновь открывающимся обстоятельствам? Обстоятельствам явно чрезвычайного значения.

Пятый день. За эти дни даже у Пичугина бородёнка пробилась. Усов почти нет, а на подбородке поросль закучерявилась. Самый чемпион – Шигирёв: у Копоти плотнейшая чёрная щетина от самых глаз – просто вылитый Пугачёв. От щетины щёки у всех ввалились, комбинезоны в грязевой корке, ремни на вторую дырочку переколоты. Но, а как же сбитые над совершенно пустынным районом четыре наших штурмовика? Да с высоты в пять километров...

И что за смущение? Отставить, руководствоваться логикой. Вот, положим, как бы здесь рассуждал товарищ Сталин? По его логике коллективное превышает личное. Всегда и во всём. Коллективное всему – главное мерило и главный судья. Потому идеал коллектива – армия. Ведь для нерушимости единства обязательна субординация. Армия – все за одно, но каждый в своём. Ведь если ротный начнёт решать и действовать как член военсовета, то это приведёт к... чёрт знает чему.

Понятно, что по учебнику "штаб дивизии включает в план разведки те вопросы, решение которых непосредственно обеспечивает выполнение задач дивизии; в план разведки включаются также вопросы по разведке, поставленные штабом корпуса. Хорошо продуманный и чётко составленный план разведки даёт возможность правильно использовать разведывательные средства и позволяет вести разведку целеустремлённо и постоянно контролировать исполнителей".

Именно для этого "постоянного контроля" он, командир разведбатальона, здесь, с резервной группой. Потому что другого "контроля" для столь сложного плана не получится. Начштаба попытался, а согласился.

Поэтому, прав он или не прав, пусть разбираются те, кому это поручено. На основе общей партийной морали. Почему Смирнов не попытался разведать район с явно преизбыточной активностью противозенитной обороны? А потому, что у него уже сейчас недостаточно ресурса для выполнения полученного приказа. У него уже сейчас предел возможности добычи штабного языка: присутствие русской разведгруппы в своём тылу противником выявлено, ведётся активный поиск, ещё один выход на радиосвязь в час-два схлопнет окружение преследователями.

Передвижение на предельной осторожности. Сотни приседаний на колени, десятки подъёмов из "положения лёжа" – пятый день рейда доставался особо тяжело. Сотни или уже тысячи? Но, а как иначе? Контрольно-пропускные пункты и усиленные патрули не только на лесных дорогах и дорожках, но, кажется, даже на кабаньих тропах. Впереди, позади, справа, слева, на открытых подъёмах и крутых непросматриваемых поворотах, за хуторскими огородами, на бродах через ручьи – то случайные конные разбегды, то организованные засады. Сотни и сотни приседаний на колени, десятки и десятки подъёмов из "положения лёжа"... На пятый день почти тридцать килограмм продуманно подогнанного, нигде не брякающего, не царапающегося и цепляющегося боеобеспечения – это совсем не то, что в день первый. И даже в третий. Но, а как иначе?..

Лютый отползал – остальные раскатывались, разнося фланги. Через ложок, метрах в ста, развёрнутой цепью их поджидали горные егеря. Молодец Лютиков, вовремя среагировал. Отходить некуда – позади просматриваемые залысины.

Одиннадцать-тридцать пять. Немцы не активны. Ждут, значит, уверены, что русские выйдут на них. С чего?

Двенадцать-сорок две.

Ветерок, нарастая, натянул с юго-запада низкие тучки. Тучки, срастаясь, застелили небо и начали сочиться какой-то водяной пылью. Листья и трава не просто мгновенно мокли, скатывая, собирая блёсткую пыль в уже настоящие капли, но, главное, скоро остужались. И выстужали. Комбинезоны пока держались, не промокали, но, всё равно, спины, животы, руки и ноги теряли чувствительность, шеи каменели.

Тринадцать-двадцать.

Ветер, сделав своё подлое дело, куда-то пропал. Брошенные на произвол судьбы, тучи сбились в кучу и пролились настоящим дождём. Немцы, по одному, укрывались под плащами. Десять, двадцать, двадцать два... порядка тридцати, может, больше. Взвод егерей напротив ополовиненного от-деления разведки.

Четырнадцать-тридцать пять.

Дождь пробрал, заледенил так, что вначале мелко, потом всё сильнее затряслось, пробегающей судорожной волной засотрясалось даже то, что до сего считалось бесчувственным скелетом, не способным к реакции на окружающее.

Пятнадцать-двадцать.

На-до-что-то-пред-при-ни-мать. Но отяжелённая, придавленная каплями листва выдаст любое движение.

Шестнадцать-десять.

Егеря снимаются! Через одного. Оставили четверых.

Шестнадцать-тридцать.

Последние отползли.

Семнадцать-ноль-ноль.

Первым лощинку преодолел Живчик. Да, чисто.

– Командир, думаешь, что, они нас не заметили?

– Думаю, они нас и не отпустили. С того места, где Пичугин и Воловик...

В холодной влажности лёжки егерей остро воняли мочой.

– Да. Вторые сутки вокруг шарятся. Не особо маскируясь. – Копоть поднял вдавленный в грязь окуроч "Joseffi" осмотрел, понюхал. Брезгливо отбросил. – И Сёма, в натуре, – их дело.

Перегляд получился общим. Но, а какого не идут на бой? Смотрят – зачем мы здесь. Или за кем. Когда поймут, тогда и кончат. Попытаются кончить.

Немцы – налево, значит, русским – направо. Это егеря так подсказывали: сбитой росой, следами в грязи, согнутыми, вывернутыми ветками. Что ж, не будем спорить. Послушно оттоптав направо, по одному сходили на прежний маршрут. Дальше всех пробежал Живчик, сломил ветку, быстро оправился, спиной вернулся на сотню метров и свернул вдогон группы.

К Верхнебаканской вышли уже перед закатом. Организовывать наблюдение поздно. Как же в таких случаях бесценны партизаны. Да просто наши люди. Не предатели. А, может, взять какого-нибудь полицая, да расспросить с пристрастием? Ну, что он знает, то и расскажет. Ну, хотя бы – немцы СС или вермахт? Кто комендант, кто начальник гарнизона? Бургомистр? Сколько кухонь, конюшен, где горючее... танки-пушки?... на сколько коек госпиталь?.. Какие-никакие, а всё сведения. Если шуцман разгильдяй, так его завтра и к вечеру не хватятся. А если идейный? По-любому, ночью искать кого-то не из *herren Deutsche* вряд ли будут.

– Шигирёв и Гаркуша, берётесь?

– Без базара, Командир. Ну, так точно, начальник, – Живчик сдёрнул пропотевшую пилотку, продул, выстужая. А Копоть даже ремень запоправлял, сбычившись так, чтобы не выдать довольства. – Когда?

– Погодите. Вначале с объектом определимся.

Нога, чёрт! Опухоль, вначале легко красноватая, там, где раньше был сгиб, стала синеть. Пичуга старался потуже заматывать портянку, предварительно подержав ногу повыше, чтобы хоть немного стекли кровь и лимфа. Так как всё равно не хватало сил смотреть по сторонам, Пичуга просто повторял поведение Командира – садился на колено, падал на живот, отползая за или под укрытие. От достающей боли пытался уйти в отвлечённость. Думать о чём-то требующем полной сосредоточенности. Да, не дело разведчика мысленно зарываться в память, выправляя то, что не нравилось, что не прошло так, как хотелось. И разобрать – почему не прошло. При этом на автомате повторять поведение Командира: присаживаться на колено, падать на живот, отползая за укрытие. Главное – шагать, шагать, не тормозить товарищей.

Чёрт, нога! Вот почему Климу не согласен с Лютым и Дьяком? Особенно злил Дьяк, ну, Дмитрий Васильевич. Конечно, он это специально подначивает. Но очень умело. Лютиков попроще. И понятней: сын священника, ему с младенчества веру вложили. А этот интеллигент, тоже из профессорской семьи, начитанный, умный, и вот – стал священником. В то время, когда все проснулись, в сказки про счастье на том свете даже в деревнях уже не верят. Всем всё ясно, и никакой Будда, Исус или Магомет, будь они даже историческими персонажами, не боги, а воплощение представлений о божестве. В каждой культуре разном. И почему Дмитрий Васильевич упорствует в своём уклонении от разговора? Зачем? Всё равно, на сумасшедшего не похож. Более того, делает вид, что в некую тайну посвящён. Куда Климу дверь заперта. Нога, чёрт!

Вот Клим пришёл к марксизму сам, не через комсомол. У отца много было изданий на немецком – философия, экономика, теоретики культуры, естественные науки. С тринадцати лет, удивляя родных и знакомых, Клим до полуночи засиживался над Фейербахом и Бернштейном, Энгельсом и Марксом. Даже пытался переводить. Поэтому христианство он воспринимал по Энгельсу: как переродившееся, а изначально протестное движение бесправных рабов, бедняков из угнетаемых, покорённых Римом народов. Первоначально сами христиане подвергались гонениям, что, как и всяких фанатиков, только укрепляло их в своих убеждениях. Это потом, попав в среду феодалов, христианство извратилось, став само инструментом угнетения. Чем эта историческая истина не убедительна для Дьяка? В любом антисоветчике должна быть своя, пусть несостоятельная, логика. С которой можно дискутировать. А когда тебе только молча улыбаются в лицо, как какому-то дурачку, это злит. Интересно, стал бы Благодословский улыбаться в лицо следователю? Посмотреть бы, как верующие с энкэвэдэшниками бодаются. Тоже с ехидной улыбочкой? Чёрт, нога! Чёрт! Чёрт!

Обходили посёлок широкой дугой: по границе леса через каждые двести-триста метров столбики с табличками о запретной партизанской зоне, читай – о минных полях. Поэтому задерживались на пересечении каждой дороги и тропки. Прощупывали-прошаривали коридорчики с обеих обочин.

Выгрызший бочину горы известковый карьер из сотен разноразмерных ям охранялся дзотом: со стороны посёлка над дорогой вспучилась обложенная камнями двускатная бревенчатая крыша, бруствер из мешков с песком, на сотню метров криво тянулась траншея к наблюдательной вышке. Далее – колючка. И зачем это?

Подползли. Подождали.

Тычком отрыв дверь, из дзота вышли двое, выбрались из траншеи по малой нужде – эх, румыны. Насколько же бесполезный народ.

Ждали. Ждали. Лютый и Пичуга – стволы почти в бойницы, гранаты наготове. Командир и Дьяк контролировали вышку.

Взвыли собаки, да сколько! Вспыхнуло два прожектора на вышках – белые световые пятна заматались по карьерным раскопам. Собаки выли всё жутче. Кто-то орал, пытаюсь их унять.

– Облом, – Копоть и Живчик вернулись явно расстроенными.

– Лагерь. Колючка по полной. Два здоровенных барака с заключёнными, три сарая-мастерские, домики администрации и охраны. Конюшня. Две вышки. И собак не меньше десятка.

– От тебя завывали? – Лютый хмыкнул.

– От меня они взвыли, а вот вас мигом сгрызут. Их там человечинной кормят. Вонь трупная – нос свернуло.

Тихое гудение прорвалось взрывами в районе железнодорожной станции. Вспышки обгоняли звук на шесть-семь секунд – до места бомбёжки два с небольшим километра. Наши "ночные ведьмы"! Неспешно вспыхнул и разросся пожар. Ответно по низко притуманенному небу дёрганно шарили прожекторные лучи, струями летели трассеры крупнокалиберных пулемётов, где-то излишне высоко пыхала зенитная шрапнель.

– Пока шухер, рванём прям по дороге?

– Давай, рискнём.

Лютый передовым, метрах в пятидесяти за ним остальные, простой цепочкой.

Дьяк всё время оглядывался – замыкающий Пичуга отставал уже излишне.

До станицы осталось метров триста – где-то уже должен располагаться блокпост. Свернули направо, просёлок через заброшенные огороды вывел в высаженные ровными рядами яблоневые сады. Высоченное багровое пламя – видимо, разгорелась цистерна с горючим – неестественно, как-то театрально, освещало окрестности. Бомбардировка полчаса как кончилась, но суета с рёвом машин, маневровыми гудками и даже стрельбой не ослабевала.

Старые яблони с жидкими кронами, утяжелёнными набухшими цветочными почками, свободно просматривались на полсотни метров: тёмно-красные листья, тёмно-красные раскоряки стволов и за ними – длинные дрожащие тени, сливающиеся с мутной чернотой. Пришлось перестроиться в обратный угольник с вынесенными вперёд фланговыми дозорами. Двигались перебежками. Дьяк теперь не выпускал отчаянно хромавшего Пичугу из поля зрения.

Живчик с левого фланга прикрикнул и указал на жёлтый в багровой полутени огонёк костерка.

Замотанная в кокон из двух-трёх платков женщина укачивала на коленях так же закутанного в тряпье грудного младенца. Рядом, что-то выстругивая из чурбачка, полулежал чумазый подросток лет десяти-двенадцати. Вокруг костерка ещё парились чёрный от копоти чайник и пяток разнокалиберных керамических плошек. За спинами – завешанный облезлым плетёным ковром вход в низкий шалаш или землянку.

– Мы свои. Не бойтесь.

Конечно же, Командир постарался окликнуть осторожно, но после долгого молчания всё равно получилось хриплое карканье. Женщина вскинулась и свернулась как от удара, накрывая собой ре-

бёнка. А мальчишка прыжком заслонил её, выставив палку и нож, слепо заглядывался через костёр. Малорослый головастый недокормок, по колено в огромном мужском пиджаке.

– Мы свои. Русские. – Командир поднялся, развёл руки, показывая ладони. – Советские. Здравствуйте.

– Здравствуйте.

Дремавший грудничок от толчка едва слышно закричал, жалобно завсхлипывал. А старший брат, жадно осмотрев-оценив оружие вышедшего к костру, отступил и скрылся за ковёр вглубь шалаша.

– Немцев нет?

– Нет.

– А полицаи?

– Нет никого.

– Так вы что, одни здесь? – Командир шаг за шагом приблизился, медленно припустился на одно колено.

– Почему? Не одни. – Женщина развернулась к костру, но лицо не показала, ещё больше согнулась, вновь закачав младенца. – Тут Комаровы живут, Кобенки, Мироненки. Там – Петровы, там Марченки. Халиловы. В садах много землянок.

– Да? А чего в землянках? Откуда сюда собрались?

В щёлку из-под подрагивающего ковра Командира разглядывали ещё пара мордашек.

– Мы до войны в колхозных садах робили. Оне двадцать гектар. Вот теперь здесь бытуем.

– Так что с домами?

– Заняты. Солдаты живут.

– Они нас осенью выгнали, – подросток выбрался, встал поближе к матери. – Это когда первые уехали. Первые, они хорошие были.

– Молчи!

– А чего? Они с нами в футбол играли.

– Молчи, сказала!

– А чего? Злые после них пришли. Эсэсовцы. Танки везде поставили. Везде-везде. Сто танков!

– Неужели так много? Даже сто? – Командир не шевелился, пока подросток восхищённо трогал автомат.

– Да больше! Они нас и выгнали.

– Выдали двум семьям одну лопату на один день, – женщина впервые подняла глаза. Командир едва сдержался: какая же она худая – огромные чёрные глазищи в чёрных же провалах красно отблёскивающего курносого черепа. – Мол, копайте, сколько успеете. Хворостом кое-как покрыли. Землёй. А зима-то ноне лютая выпала. От века здесь такого февраля не было. Вымерзли тогда многие: Денетки, Новиковы, Дмитруки, Савские. Громовы. Бондаренки. Прямо с детьми вымерзли. У Дмитруков девять, у Бондаренок тоже девять. У Новиковых шестеро малышей поколело. У Кобенков двое.

– Чем зарабатываешь? – Командир, переменяя колено, оглянулся. Он не мог решить: вызвать ещё кого к костерку? – Кто из ваших в посёлке или на станции работает?

– Зачем вам?

– Спросить хотел.

– Не надо. Сдадут. Все боятся. Все боимся. Вон там Липяни висят. Все висят: дед Петро, бабка Дуня, их Люська, еёные Коленька и Поленька. Дед Петро пошёл в гору, на фазанов петли ставить. Попал под облаву кавказцам. Всю семью казнили, как партизан. И хоронить запретили. Мы боимся.

– И ты сдашь?

– Я ничего не знаю. Бельё стираю в госпитале.

– А чего узнать? Я могу разведать, – парнишка присел напротив Командира. – Я всё тут знаю.

– Молчи, дурак! Поди спать! И вы тоже уходите. Прошу вас, уходите. Детей пожалейте. Повесят нас всех.

Парнишка встал, потоптавшись, отошёл, сердито запихивая передний край рубахи под ляжки великоватых штанов.

– Шигирёв, Гаркуша.

Появление ещё двух разведчиков ни женщину, ни подростка почему-то не удивило.

– Ребята, это... Ну, если есть рейхсмарки.

Через минуту Живчик сунул Командиру в ладонь пухлый свёрток:

– Три косаря, Командир.

– Спасибо. Потом посчитаемся.

– Замётано.

Женщина протянутые деньги схватила с пальцами, как деревенская собака хлеб, мгновенно сглотнула-спрятала в складки своего кокона. И лишь тогда спохватилась:

– Это что? Вы... Вы же... Сына не забирайте!

– Он нас только проводит. Как звать? – Командир положил ладонь на плохо выстриженную голову аж подпрыгнувшего мальчишки. – Пойдём, Андрейка.

– Вы... Вы... Не забирайте, Христом Богом клянусь, я не выдам, – женщина, подкинув к плечу всхлипывавшего малыша, рванулась было за Командиром. Но ударилась о Копотя:

– А Карлом Марксом?

– Что?

– Карлом Марксом клянёшься?

– И Карлом! И Магометом! Не забирайте, я же никому ничего не скажу!

– Сядь здесь и жди.

– И где, Андрейка, твои сто танков?

– Так в марте укатили. В Анапу. Взамен румынов прислали. Которых советы под Краснодаром побили. Те, вторые немцы, которые на танках, злые были, одно слово – эсэсовцы. А эти румыны, мамка говорит, вообще звери. Хуже тех.

– Отчего это хуже?

– Пьют. Продают своё оружие горцам и пропивают всё. А как напьются, бьют всех, кто встретится, грабят последнее. И насилуют. Старух, девочек. Заражают. Они хуже!

– Потерпите. Немного осталось.

Пожар на станции пригасили. В вернувшейся темноте едва не наскочили на заграждение из колючей проволоки. А где железнодорожное полотно?

– Так вона, за проволоками насыпь. Можно обойти, но далеко.

– Ясно. Ну, давай, Андрейка, прощаться. Спасибо за службу. Советскому Союзу.

– Не! Я же с вами хочу. Я воевать хочу.

– Андрейка, мы об этом не договаривались. И что же ты мамку бросаешь? С маленьким таким? Братик или сестрёнка?

– Он не брат мне. Совсем не брат.

– А кто он?

– Немец. Болдырь.

– Как это?

– Мамка от немца прижила. Его всё равно советы убьют. Или партизаны.

А вот и туман. Мучнисто наполненные лунным светом огромные волны медленно сливались с холмов, цепляясь подбрюшьями за чёрную щетинку невысоких лесных порослей. Достигая равнины, волны теряли напор и крутость, растекались, расходуя светоносность и глухоту. Подождать бы с часок, но ладно: жидковат, низковат, однако в полроста и сейчас покрывает.

Осторожничая, пересекли выпасной луг между железной насыпью и шоссе. Метрах в трёхстах впереди – крутой левый поворот на Волчьих ворота. За ним в паре километров, согласно карте, отвилочек в Убых. И далее, через Раевскую, к Анапе. На развилке обязательный блокпост. А тут просто идеальное место для засады. С отходом через лес на Маркотхский хребет.

Взять языка можно только здесь, дальше начнётся прифронтная зона, там и войсковая плотность, и режим охраны совсем-совсем другие. Там вокруг любого лейтенанта сотня стволы, вокруг штаба – батальон.

– В пять часов отмена комендантского часа. Откроют дороги – первым идёт патруль с сапёрами. С шести ждём. Берём легковой автомобиль. Если с эскортом, значит, птичка высокого полёта – наша цель. Но не более пары мотоциклеток. Я и Благословский – встречаем от поворота, на левой стороне. Лютиков и Пичугин отсекают с тыла, справа. Шигирёв и Гаркуша идут на захват. Вам тоже лучше справа, где пассажир, зарядиться. Возьмёте, выводите сюда, через дорогу. Мы с Благословским подхватываем, и вместе – в лес. Лютиков, Пичугин, вы замыкаете. Всем всё понятно?

– Товарищ командир, а если язык с той стороны, из-за поворота?

– Из-за поворота мы не увидим, если оттуда за ним целая колонна. Из-за поворота всех пропускаем. Начало по моему выстрелу. Сверим часы: четыре-ноль-семь. Всё, по местам.

– Пичуга, чего не переобуваешься? Зря, натрёшь мозоль, – Лютый сложил, скрутил снятые портянки, пропихнул в вещмешок.

– Не могу, нога распухла – сапог не снимается.

– Да ты чего?! Чего молчал-то?

– Думал, дотяну. Теперь понял, что нет.

– Не дури. Давай стянем.

– А если потом не наденем?

– Разрежем.

– Не надо. Я вот так лягу, может, отольёт кровь, – Пичуга перевернулся на спину, поёрзав, подполз к дубку. Закинул, по стволу вытянул ногу вверх. – У вас вода есть? Пить хочется.

Лютый отстегнул, протянул флягу. Господи, помилуй, парень-то совсем смялся. Как же он раньше не заметил? А теперь, если перестал за собой следить, это примета верная. Плохая и верная. Господи, помилуй.

– Клим, у тебя магазины готовы? У меня-то только один рабочий.

– А попробуйте, вдруг мои рожки к вашему подойдут.

– В смысле?

– Нат, попробуйте в свой ППШ вставить: мои мне Старшой напильником подгонял. Тарас Степанович. Они тоже клинились. Только, Антон Аникиевич, это, ну, можно встречную просьбу? Я хочу ещё немца убить. Увидеть, что я точно его убил. Можно, я первым выстрелю? Дам очередь, увижу, что попал, а потом вы?

– Постараемся. Конечно, Клим, ты – первым.

– Благословский, смотри. Вот на карте точки с могилами наших. А это места наблюдений. Отсюда – вот, в блокноте: это передаёшь с первыми координатами, далее отсюда – со вторыми, отсюда с третьими. Как передашь, блокнот уничтожь. Лучше сожги. Отставить! Буду жив, сам продиктую, это на особый случай. На передачу выходим сразу же после взятия языка, потом рацию бросаем. Больше не пригодится. Всё понял?

– Всё. Только отдайте мне аккумулятор тоже. На особый случай.

– Засыпай. Через час сменишь, – Командир подтолкнул мешок к Дьяку.

Какие же у него собрались люди, какие люди! Вот ведь по отдельности каждый – лом да заноза, а сошлись и сложились. В другом месте и в другом деле и дня бы мирно не протянули. Это военный комиссар штаба дивизии, после доклада особиста обозвал его второе отделение резервного взвода дивизионной разведки – "ноев ковчег: семь чистых и пара нечистых". Вернёмся, надо будет, как бы между делом, у Благословского или Лютого уточнить, в чём подковырка? Про семью и двух. Ведь если наши воры – два нечистых, то тогда что – он, убеждённый атеист, да и вон Пичугин тоже, каким-то образом к верующим примыкают? Или же наоборот: верующие к коммунистам и комсомольцам прикладываются. Семь чистых. Каламбур какой-то. Диалектический.

* * *

С двенадцатого мая целую неделю шли воодушевляющие сообщения о нашем наступлении под Харьковом. Но к двадцатому голос Левитана вновь стал обыденно сухим. А сегодня и вовсе информбюро спало с пафоса: "В течение ночи на 26 мая на Харьковском направлении наши войска закреплялись на занимаемых рубежах. На Изюм-Барвенковском направлении наши войска вели оборонительные бои с танками и пехотой противника. На других участках фронта существенных изменений не произошло". Изменений не произошло. Значит, отступаем.

Катя едва дотерпела до конца работы. Первой забрала Улю из детсада. Хотя до завода добираться девять остановок, но ещё полчаса с дочкой пришлось челночить перед пропускной Станкостроительного.

Весна заканчивалась осыпью отцветающих ранеток, свежая зелень заполнила палисадники и просто обочины, скворцы, кормящие своих севших на яйца самочек, всё равно находили минутку воспеть счастье продолжения птичьей жизни.

Они на десять раз просмотрели фотографии ударников трудового фронта и победителей коммунистического соревнования, разъяснили для себя кто такие "передовики", чем они отличаются от "пионеров".

– Пионел – всем лебяткам пимел.

– Да. А передовик – всем взрослым.

– Дядям и тётям?

– Да.

Дмитрий как начальник сменной бригады вышел одним из последних.

Катя едва дотерпела, пока он попросается со своими рабочими. У Дмитрия же, заметившего жену и дочь, ослабели ноги. Он, с усилием удерживая грудь и плечи развёрнутыми, с деланной улыбкой неспешно подошёл к ним. Нагнулся, на всякий случай оперевшись ладонями в широко расставленные ноги:

– Гуляем? Погода-то радует. Как моя маленькая провела смену? Воспитатели довольны?

– Папа – воспитательницы! Они осень. Осень довольны.

Дочка, сопя, пыталась вскарабкаться ему на руки. Дмитрий поднял, прижал к груди и лишь тогда заглянул в глаза Кате.

– Ну?

По возвращении из столовой есть пять минут, когда можно откровенно побездельничать. Екатерина откинулась затылком к стенке, отключилась, прикрыв глаза, и вздрогнула, когда над ней нависла Эльвира. Дочь новоназначенного замначальника третьего, "контрреволюционного", отдела обла-

стного НКВД, работала в бюро с основания, возглавляла соседний жилищный отдел и с первого дня взяла покровительство над новенькой. Ну, предложила дружбу, в которой не отказывают. Взамен Кате вменялось раз-два в неделю провожать Эльвиру после работы до дому. По пути они должны были заглянуть и в парикмахерскую, в вещевой магазин или в буфет Дома офицеров. Или пройтись по набережной, по которой гуляли раненые из переделанного из храма госпиталя, делавшие им комплименты.

– Катя, Катерина! Замуж хочу. Но не за наших скучных хряков. За приезжего. Издалека. Чтобы ни он про меня, ни я про него ничего не знала. И чтобы как у тебя: чистый, умный, красивый.

Уля ждала возле раздевалки, всхлипывая, смотрела, как забирают из садика последних детей.

– Дремлешь? Пойдём, подруга, покурим.

И такое приглашение не игнорируют. Тем более, некурящие.

– Отцу выслали документы из Томска. На твоего Благословского. Он, оказывается, проходил по делу контрреволюционного "Союза спасения России". Свидетелем. Но почему тогда уехал до окончания следствия? Ты знала? Теперь тебе лучше тоже сменить работу. И место жительства. Буду скучать.

После того, как выяснилось, что Ежов – враг народа и заговорщик, в начале сорокового в Вологде прошли аресты высшего состава областного управления НКВД. По делу об искривлениях политики партии по вопросу практики оперативной чекистской работы и о нарушении постановления ЦК ВКП(б) и указаний лично товарища Сталина, дискредитации всех органов НКВД СССР отдельными работниками УНКВД по ЛО и ВО. Начальника Жупахина расстреляли. За ним к высшей мере приговорили ещё семь старших офицеров. Просочилось в слухи: Анисимов, Воробьёв и Антипин вывозили осужденных в лес и лично отрубали им головы топорами. На какое-то время доносительство поприжалось. В газетных передовицах акцент теперь ставился на трудовую доблесть, а не на разоблачения. Дмитрию даже казалось, что самое страшное теперь позади. Однако владыку не выпускали. А потом началась война. И всё стало проще.

Москва. 22 июня 1941 года. Патриарший местоблюститель Сергей, митрополит Московский и Коломенский: "Пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви. В последние годы мы, жители России, утешали себя надеждой, что военный пожар, охвативший едва не весь мир, не коснётся нашей страны, но фашизм, признающий законом только голую силу и привыкший глумиться над высокими требованиями чести и морали, оказался и на этот раз верным себе. Фашиствующие разбойники напали на нашу родину. ... Нам, пастырям Церкви, в такое время, когда отечество призывает всех на подвиг, недостойно будет лишь молчаливо посматривать на то, что кругом делается, малодушного не ободрить, огорчённого не утешить, колеблющемуся не напомнить о долге и о воле Божией. ... Положим же души своя вместе с нашей паствой..."

Москва. 11 октября 1941 года. Патриарший местоблюститель Сергей, митрополит Московский и Коломенский: "...Во имя этой от Бога данной мне власти я, как архиерей, имеющий силу вязать и решать, призываю к покаянию всех, поколебавшихся из-за страха ли, или по другим причинам, а тех, кто покаяться не хочет, объявляю запрещёнными в священнослужении и предаю церковному суду для еще более строгого вразумления. Бог поруган да не будет. На тех же, кто, не щадя своей жизни, подвизается за защиту Святой Церкви и родины, и на всех, кто своими молитвами, сочувствием, трудами и жертвованиями содействует нашим доблестным защитникам, да пребудет благословение Господне, Того благодатию и человеколюбием всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь".

– У Елены Фёдоровны мне сделают медсправку, что Уля остро нуждается в домашнем уходе. Поедем к маме в Грязовец.

– Меня с "брони" не отпустят.

– Дима!

Дмитрий, сильно побелев, смотрел куда-то в небо, машинально прижимая к груди уже отбивающуюся, уже желающую спуститься на землю дочку.

– Вы езжайте. Я что-нибудь придумаю. Спрошу владыку, как он благословит.

– Из тюрьмы? Или в тюрьме?!

– Я спрошу. Он ответит.

* * *

– Лютиков. Прекратить демагогию.

– Я?.. Слушаюсь.

Лютый сопел довольным ёжиком: а попробуйте вступить в идеологический спор со своим командиром по нашу сторону фронта! Да ещё и перемудрить его. За одни мысли о таком сразу трое суток "губы". Кстати, во время войны с Германией надо отказаться от немецкоязычных терминов. Как будет по-русски "гауптвахта"? Военная тюрьма? Ну, тюрьма, пожалуй, крепко. Арестантская? Темница? Холодная? Кутузка? При чём тут Кутузов? Прекратить демагогию! Даже мысленную.

А всё началось с того, что Командир сам вышел на тему морали. Мол, товарищество есть основа морали в обществе. В идеальном обществе – армии невозможно даже мечтать о победе, если нет товарищества. Лютого, лежавшего рядом, словно за язык дёрнули: ну, да, это вторая из главных заповедей. Чего? Ну, сказано человеку: возлюби ближнего своего как самого себя. То ли Командир устал, то ли вздрогнул близко упавший Пичуга, но он возбудился не на шутку. Политзанятие провёл по полной. Всем пришлось терпеть, пока он выкипит.

Более всего Командир посчитал неуместным определение "возлюби". Его нельзя даже зафиксировать как факт, не то что измерить или взвесить. Описания же всегда разные.

Но ощущения ведь всем знакомые?

Да, но в общем, среднее общее никак не складываются. В единый опыт. Чувства вообще логике зачастую противостоят, они зависят слишком от многого случайного, их не сведёшь в некую единую форму. Поэтому взаимоотношение людей не должно только завязываться чувствами – возлюби сегодня, возненавидь завтра. Долгие, если не вечные, отношения возможно построить только на взаимопризнаваемой логике. Отношения – это договора, договора личностей между собой, между личностью и обществом, государством. Всё остальное излишество. Мораль – это свод неких неписанных законов, которые, любишь-не-любишь, а выполнять надо. Да кто спорит, что у людоедов Африки и английских военных моряков понятия о морали разные, сами морали разные. Но и у тех, и у иных "возлюби" вообще своё, личное. Несравнимое ни с кем. Даже с другими людоедами или моряками.

В любви тоже все клянутся. А клятва, то есть присяга, выше договора.

Лютиков, а это правда, что ты на фронте по ходатайству Калинина?

Правда. Писал к нему, просился на войну. На самую передовую.

И ты его любил? Или это он тебя любил?

Я по результатам его ответа полюбил.

Демагогия. Ты, Лютиков, ярчайший пример противостояния, противления личного общественному, природной вражды эгоизма и альтруизма. Знаю, помню твоё любимое противопоставление морали и совести.

Нет, морали и страха Божия. Совесть сама по себе, она и у кошек есть.

Повторю: мораль, как осмысленный результат множества общественных договоров, выше индивидуальной совести. В коммунистическом мировоззрении общество, народ во всём превышает личности, индивида. Ваш "страх божий" тоже общественный, только непросвещённый, и потому мы, коммунисты, перешагиваем через ваш первобытный ужас.

Перешагиваете куда? С какой в какую сторону? Ведь получается, вы сами это признаёте, что коммунизм – не новое мышление.

Объяснись.

С ваших слов получается, что коммунизм – возрождённое архаичное родоплеменное мышление. Да, личностное, общинное. Где профсоюзы и колхозы – всё те же племенные союзы. Вам так же личное мнение не существенно, важно только общее, как это было у первобытных. У питекантропов.

Да за такие разговоры – знаешь что!

Ваш главный аргумент.

– Лютиков. Прекратить демагогию.

– Слушаюсь. – Вот она, разведка! Попробуй кто только представить такой идеологический спор по ту сторону фронта.

24 апреля 1943 года. Суббота

От Советского ИНФОРМБЮРО:

В течение 24 апреля на фронтах существенных изменений не произошло.

На Кубани наши части вели артиллерийско-миномётную перестрелку и разведку противника. Немецко-фашистские войска после тяжёлых потерь, которые они понесли за последние дни, не предпринимали активных действий. Нашими лётчиками в воздушных боях и на аэродромах противника уничтожено 18 немецких самолётов.

Туман искажал и усиливал звуки. Показалось: от горок эхом чуть-чуть отражается канонада. Реально-то её слышно не далее пятнадцати километров. И то, если залп батареи крупного калибра. Но всё равно вдохновляло.

Зелёно-пятнистый, как жаба, бронетранспортёр "Sonderkraftfahrzeug" 251-й серии остановился метров за сто до поворота. Под прикрытием башенных пулемётов три сапёра педантично вынюхали-выщупали проезжую часть, а четверо автоматчиков усердно прочесали кюветы, осмотрели обочинные заросли.

"Alles ist sauber. Vorwärts!"

Можно возвращаться на заготовленные позиции.

По железной дороге с самого рассвета началось интенсивное движение. То туда, то сюда, надрывно дымя и пыхтя, паровозики тянули десятки платформ с зачехлённой техникой и контейнерами, тащили непосильно длинные составы цистерн. А вот по шоссе на десять-тридцать прошли в сторону Владимирской – Новороссийска три колонны по десять-пятнадцать грузовиков "Opel Lightning 6700" и облегчённых "Krupp L2H143" с пехотой да встречно прополз длинный румынский конный обоз с каким-то фуражом и тремя санитарными повозками с ранеными. Процокала пара патрулей эсэсовцев-кавалеристов в коротких чёрных бурках – казаки или горцы. Ну, и местные полиция прогнали с сотню гражданских на какую-то подёнщину.

Солнце набрало высоту, и прогретый ветерок принёс со стороны садов нежнейший запах цветения. Это... алыча? Она же вроде первая распускается. Нет, первые абрикосы? М-да, сибиряку только по плодам познать.

В десять-сорок две от Верхнебаканской послышался мягкий рокоток "R-12". Первый мотоцикл, приближаясь к повороту, сбавил скорость, водитель завертел головой, поджидая нагоняющего "опель-капитана". Длинный четырёхдверный седан, лаково-чёрный, с покрашенной никелировкой и зашоренными фарами, тоже нежно качнулся, прискрипнув тормозами, так что не готовый к остановке замыкающий мотоцикл оказался метрах в пяти от эскортируемого автомобиля.

Ну, всё как представлялось. Отставить, планировалось!

– Всем нам свобода и честь дорога... Красная армия... марш на врага! – Командир длинной очереди сбил водителя и, кажется, зацепил вывалившегося из люльки пулемётчика. – Ведь от тайги до британских морей...

Дьяк полностью разрядил рожок в радиатор и переднее правое колесо "опеля". Пока менял магазин, Командир, выскочив к дороге, прицельно коротко разнёс водительскую половину лобового стекла:

– Свору фашистов развеем, как дым... Сталин ведёт нас – и мы победим!

Когда мимо проезжал первый мотоцикл фельдшандармерии, грудь Пичуги опоясало судорогой: кожаные комбинезоны с блестящими на груди горжетами-полумесяцами, большие дорожные очки под рогатыми касками.... И пулемёт, направленный точно на него, на Клима! Дважды вдохнув-выдохнув, он открыл глаза: второй, уже "их" замыкающий мотоцикл притормозил точно там же, точно так же направив пулемёт на куст акации, под которым расположился Пичуга.

Пичуга не услышал выстрелов Командира, он просто прицелился и нажал на спусковую скобу. Получилось вовремя.

Пулемётчик судорожно привскочил, подёргался под пулевыми ударами. И завалился вперёд на задрывший ствол пулемёт. Всё! Он убил! Он, Клима Пичугин, точно убил второго фашиста! За сестру и себя! Всё!

Водитель, перекрытый камрадом, успел упасть, подкатиться под мотоцикл и открыл ответный огонь из автомата.

Лютый, экономя патроны, пытался достать его с разных точек самыми короткими очередями. Но "цепной пёс фюрера" огрызнулся дерзко, пару раз едва не зацепив пилотку.

Ну, наконец, Пичуга включился. Гравий под мотоциклом закипел, зацакал, взвыл рикошетами, и фашист стих.

Живчик, выпрыгнув из кювета, дважды выстрелил из ТТ в переднего пассажира через дверное окно. Через ещё осыпающееся стекло закинул в салон невзведённую гранату. Секунда, две, три... и он справа, а Копоть слева, рванули, распахнули задние дверки:

- Хёнде хох! Гиб ауф!

- Ком! Ком! Шнель! Шнель!

Два офицера, вытягиваемые за погоны, не только не сопротивлялись. Да они и сами бы вылезли, только ноги не очень слушались! Уже поставленные на дорогу, они продолжали заглядывать на торчащую из-под водительского кресла деревянную рукоять невзорвавшейся "М-24". Копоть хлестким ударом расстегнул кобуру, выдернул у высокого, рыхлого полковника-артиллериста тяжеленный тринадцатизарядный "браунинг". Немец, ещё недопереживший свою, преждевременную для пятидесяти двух лет, смерть, старательно поправлял фуражку:

– Ich stimme zu... Ich stimme absolut zu...

А вот когда Живчик потянулся к поясу "своего" обер-лейтенанта, тот вдруг заотступал, смешно сгибаясь и вертя задом как баба, не давая себя разоружить. Живчик поднял ТТ: "Хёнде хох, собака"! Но "собака" отпрыгнул за распахнутую назад дверку. Живчик слишком самоуверенно двинулся за ним. И они одновременно выстрелили с полушага, так что разлетелись-развалились в разные стороны. Фуражка, при попадании пули в лоб, взлетает до пяти метров – немец, закинувшись с выбитым глазом, ещё судорожно подёргал ногами. А вот Живчику досталось точно в центр грудины.

– Веди! – Копоть толкнул пленённого полковника на Дьяка. – Уводи! Уводи!

Обежав машину, склонился над Живчиком:

– Ну! Ну! Чего?!

Живчик открывал мгновенно заполняющийся кровью рот, но сказать не получалось.

– Ведь от тайги до британских морей... – Командир по пятки занырнул в салон, нашарил два портфеля. Крови-то сколько: рядом с шофёром закинула набок кудрявую голову женщина в гражданском. Молодая. Ярко накрашенная. – Красная армия всех сильнее... Уходим! Уходим!! Шигирёв? Лютиков! Пичугин!

Копоть, рванув ворот, достал пришитый к нижней рубашке Живчика гаман. Пощупал: кольца, тяжёлые монетки, три скрутки купюр. Живчик всё ещё пытался что-то выговорить.

– Шигирёв, документы у фрица!

– Момент, Командир!

Ножом подрезал убитому обер-лейтенанту накладные карманы: документы, портмоне. Какие-то фотографии. Сдёрнул "Железный крест". Засунул всё в подсумок, к вымазанному кровью гаману. Хекнув, вскинул, взвалил легкотелого Живчика на плечо.

– Уходим!!

Копоть нёс Живчика, Лютый тянул Пичугу, Командир толкал "языка". А Дьяк гнулся под передатчиком и аккумулятором. Разведчики почти добрались до леса, когда с дороги их достал пулёмёт.

С передового мотоцикла пулёмётчик работал профессионально: первая очередь под пятки, вторая над головами. Командир сбил пленного с ног: – "Дьяк, уползайте с ним!" Ого, первый раз Командир обозвал его Дьяком...

Как же не вовремя! Раздвинув фланги, постарались охватить пулёмётчика, прошить с разных точек. Нет, бесполезно, надо уходить. Бой без толку – только время терять.

Копоть положил Живчику ладони на грудь. Тот приоткрыл глаза.

– Говори, что хотел?

Нажимая всем весом, выдавил из залитых кровью лёгких последний воздух. Живчику хватило выпузырить:

– Я... ту бабу... Наталью... отпустил.

– В лес! Все в лес!

Перебежками, пригибаясь в полуприсяде под осыпающимися ветками и листьями, заглубились. Отдышались, огляделись.

– Где Гаркуша?

– Умер. Не донёс.

Пригибаясь, в полуприсяде, продвинулись с километр. Впереди вздувалась серьёзная гора.

– Благословский, сгодится? Антенна возьмёт?

– Очень даже.

На продуваемой вершине промеж кривых сосёнок "диполь" растянули в три минуты. Копоть и Лютый вернулись на прикрытие.

– Время двенадцать-ноль-ноль. Передавай: "Координаты: высота 4492***, широта 3798***...".

Немец, уже осознавший случившееся, обильно потел, высматривая – кто здесь кто, и как это должно отразиться на его положении. Пичуга вычитал его документы, документы обер-лейтенанта. Заглянул в портфель – ого, да там... всем на Героя Советского Союза! Система ПВО южного фланга "Голубой линии"!

– Кто он?

– Оберст – полковник Клаус Альберт Гейтц. Родился 29 марта 1891 года в Гамбурге. Участник Первой мировой. Лейтенант, Железный крест. Вернулся в армию в 1935-м. Воевал во Франции и Бельгии – майор, Железный крест первой степени, в Польше – оберст-лейтенант – подполковник, Рыцарский Железный крест. В России ранение летом сорок второго, лечение в Австрии и Крест за военные заслуги. Заместитель начальника штаба 73-й пехотной дивизии генерал-майора Йоханнеса Недвига! ПВО. Да и мёртвый обер-лейтенант Мартин Фазель – командир резервного 164-го тяжелого зенитного артиллерийского дивизиона. Это его зенитки наших над горой сбили.

– Всё, выходим на фронт. Передач больше не будет – батареи выкинуть. Пичугин, раздай боезапас, оставь только магазины. И две гранаты.

– Товарищ командир, я всё равно не смогу. Я один выйду. Постараюсь. И, если что, прикрою.

– Отставить. Лютиков, ведёшь его.

– Товарищ командир...

– Отставить. Шигирёв, впереди.

Пошли северным склоном по границе леса и альпийского луга. Пленный старался, спешил, по тычку в плечо припадая в укрытия. Его фуражку и погоны, как и аккумуляторы, закинули на южный

склон – хоть на немного сбить погоню. Пичуга, висая на плече Лютого, помогая себе палкой, прыгал, не скрывая слёз.

Копоть, двигавшийся метрах в пятидесяти, остановил группу, указал на открыто шедших в обход по гребню егерей. Растянувшись цепочкой, три десятка немецких горных стрелков шли споро, утяжелённые лишь четырьмя пулемётами. Пришлось спуститься ниже – здесь плотные заросли с густым колючим подлеском сразу замедлили ход.

Часам к двум они вышли на давно заброшенную дорогу, местами едва угадываемую под сплошными завалами гниющих ив и верб. Скорее всего, её прокладывали вдоль ручья, от которого, кроме изобилия мхов и лишайника, ничего не осталось. И всё же это была дорога. С перевала. А куда?..

Оставленный черкесами небольшой аул. Сложенные из плоских камней замшелые стены десятка домов, сараев, коровников, конюшен, сплошь затянутых девичьим виноградом и плющами. Ломя, расталкивая каменные кладки заборов, из былых садов расплзались готовые зацвести корявые ветви одичалых слив и яблонь. А вот алыча уже взорвалась, зафонтанила своей белой пеной, одеколонно сластя воздух то там, то здесь, гудела облачками оголодавших пчёл и шмелей, жуков и мух.

Судя по провалам крыш и отсутствию труб, по остаткам грубо выломанных рам, рушили всё умеренно. Лет десять-пятнадцать назад: кое-где невыбитые двери хоть и подгнили, но держались. Даже с остатками зелёной и белой краски. Они перебежками – от угла к углу – миновали улицу. Впереди подпруженный ручеёк играл тенями мелкой рыбёшки. И что?..

Справа на перевале – ждут немецкие егеря. Слева, как и сзади, наверняка лес в две-три цепи уже чешется румынскими горными стрелками. И жандармами. И местными полицейскими. С собаками.

А впереди вздуто лысели поросшие одинокими акациями и терновником широкие выпасы альпийских лугов. Там ко всем ещё и кавалеристы ээсовского "Горца" подключатся.

– Возвращаемся. Переходим на южную сторону.

Двинулись в том же порядке: впереди Копоть, за ним Командир и Дьяк вели языка, замыкали на трёх ногах и палке Лютый и Пичуга.

На выходе из аула снайпер пропустил Копотю. А Командир согнулся от удара в живот. Первая пуля из трофейной советской СВТ-40 прошла насквозь, чуть царапнув галифе пленного, и тот припал к забору, не дожидаясь команды.

Вторая застряла в рации, маячившей в прошлогодней крапиве. Дьяк скинул ляжку, освободился от теперь ненужного груза. От удара до долетевшего звука – секунда, бьёт метров за пятьсот-семьсот. Если рвануть с немцем разом, то можно успеть за угол забора. Кто отвлечёт?

Пичуга, перекатившись вправо через открытое пространство, залёг за кучу камней и дал две короткие очереди. Все кинулись влево. Снайпер опоздал – значит, один, без пары.

Пичуга молодец, менял позицию. Но громобойный ПППШ соберёт здесь всех преследующих за десять минут. Ползком пробрались к крайней, тоже каменной, изгороди скотного загона.

– Немцы! – Лютый аж захлопал ладошкой по камню: перед ними метрах в ста среди плотной листвы блеснула оптика. Егеря вернулись.

– Командир, ты ранен?

– В живот. Навылет.

– В дом давай.

Пичуга ещё стрелял. А ведь у него только три рожка?

Копоть метался по лабиринту межкомнатных перегородок. Есть! Есть! Яма. Под полом целая комната! Ну, небольшая. Невысокая.

– Фашист первым, пусть командира принимает. Дьяк, ты, чепушило мукосое, молись! Если с Командиром что, я тебя со дна нарою и кончу. Ты меня услышал: на ремки порежу! Так что молись, лошок, чтобы он выжил. Молись! Если что, фашиста мочи, а командира мне вымоли. – Копоть с Лютым набрасывали сверху камни и мусор, пока Пичуга стрелял. Уже одиночными.

Пленный, то ли икая, то ли всхлипывая, сам подставил сведённые за поясницей руки. Открыл рот для кляпа. Неловко присел рядом с лежащим Командиром, расставив ноги.

Сверху по ушам больно бахнула граната, струйки песка и пыли полились на них. Удушливо завоныло сгоревшим тротилом. Зато отвалилась глиняная замазка, и открылась узенькая трещинка в углу над фундаментом, в которую можно было видеть улицу.

Стрельба уплотнялась. Вот и немцы: егеря с колен били куда-то вправо. Шорох почти над головой – бросили в дом свою гранату. Дьяк успел зажать уши. Опять осыпи и вонь. Простреляли по рикошетиющим стенам. Перебежали позицию Пичуги.

Дьяк прижимал пистолет к виску немца. Если что – ударит за ухо, как тогда Копоть Живчика. Чтоб не запел. Если что...

Стрельба сузилась и пошла взахлёб: на кашель маузеровских "98k" и трескотню МР-40, ответно зло барабанили ПППШ. Потом взрывы гранат – три, четыре, пять. И тишина. Полная тишина.

– Gibtesandere?

– Nein. Sauber.

Минут через десять на улице послышались шаги.

– Gab es mehr? Wo sind die anderen?

– Wir sind im Wald geblieben.

– Daskannnichtsein.– Два офицера встали прямо под выстрел. Молодые, спортивного вида. Да, горные егеря. К ним подтащили подвязанного проволочной петлёй за ногу Пичугу. Сбросили рядом простреленную снайпером рацию и три вещмешка. Советские автоматы за плечами победителей.

– WosindnochdieermordetenRussen?

– Wirmüssensuchen!

Дьяк прыжком свалил поднявшегося на колени пленного, скользет, неточно ударил его рукояткой ТТ. Полковник мыча извивался, освобождая кисти. Но после второго и третьего удара обмяк, завалился набок.

– Вниз лицом... Чтоб не задохнулся. – Командир, удерживая стон, пытался расстегнуть кобуру.

Дьяк, убедившись, что полковник не стянул узлы, припал к щели.

Солдаты прикладами и пинками подогнали совершенно залитых кровью, словно их из ведра оплескали, слепых и глухих от контузий Лютого и Копотя. Сбили на колени перед офицерами.

– Saboteure? Русские, вы есть диверсанты? Wo ist dein jüdischer Kommissar? Где твой жидкомиссар?

Копоть, страшно хрипя, медленно поднял то, что раньше было лицом. Он был по пояс голым – белое, в контраст с загорелыми шеей и кистями, мускулисто-сухое тело сплошь покрывали татуировки. Немцы, комментируя, тыкали пальцами в восьмиконечные звёзды под ключицами, в розу на фоне решётки, в трёхкупольный храм рядом с чёртом. Особый ажиотаж вызывал набитый на сердце Сталин напротив оскаленного медведя.

– Wie er seinen Stalin liebt. Aber, warum die Kirche und die Hölle?

Копоть, кажется, начал приходить в себя. Он по-своему, всем телом стал оборачиваться на голоса. Дьяк видел, как он, скручиваясь, подбирал ноги.

– EinwiderlichesTier. SlawischeSchweine.

У авторитетного вора, тем более, коронованного, за голенищем обязано быть "перо": дико заревев, ничего не видящий Копоть с присяда прыгнул в сторону говорящего, пытаясь достать его левой, не перебитой рукой. Офицер отскочил, но бедро было распорото. Копоть ревел, рычал, мотался и ревел, даже лёжа на спине, судорожно махал узкой "щучкой", а в него стреляли и стреляли.

Рядом свалили и стали бить прикладами Лютого.

Дьяк осторожно склонился над Командиром.

– Крови вроде немного.

– Внутри... вся.

– Дайте, перевяжу. Бинты где?

Осторожно просовывая руку под поясицу поскуливающего, кусающего губы Командира, как смог, примотал к спине и животу пропитанные йодом тряпки.

– Попить...

– Нельзя вам, наверное.

– Хоть смочить. Всё равно теперь.

Полковник, незаметно вернувшийся из беспамьятства, плакал, черня слезами пыль на лице и полу. Где-то хлопнули ещё две гранаты. Контрольные выстрелы.

И тишина.

Через час Командир тихо позвал:

– Благословский... Дмитрий!

– Да, я здесь.

– Выбирайтесь. Веди его... на юго-запад. Там уже слышно. Доведи.

– Я сейчас, сейчас, – Дьяк заметался по подвальному, толкая руками, а кое-где и плечами грубо тёсанные доски пола. Удерживающее их поперечное бревно, сучковатый бук или дуб, было расслаблено взрывами гранат, вращалось. Получилось вытащить с одной стороны из каменной кладки. Оно рухнуло, увлекая за собой несколько половых плах. Едкая известковая пыль, осыпь крупных и мелких камней. Но, главное, – это последовавшая за этим тишина.

Опасливо оглядываясь на жалко поглядывающего из неловкого положения на животе, покрытого белёсой пылью немца, Дьяк высунул голову. В провал очень даже можно было выбраться. Он ещё раз приспустился, погрозил пленному пистолетом, тот понимающе моргнул, выдавив последние капли.

В округе, кроме пения птиц и неспешного шороха листьев, полный покой.

В проходе меж заборов никого. За тремя своротами справа и тремя углами слева – никого. Дьяк постарался, как мог, бесшумно взобраться на стену дома – в ауле никого.

Поправил стянутую проволочной петлёй ногу Пичуги. Сложил стынущие, непослушно тяжёлые руки на грудь. Прощай, Клим Пичугин. Прости, брат.

Копоть лежал в подгустевшей чёрной луже, широко разбросав руки и ноги. Многократно простреленное тело, раздробленный пулями череп. Прощай, Шигирёв Прохор Никитович. Прости, брат Прохор. Прости.

Лютого за предплечья скобами прибили к амбарным дверям. Свесив голову, он, неловко закосившись, словно всматривался в почти касаемую коленями землю.

– Господи. Господи. Яко же солнечный круг, луна, Спасе, сокрывает, и Тебе ныне гроб скры, скончавшагося смертию плотски. Путь заповедей Твоих текох, егда разширил еси сердце мое.

Ничем не удавалось выбить, выломать скобы. Каждая попытка рвала истекающую сукровицею плоть.

– Живот смерти вкусивый Христос, от смерти смертныя свободи... Законоположи мне, Господи, путь оправданий Твоих и взыщу и выну... Вразуми мя, и испытаю закон Твой, и сохранию... Брат Антиох, брат мой Антиох...

Зенитное маленькое солнышко кололо глаза, солёными искрами вытекало из сощуренных век, и угольными полосками по пыльно-серому лицу, по пыльно-серой щетине сползало на подбородок.

– Брат мой Антиох. Прости.

– Командир, это я.

Дьяк вкрутился в провал, пригнулся, слепо вглядываясь. Немец уже сидел, как изначально, около Командира. Вся разница в картине – вынутый из кобуры ТТ.

– Никого нет. Ушли.

– И вы уходите. Приказываю: доставить языка.

– А?..

– Приказываю: доставить... Дима... надо.

Дьяк встал на колени.

– Введи мне пистолет... Сил нет. И гранату. Под меня. Вынь чеку.

Дьяк дёрнул затвор, щёлкнул отведённым курком. Вложил в ледяную ладонь, чуть пригнул пальцы. С гранатой замешкался. А если потеряет сознание?! Отогнул усики, выдернул. Осторожно подложил под плечо.

– Всё, Командир.

– Спасибо, Дима... В пулемётчика... не стрелял?.. Вера не позволила?

– Думал, он убит. Не шевелился.

– Мы ... могли уйти. Как дальш ... жить будешь?..

Дьяк поцеловал его в лоб.

– Не знаю. Ничего... теперь... не знаю.

С южного склона ясно слышалась канонада – сплошной слитный рокот с юго-востока. Дьяк огляделся. Впереди, до близкого, приподнятого следующей грядой горизонта расстился непроглядно зелёный лес, мелко-курчавой мерлушкой покрывал спускающиеся отроги, почти нарезанные балками через триста метров. Спуститься. Подняться. Ещё спуститься – там линия фронта.

Перевязал немцу руки спереди, чтоб тот мог быстрее идти. Закрепил, как смог, у него на спине вещмешок с портфелями, полевой сумкой Командира. От смотанных брезентовым ремнём запястий протянул конец к своему поясу. Четыре, пять шагов, хватит. Поправил автомат, гранаты за ремнём:

– За мной! Фольге зи мир.

– Jawoll, – Полковник кивнул. Потом сообразил. – Ja, ja, natürlich!

Спустились в балку, после солнцепёка здесь дышалось легче, хотя влажность повысилась. Пришлось буквально протискиваться меж ивняка. Немец шёл с пониманием, вовремя притормаживал, вовремя прибавлял, так, что "вожжа" и не натягивалась, и не провисала до земли. Через час сделали первый привал. Первый раз залегли неудачно – рядом оказался огромный муравейник. Рыжие активисты, заползшие в сапоги и под комбинезон, выбирались ещё долго. Полковник, брезгливо дёргаясь, сбрасывал, сдувал с себя мечущихся насекомых. И, как бы сам себе, чуть слышно бурчал:

– Verdammter Krieg... Warum endete sie nicht vor einem Jahr?..

Дьяк не реагировал.

– Alles ist es nicht... Alles ist falsch...

Дьяк молчал.

– Weltweiter Wahnsinn. Alles ist falsch...

– Заткнись, гад! – Нет, не от тычка дулом пистолета в губы полковник откинулся, упал на спину. Немец увидел выжженные полуденным солнцем глаза Дьяка, вытекшие угольными полосками к подбородку, они теперь стали такими же, как у Копоти. Немец тихо завсхлипывал:

– Ichbinstill... Ichschweige. Nichtnotwendig.

– Ауфштейн. Фольге мир. И молчи, тварь.

Слава Богу, долина оказалась без реки. Так, отдельные лужи, связанные прерывающимся, теребящимся в камнях мелким ручейком. Сюда, вниз, канонада не доносилась. В три перебежки преодолели пойму. Начали подъём. Немец молча пыхтел, потел и всё равно тормозил. Дьяку пришлось смириться – тому, действительно, не очень ловко подниматься без помощи рук.

Так что до следующего гребня, с тремя привалами, добрались только часа через три. Золоторозовые лучи закронового солнца остро простреливали сквозь сплошное затенение листьев, неожиданно высвечивая-зажигая яркие пятна в темноте мхов и жидких лесных трав.

На последнем привале немец, напившись, как бы случайно уронил флягу. А, может, и вправду выскользнула из онемевших пальцев. Осталось по два глотка.

Неожиданно лес обрезался. Впереди широко распахнулись холмистые альпийские луга, рябофиолетовые от ирисов и сон-травы, с голубыми пятнами горечавки и розовыми розбрызгами примул. Но глаза Дьяка теперь почти не воспринимали цветности, мутная подкраска чёрно-белого мира не отвлекала от главного – детали, детали, самые мелкие детали, однако способные помешать, несущие угрозу выполнения приказа доставить "языка". В километре слева и выше жиденькая яворовая рошица маскировала от авиации батарею немецких тяжёлых полевых орудий. Судя по стволам, типа "sK 18". Такие достают на восемнадцать кмэ. Значит, до фронта не более десяти.

Самым краешком бокового зрения Дьяк отследил реакцию немца. Тот было воспрянул, но тут же испуганно ссутулился, подслеповато высматривая что-то под ногами. Правильное решение.

Длинными перебежками широко обогнули окопы и колючку с минными полями, прикрывающие батарею, и увидели реденькую цепочку дворов растянувшуюся вдоль активно пылящего шоссе. Гайдук? Да, густовато здесь народ живёт. Климат очень благоприятный, и море близко. Пришлось вновь подняться выше, пойти по краю леса. Склоны становились всё круче, местами даже приходилось двигаться приставными шагами. Там, где должен был быть Новороссийск, небо мутно пестрело светлыми и тёмными дымами. Канонада близилась, становилась всё разнообразнее. Из ровного залпового гула выделялись отдельные взрывы тяжёлых зарядов. Через час можно было выловить вой реактивных миномётов.

Два раза пролетали тяжело загруженные "юнкерсы" под прикрытием едва различимых в высоте "мессершмиттов". Но, видимо, бомбили что-то глубоко в нашем тылу, фронтную артиллерийскую равномерность не нарушили.

Пить хотелось страшно. Час назад Дьяк поделился остатками, стряхнул последние капельки из опустошённой фляжки себе на темечко. Рыхлый полковник молчал, но пыхтел, кряхтел и изо всех сил показывал, как ему трудно со связанными руками. Ну, будь Дьяк не один, можно было бы развязать. Не один...

Огляделся в бинокль: где, когда кончился Гайдук и началась Кирилловка? Ожесточённость артиллерийской дуэли спадала. Конец рабочего дня? Здесь же не хуже Сталинграда – город с прошлого лета ни дня не слушал тишины. Вон, даже битая техника осталась, за восемь месяцев не вывезена. Несколько десятков покалеченных советских и фашистских танков и самоходок стащены в группы, но так и не отправлены в переработку, тут же остовы сгоревших тягачей и автомобилей, искорёженные орудийные лафеты... даже три самолёта без крыльев... Прерывисто длинные пустые траншеи. Русские и немецкие. И всюду оспины оглаженных дождями и снегом воронок. Больших и малых. Да, дорого наши отдавали здесь каждую линию обороны.

Повсюду от неуспокоенной земли, особенно из траншей, трупный дух.

Заспинное солнце скатилось к фиолетовому обрезу горы, толкая вперёд длинные тени. Ветерок помчался вдогонку солнцу, освежающе ровно глядя лицо, грудь.

Некурящий улавливает запах раскуренного табака метров за пятьдесят-семьдесят.

– Hei, nu ezita!

– Stai, vreau să mă gândesc.

– Cât timp să aştepti?

На полянке, сидя кружком, четверо румын играли в карты.

– Ai uitat care sunt atuurile?

Карабины в траве, бутылка по кругу. Крепко уже поддавшие, горные стрелки, сдвинув на затылки свои огромные береты и крепко прижав розданные карты к груди, столкнулись лбами над россыпью битых и прикупа.

– Haide!

– Arunc-o!

– Şi tu ești un prost!

Дьяк посмотрел на полковника, тот понимающе кивнул. Пригнувшись, они взяли вправо и оказались в открытом поле. С другой стороны, эти самовольщики знали, где их никто не будет искать. Никто не должен искать. Но и далеко от расположения части они не могли уйти.

Перебежками на полусогнутых, а где и ползком, преодолели с километр. Ну, вот и занятый румынами хуторок, в котором пока не хватились своих *tovarășilor*. Стреноженные лошади вольно паслись, фыркающая и трясущая гривами. Из труб трёх хат валил дым только что разом растопленных печей. Нескольким солдатам развешивали выстиранное бельё на натянутых меж пирамидальными тополями стропах. Ещё двое, без поясов, без сапог, снимали колесо с телеги. Тыловой быт, готовятся к ночному отдыху. А где постовые? Ага, один, второй, там – третий. Всего стрелков тут никак не меньше полусотни. И не все они во дворах и хатах.

Придётся подождать, пока стемнеет. Впереди зубилась краями огромная, в семь-восемь метров диаметром, воронка от двухсотпятидесятикилограммового авиафугаса. Доползли, сползли. На дне по центру влажная, дурно пахнущая жижа, из которой торчал обод от автомобильного колеса. Но для того, чтобы прилечь, сухости было достаточно. А вонь сейчас – не главное.

Задвинув автомат за спину, демонстративно расстегнул кобуру. Глядя в глаза, освободил пленному руки. Подождал, пока тот разомнёт и разотрёт красно нарубцованные запястья, жестом велел повернуться. Полковник молитвенно сложил ладони: не надо кляп! Показал на горло, похрипел, потом ткнул пальцем в сердце:

– Ich bitte Sie sehr. Es ist schwer zu atmen, ich habe ein krankes Herz.

Дьяк несогласно покрутил головой – надо. До ночи надо:

– Берюхиге дихь! Вир мюссен эйншафен.

Связал руки за спиной. Вставил кляп. Дождался, пока немец сел, закрепил конец ремня на колёсном ободе. И выполз. Сняв пилотку, осторожно огляделся.

Канонада за холмами возобновилась, хотя не с прежней яростью. Ветер доносил отдельные артиллерийские и миномётные залпы. Оставалось-то никак не более пяти километров. За час можно пройти. Вдруг Дьяк понял, что теряет сознание. Всё вокруг поплыло, теряя резкость, прошиваясь косыми длинными искрами, поплыло справа налево, и разрастающийся гул в ушах множественным эхом сердечного пульса слился в невоспринимаемо знакомый, повторяющийся и повторяющийся аккорд. Обезвоживание? В последнем волевом порыве Дьяк грудью перевалился через край воронки... и сдался звуку.

* * *

– Катенька, пойдите, помогите чай приготовить, – архиепископ Варлаам подождал, пока Екатерина, всем видом демонстрируя несогласие, выйдет из горницы. – Ну, что Дмитрий, тяжело? Сильное противление?

– Сильное.

Худошавый, с седой окладистой бородой, с удивительно ясными голубыми глазами острого чертами лица, владыка сидел в деревянном резном кресле царственно, как на службе. Совершенно неподвижно, только кипарисовые чётки ползли, мелко подрагивая.

– Кто как любовь проявляет. Кто какую любовь. Вот в Кате явно материнское к тебе сквозит. Защитить тебя пытается, спаси её Христос.

Дмитрий вздохнул.

Ну, правда, это её постоянное желание если не защитить, то упредить едва лишь возможную опасность порой провоцировало протест. Пусть подростковый. Но... если учесть, что Дмитрий в своё время уже прошёл через такое опекуновство, и отец невольно научил его и терпению в скрытничестве, и упорству в противлении. И что – вот, опять?

Да, если неправилен вывод из встреченной ситуации, она повторяется. Как в дурном сне. С другими действующими лицами, в других декорациях, но пьеса разыгрывается та же. Ещё и ещё, пока не вразумишься. Вот, в данном случае, сам подумай: что заставляет любящих тебя навязывать своё заступничество? Твой открытый фанатизм. Неумение и нежелание взвешивать цель и жертву, нужную для достижения этой цели. Конечно, есть такая цель, цена которой неизмерима. Ибо она требует не просто великую жертву, даже не гекатомбу, а всего человека. Самого человека. Это обожение. Соединение Бога и человека. Остальное знает цену земную. Но ещё вопрос: цена цели и путь к цели, как они взаимосвязаны? Что дороже – короткий, прямой или обходной, многолетний? И расчёты не в рублях или мерах пшеницы, а кровью, жизнью, даже душой – жизнью вечной. И не только своей жизнью и кровью, но и ближних, родных.

Вот я уже в двадцать один стал монахом, мне как бы теперь всё проще: нет заложников моим желаниям, мыслям. Сам за своё отвечаю. Только вот, а как же священство? Тем паче – епископство? Ведь теперь моё слово судьбы меняет. Священство страшного стоит, страшного. "Еже аще свяжеша на земли, будет связано на Небесах, и еже аще разрешиши на земли, будет разрешено на Небесах". Власть-то какая, ответственность порой выше царской. Она в уплату потребует не только твоё, но и от ближних, от родных.

Христос – новый Адам, Церковь – новая Ева. Как Христос с Церковью, так Царь с народом венчается. Так же и священник с приходом. Понятно, попадая всегда в ревности. У нас, монахов, даже

шутка есть, что семейный поп всё одно что двоежёнец. Но эта ревность высокая, это царицынская ревность. Её нести – тоже жертва, нам и не понять никогда, какая она.

Поэтому ты Катю не вини, особенно за страх. Она умная, значит, за всех боится, не только за себя, но и за тебя, за твоих будущих детей. За будущих прихожан, коих тебе Господь вверит. Ты-то за них боишься? Уже, только восхотев сана, за них боишься?

Конечно, "страх несть в любви, но совершенная любви вон изгоняет страх". Вообще, если бы не любовь, откуда цели? Высокие, выше нашего роста. Их бы не было. Мы бы хрюкали, каркали. Соглашались бы со всем.

А ещё нам сказано: "кто сохранит любовь, тот и спасётся". Главное наше испытание, испытание нашего скорбного времени – сохранение любви. Всё сейчас против того, всё так безнадежно. Последний раз спроси себя: по силам тебе? Твоим близким? Помолись, спроси Бога. Не проси, а спроси. Сколько ныне вокруг с себя сан снимают. Сбрасывают, не выносят скорбей. Не спросившие – даст ли Он сил всё сие претерпеть...

– Я же не хочу – я знаю, чувствую, с детства чувствую необходимость своего служения у престола. Не хотением хочу! Просто по-другому мне нельзя.

– Помоги, Господи.

Домик на Транспортной улице, где владыка квартировал и совершал службы, находился под круглосуточным наблюдением. Поэтому и шторы никогда не раздвигались, и лампы зажигались по самой необходимости. Красный огонёк лампадки перед золотом окладов – постоянный здесь полумрак сиренево густел, с ним густела и затянувшаяся тишина. Только с кухни доносились хозяйский шёпот, шипение самовара, позвякивание расставляемых на подносе блюдец-чашечек, розеток с вареньем.

– Вы повенчались? По её свободной воле?

– Она говорит: из тюрьмы ждать не будет.

– Значит, не надо тебе в тюрьму.

Из следственного изолятора Дмитрию передали скрученный в спичку клочок калки с мельчайшими, более нацарапанными, чем написанными карандашом буквами: "Благословляю на фронт. Объяви что в сане, не сможешь убивать. Возьмут связистом". И на словах: "Прошу молитв, брат ваш и соучастник в скорби и в царстве, и в терпении".

26 августа 1941 года архиепископ Варлаам (Виктор Степанович Ряшенцев) был приговорён к расстрелу, но постановлением Президиума Верховного Совета СССР от 25 ноября того же года расстрел заменён на десять лет исправительно-трудовых лагерей. Скончался от сердечной недостаточности двадцатого февраля сорок второго в тюрьме № 1 Вологды.

* * *

– Oh, mein Gott!! Das ist ein Albtraum! Das ist Horror...

Полковник сумел выплюнуть кляп. И попытался вытянуть из жидкой грязи обод колеса, к которому был привязан. Однако вместе с поднятым мятым диском на поверхность явился почерневший труп, восемь месяцев назад вцепившийся в стальную прессовку.

– Oh, mein Gott...

Дьяк, ещё дослушивая так и не узнанный, затухающий аккорд, быстро сполз в воронку. Немец приник к нему:

– Das ist Horror...

– А зачем потащил? Бежать хотел? – Резкость постепенно возвращалась, с ней возвращалась и скорость мышления. – Ду вольтест вглауфен?

– Ich bin schuld. Ich weiß nicht, wie das passiert ist passierte.

– Не знаешь, как произошло? Бежать ты хотел. Лауфен.

Ещё час, и румыны начнут укладываться. Как же хочется пить.

Полковник сидел, поджав колени к опущенным плечам, и что-то сам себе шептал. Дьяк не стал затыкать ему рот – фашист явно достиг точки катарсиса. Пусть проведёт переоценку ценностей.

Ветер опять нагнал облака. Серые, низкие, они залепили малиновую закатную щель, подгоняя подползающую темноту. Однако, если восток согласно зачернился, то запад встречно снизу подсвечивался пожарами, нервно бликуя зарницами разрывов. Вот и дождь – Дьяк и полковник закинули головы, открыли рты. Первые капли осторожно ощупывали быстро остывающую землю. Но, скоро смедея, вторые, третьи, четвёртые уже сильно заударяли по всему, что не могло укрыться. Теперь можно и выдвигаться: дождь, туман и метель – друзья разведчика. Сколько себя не вздёргивай, через полчаса равномерного шороха внимание у дозорного падает гарантированно.

Подобравшаяся к воронке редкая травка тряслась, сгибалась и ложилась, но склоны пока впитывали, пока не склизались. Что ж, пора. Господи, благослови! Дьяк пальцем поманил полковника,

пальцем приказал повернуться. Опять затянул руки в "капитанскую" петлю перед его животом, перекрутил концы меж кистями. Нет, кляпа не будет, но будет пуля в лоб. Или в затылок.

"Царю Небесный, Утешителю, Душе истины, Иже везде сый и вся исполняяй, Сокровище благих и жизни Подателю, прииди и вселися в ны, и очисти ны от всякия скверны, и спаси, Блаже, души наша". Крестное знаменье на немца впечатления не произвело. Стоп. Это что, он и за фашиста помолится? Ну что за мысли!

Большой дугой обошли хуторок – румыны стреляные поди – мин вокруг себя понавтыкали. Впереди справа едва различимо замаячили пригороды – руины хат в зажимах покалеченных пулями и осколками, порубленных и пожжённых, и всё же смутно белеющих цветением садов. Взяли левее.

Тяжёлые миномёты – до передовой километр. Окружённые колючкой ямы с зачехлёнными семидесятипятимиллиметровыми орудиями под маскировочной сеткой, недалеко блиндажи, с переживающей дождь обслугой. Часовой в плаще с огромным капюшоном. На противоположном склоне холма – прикопанные, тоже замаскированные, противотанковые пушки. Тоже за мотками колючки.

Немец во всём копировал поведение Дьяка. Бежал, приседал, залегал, если требовалось, полз. Батареи дальнобойных орудий и гаубиц сменились батареями полевыми и миномётными. Все доминантные возвышенности венчались ДОТами, перекрывающими друг друга секторами обстрелов.

Всё, передовая. Впереди из темноты слева в темноту справа протянулась вторая или третья оборонная линия. Полноростовые, в бревёнчатой опалубке, зигзагообразные траншеи с нишами хранения боезапаса, с окопами-отводами в укреплённые блиндажи, с окопами-выводами к ДЗОТам и пулемётным точкам. За бруствером где-то заливались дождём "фландрские заборы" из колючки и минные поля.

В траншее от поворота до поворота пусто. Постовые, как пить дать, сидят где-то под навесами. Дьяк, прихватив левой рукой за воротник, подышал в лицо полковнику, пока тот не поднял глаза.

– Всё ясно? Аллес кляр?

– Ja. Ich werde es nicht mehr tun.

Поверим. Полковник первым перевесил ноги вдоль брёвнышек стенки, неловко спрыгнул в лужу. Рядом присел Дьяк, медленно, поворачиваясь всем телом, огляделся. И тут же толкнул пленного дальше, не вставая с приседа, подставил плечо: пошёл! пошёл! шнель! Вскрабкался, упал рядом. Опять не вертя шеей, вместе с плечами оглянулся, и ящеркой метнулся за бруствер: пошёл! пошёл! шнель!

А вот теперь и начинались проблемы.

– Аллес нах мир. Миненфельд.

– Ja! Ja!

"Господи, помози ми. Господи, защити мя. Господи, научи мя творити волю Твою". Шомполом под углом протыкая землю перед собой, Дьяк полз медленно-медленно, и полковник дышал ему в подошвы. Через час завиднелась следующая траншея. Здесь, сразу после линии обороны, мин не должно быть. Будем надеяться, что их и нет. Просто прогребая ладонями прямо перед собой, дополз до края второй траншеи. Там кто-то разговаривал.

Дьяк мгновенно откатился и вдавил кончик ножа под челюсть полковника. Они лежали почти обнявшись, дыша в лицо друг другу, глаза в глаза. Ещё утром свежесбривший и пахнущий дорогим парфюмом, хорошо позавтракавший, уважающий себя и уважаемый сослуживцами ветеран, кавалер трёх крестов, заместитель начальника штаба дивизии – сейчас грязный, в разорванном кителе, перенёсший за этот проклятый день три истерики и дважды обмочившийся, с почерневшими от перетяжки кистями и разорванными губами, щурился, боясь отвести взгляд от волчьих глаз тощего, как негр закопчённого, заросшего недельной щетиной, явно сумасшедшего русского солдата. Von einem verrückten russischen Soldaten.

Голоса стали удаляться.

– Ich werde schweigen, – едва слышным шёпотом. В ответ так же тихо:

– Хорошо. Гут.

Дьяк ещё раз осмотрел пленного. Со связанными руками, конечно, не наползаешься. Но куда фиксировать? Лучше бы за шею, но... слишком жёстко. За пояс или за руку? Или всё же за шею? Ладно, пусть за пояс. С его животом – под грудь.

Опять сползли в залитую дождём траншею. Дьяк присел, подставляя спину и плечо. Но полковник не сумел удержаться, соскользнул, плашмя шлёпнулся в грязь, сдержанно застонав. Секунда... две... три... пять... Дождь подустал, мелкими редкими каплями слабо булькал в лужицах, громче стекал со стенок. Вроде обошлось. Со второго раза выбрались, сползли за бруствер. Теперь оставалась настоящая передовая.

Подрезанная колючая проволока глухо звякнула наполовину залитыми дождевой водой консервными банками. Секунда, две... Опять обошлось. Шомпол легко входил в размокшую землю, изредка цапал, царапал о камешки или осколки.

Одинокие пулемётные очереди. Одинокие, от дождя в паровых пузырях, осветительные ракеты. От холода тряслись руки, тряслась челюсть. А как немец? Полз бочком, как мормыш.

Слева командный пункт. Батальонный? Ротный? Четыре крытых брёвнами в три слоя блиндажа: командирский, коммутатор со связистами, медпункт, самый большой – для взвода резерва. В окопчике сообщения с траншеей линии обороны притаился наблюдатель, от коего нужно держаться по-дальше.

Кончик шомпола уже неожиданно упёрся. Неожиданно или наконец? В лицо словно кипятка плеснули: всего пара занятий, да и то в основном на пальцах. Обычно в таких случаях впереди полз Кырдык. На худой конец, Ярёма. Дьяк осторожно поскрёб пальцами, нащупал деревянный короб. Противопехотная. Главное, не тянутся проволоочки в стороны. Протыкивая дорожку правее, Дьяк указал точку полковнику: "Минен" – "Ja, ja. Danke".

Дождь окончательно прекратился. Зато вернулся пронизывающий ветерок – наверное, с невидимого моря. Они поползли вдоль передовой траншеи, вслушиваясь, вглядываясь в её жизнь. Похоже, что все спят по блиндажам. Одинокие пулемётные очереди. Одинокие осветительные ракеты. И отупевшие от ночного дождя и ветра дозорные. Хотя в траншее-то, поди, не задувает.

Попробовать перебраться здесь? От угла до угла – метров тридцать. Есть кто-то? Грозно оглянувшись на мелко кивающего полковника, Дьяк подполз и заглянул в почти полную темноту. Грязевые протоки на стенках меж осклизлых бревёшек, чуть подрагивающие от дальних разрывов лужи на дне. Слева – ничего обычного. Справа опалубку обвалило взрывом, но разрушение подремонтировано новыми светлыми досками. Прямо напротив – окопчик, выводящий к пулемётной точке. Откуда будет легче вылезти на нейтральную полосу.

Часовой, обесформенный плащом-накидкой, неспешно прочавкал по жидкой глине. Скоро, наверное, смена караулов. Это хорошо, это нам объясняли. Как же всё замечательно прописано в учебнике: "при обратном переходе через линию фронта из тыла врага в расположение частей нашей армии не забудьте о тщательной разведке. Изучите хорошо маршрут и участок перехода. Дайте знать частям нашей армии о предстоящем переходе". "Знать" дадут фашисты, когда начнут стрелять в задницу. А про "изучение маршрута" – ну, они ни разу не возвращались тем же путём. Это для ротных или полковых. А глубокий поиск вряд ли даже предполагает возвращение на прежний участок фронта. Хотя, наверное, в штабе рисуют какие-то стрелочки на карте.

– Форвертс! Давай, давай!

Полковник и Дьяк сползли в траншею одновременно. Вперёд! Vorwärts! В окопчик-вывод к пулемётному гнезду.

Осталось всего-то каких-то метров двести. Линия колючки, минное поле немецкое, минное поле русское. Русская колючка. И ружейный, пулемётный и миномётный огонь с обеих сторон. Ну, ещё попытки захвата разведгруппами.

"Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояние твое; победы православным христианом на сопротивных даруя, и Твое сохраняя Крестом Твоим жительство".

Немец тоскливо смотрел, как Дьяк выставлял гранату, протягивал, прятал в грязь проволочку. В нише для боезапаса в ящике под брезентом плотно серели пачки с патронами. Сюда вторую "эргэш-ку".

Замотанный в накидку часовой возвратился, так же медленно переставляя ноги. Даже почудилось, что тормозит около "их" отнорка. Нет, только показалось. Всё. Можно выдвигаться.

Только сил нет... Пустота, ознобная невесомость неслушающегося тела, полного нервного разорения... Немошь, которую нельзя показать, нельзя дать почувствовать, даже заподозрить. Пленный ведётся не верёвкой, страхом.

– Форвертс! Вперёд! Вперёд.

После изобретателя Гильотена на втором месте по проклятиям, конечно, изобретатель Бруно. Нужно найти разрыв в бесконечной злой пружине из колючей проволоки, причём споро, пока не приползли сапёры его заделывать. Есть такое! Найдено. Дальше опять вспаханная разноразмерными минными и снарядными воронками земля косо протыкивалась шомполом. Каждую минуту ракета. Вражеская или советская. Изредка длинные очереди для острастки противника. В спину или навстречу.

Краткий передых в яме из-под авиабомбы. Ветер усиливался. Пленный как-то подозрительно успокоился. Перестал искать жалости. И вдруг Дьяк поймал себя на том, что всё знакомо поплыло: теряя резкость, поплыло справа налево, и в ушах сердечный пульс слился в некогда знакомый, всё вторяющийся аккорд. А вот этого нельзя! Господи, помоги! Нельзя же!!

И тут у немцев грохнула граната. За ней вторая. И началась беспорядочная стрельба. В небо почти разом ввинтился с десятков свистящих ракет, раскачивая землю безжалостно яркими белым, голубоватым и желтоватым светами. В этом покачивании зашевелились несколько десятков трупов, задёргались два давно выгоревших танка – советский Т-34 с оторванной взрывом боезапаса башней, и

завалившийся набок немецкий "Pz.Kpfw". Посвисты, чоканья и взвизгивания рикошетов заполнили чуть загустевший испарениями воздух.

Минут пять пришлось вжиматься, вдавливаясь в ледяную грязь, потом они короткими рывками поползли к ближнему "Pz.Kpfw". Но не успели.

К винтовочной и пулемётной перестрелке присоединились миномёты. Поле было пристрелянным – от русских позиций волна взрывов двинулась навстречу. Опять отлёживались в воронке. К трупному запаху добавилась свежая кислятина тротила. Дьяк не сразу понял, отчего левое бедро никак не подтягивается. Потом стало щипать, но что там – грязь или кровь? – в темноте не поймёшь, всё липкое. Кое-как, практически за счёт одних рук, выгреб из ямы. Полковник выбираться отказался. Что-то шептал, и вжимался в жирную глину, а потом начал торопливо обмазывать себя грязью:

– Tod... Tod... wir werden sterben...

– Ты, вперёд! Успеешь сдохнуть. Вперёд! Форвертс! Форвертс!

Спустившись назад, Дьяк орал немцу в ухо, тыкал стволом в рёбра, но тот отмахивался и сипел:

– Tod... wir werden sterben...

– Найн! Нет смерти. Нет смерти! Врётся, нет её!

– Tod... Tod... Tod...

– Не ври: смерти нет...

Опять всё поплыло. А если этот бросится бежать? Стрелять в ногу? Даже ударить сил не оставалось. Этого жирного борова. Этого... *fascistisches Schwein*.

Несколько хлопков – это не миномёты. А что? Что это?.. Дьяк из последних сил выглянул из воронки.

Вдгон им косо напозла дымовая полоса, и за ней – с ней, в ней! – наверняка двигались фашисты. С наших окопов встречно кидали осветительные ракеты, плотность огня была максимальна, но это ничего не решало. Красные и белые трассеры прожигали завесу, но она близилась, близилась. И накрыла.

Дьяк был совершенно уверен: врёт. Фашист врёт – нет смерти... Почему же нет?.. Почему?.. Пальцами левой руки он сжимал последнюю "лимонку", в правой удерживал у груди всё тяжелеющий и тяжелеющий пистолет. Полковник, увидев вытянутую чеку, обмяк, и наконец-то смолк. Согласно опрокинулся на спину, сложив ладони на своём горле. Зажмурился.

Они опять лежали, почти обнявшись. Горячая кровь заполняла штанину, и с каждым толчком сердца всё вокруг уплывало, искрятся, кружилось, а мучающий память аккорд никак не узнавался...

Чёрный на фоне подбелённого догорающей ракетой дыма, румынский солдат, выставив карабин, с короточек осторожно заглянул в воронку, но именно в эти секунды наступила темнота.

Дьяк поднял мотающуюся руку, пытаясь совместить невидимые целик и мушку с центром едва различимой цели.

Почему нет смерти?.. Почему?..

И он вспомнил, вспомнил! – Христос воскрес! Сегодня – Христос воскрес!!

Вылетевший откуда-то справа красный трассер ткнул в бок чёрного солдата, и тот пропал. Исчез в дыму.

Нет смерти! Их смерти, им смерти нет! "Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ и сущим во гробех живот даровав". И Лютый, и Командир, и Пичуга, Старшой и Ярёма... и Копоть... все, все дорогие его товарищи, все солдаты, все их солдатки, их матери и дети, старики, все, все пожертвованные этой войной, жертвы этой войны, этой революции, голода, холода, эпидемий и застенков, все самопожертвованные во имя Христа – не в смерти. Ибо Христос, смертью смерть поправ, воскрес! Сегодня воскрес.

Вращение захватило сознание, и, покачивая, как в лодке, потянуло, понесло его всё выше, всё выше к свету, ослепительному радостно-радужному свету, и знакомый, но никак не вспоминаемый аккорд вдруг развернулся торжеством великой мелодии, и вращающийся, возносящий мир подхватил её, умножил тысячами, миллионами слаженных восторгом голосов: "Воскресение Христово видевше, поклонимся Святому Господу Иисусу, единому безгрешному... Кресту Твоему поклоняемся, Христе, и Святое Воскресение Твое поем и славим".

– Есть живые? Русские есть?

Главное: не отпустить гранату, не отпустить...

ВИТАЛИЙ НИКИТИН

Горячий Ключ

Никитин Виталий Фёдорович родился 2 декабря 1968 года в станице Саратовской Апшеронского района. В 1986 году окончил Саратовскую среднюю школу.

Стихи начал писать ещё в школе. Первые публикации были в газете "Горячий Ключ". Местными композиторами В.Г. Бабкиным и Б.Н. Зозулей на его стихи написано несколько песен, в том числе, гимн молодежи города Горячий Ключ.

Стихи и рассказы печатались в коллективных сборниках, в газете "Горячий Ключ" и журнале "Краснодар литературный".

ТУМАН

Рассказ

Историю я эту услышал давно, ещё в юные мои годы... Летом мы с друзьями подрабатывали в совхозе, шили табак. Занятие, скажу вам, не самое лёгкое, но зарабатывали мы, школьники, по тем временам за лето довольно прилично. Так вот, был у нас в бригаде слесарь, дядя Саша, он и сварщик, и электрик – одним словом, мастер на все руки. Машинка наша ломалась довольно часто, бывало, в день и по нескольку раз – оно и понятно, кто же пацанам-малолеткам нормальное оборудование доверит? Поэтому был дядя Саша у нас под навесом частым гостем. Странный человек на первый взгляд... Слух ходил, что у него с головой не всё в порядке, но нам, пацанам, он только помогал по мере возможностей, да и веселил иногда.

Бывало, придёт и фокусы карточные показывает, а то достанет из кармана рубашки мышку, на плечо посадит, а во рту сухарь держит. Повернёт голову – мышь сухарь видит, а достать не может. И что интересно, не убегает, сидит и ждёт, когда он к ней ещё раз голову повернёт. Сидит, значит, на плече, а передними лапами у него сухарик старается взять. И так нам на это дело смотреть интересно было! А ещё собаки бродячие все вокруг него собирались. Сторожа их частенько подкармливали – ночью проще территорию охранять, когда стая собак на ней живёт и чужих за версту чует. Так вот, ходили эти собаки за дядей Сашей, можно сказать, по пятам, а он с ними, как с нами, разговаривал. И слушали они его, и слушались. Мы ещё шептались тогда между собой: может, он собачий язык знает?

Работали мы с раннего утра и до позднего вечера. А иногда утром табак после вчерашней ломки вышьем, а новый только после обеда привезут, а то ещё хуже – машина на поле сломается или где застрянет так, что без трактора её из колеи не вытащить, вот и сидим, ждём. А домой уйти нельзя: даже если к вечеру табак привезут, нужно его или прошить, или разложить под навесом, чтобы не сгорел он за ночь. Ну, знамо дело, работы нет – анекдоты да байки травим. Вот в один из таких дней и поведал нам дядя Саша эту историю. А что в ней правда, что вымысел, я судить не берусь. Расскажу, как сам слышал...

– Жил у нас в станице мужик один, звали его Иван Палыч. Сам-то он не из местных был, когда они с женой в станицу приехали, о том история умалчивает. Детей у них не было, видать, Бог не дал. Но жили хорошо, можно даже сказать, по тем временам зажиточно. Иван мужик был работающий и рукастый. Они, когда в станицу приехали, купили старую хату набивную, она к тому времени уже одной стеной на подпорках держалась. А крыша была дранкой крыта – если на чердак ночью залезть, то можно было и звёздное небо изучать. Устроился Иван в тракторную бригаду, а жена на ферму пошла. Двор у них был большой на краю станицы, речка рядом, поляна большая, а дальше лес. Хозяйство своё держали – ну как на селе без хозяйства, тем более, место позволяло и стадо гусей держать, и две коровы. С кормами проблем не было, особенно последние несколько лет – работал Палыч заведующим током на первом отделении совхоза. Ну и тянул, конечно, помаленьку, а кто, скажите, тогда домой не тащил? Только ленивый. Но старался не наглеть, брал в основном отсев и зерно не лучшего качества, а дома уже добавлял кукурузу, выращенную в поле, и молот на комбикорм.

Но Палыч не сразу током стал командовать – успел и на тракторе попахать, и на комбайне поработать, а параллельно ещё и заочно учился в техникуме. Была у них мечта – ребёнка из детского дома взять. Да куда же его вести, когда в доме звёзды и луна по ночам гуляют. Решили они новый дом строить. Так за пять лет он у себя во дворе новый кирпичный дом поднял: всё сам – и стены клал, и крышу ладил. А жена между делом в один из детских домов наведывалась, присмотрела там девочку, стала её навещать, хотя бы раз в месяц подарки привозить. Мечтала, что, как Иван дом достроит, так и заберут её.

Ну вот... А как, значит, они с женой в новый дом въехали, так с ним несчастье-то и случилось. Уж кто там был виноват: сам ли он или помощник где проморгал, только при ремонте комбайна намотало ему левую руку на приводной шнек, да и поломало в двух местах. Ну, врачи кости-то собрали, как могли, а рука срослась неправильно, или там ещё какая проблема была, только стала она у него со временем сохнуть. Полгода Иван лечился – с одной больницы да в другую. А как выписался да на работу вернулся, поехали они с супругой в тот детский дом, а девочку уже другая семья удочерила. И вот у жены его как отрезало – не хочу, говорит, другого ребёнка даже смотреть, поехали домой.

Ещё полгода прошло, дело к уборке, а у Ивана рука левая почти не работает. Ну, какой, скажите, тут комбайнер с одной рукой? Вот так он на ток и попал: сначала приёмщиком работал, а потом начальство его дальше продвинуло – назначили заведующим. Ну вот... Только он, как говорится, в курс дела вошёл, тут ещё одно ЧП приключилось.

А до этого, как жена передумала ребёнка в детском доме брать, взял Палыч себе домой щенка. У лесника, Еремеича, что на другом краю станицы жил, была овчарка Альфа. Как-то раз пришлось ей время гулять, а хозяин то ли занят был, то ли в запой ушёл (и такое бывало), словом, некогда ему было её на случку вести. Только как-то под утро вышел он во двор, а его собака в зацепе с волком стоит: уж как она его к себе подпустила, то вопрос второй. Ну, пока Еремеич за ружьем в дом бегал, пока патроны искал, волк в лес ушёл. А собака, как положено, в срок принесла трёх щенят: два чёрных с подпалинами в мать, а один – белёсый. Еремеич волчонка в первый же день утопить хотел, да сразу-то рука не поднялась, а на пятый день слепого ещё щенка Палыч домой забрал. Знал мужик, что в отца кутёнок: сам почти белый, а нёбо чёрное, знамо дело, злой будет. А ему такой и нужен, чтобы хозяйство охранять. Назвал он щенка Туманом. Тот окрасом был точно, как туман – чуток потемнел, но больше на волка и был похож. Кормил его первый месяц молоком с бутылочки да кашу варил. Как с дитём малым возился.

Вырос Туман, да такой злющий – никого, кроме хозяина, к себе не подпускал, даже жену его. Собаки, они все так построены: кобель для себя вожака стаи сразу определяет и только ему служит. Другие для него не авторитет, и тут хоть хлебом корми, хоть мясо предлагай – с чужой руки не возьмёт. Голодный будет, а не возьмёт. Вот помню, у меня пёс был, дворянин чистокровный, пришёл в дом на трёх лапах...

Тут дядя Саша вдруг оборвал свой рассказ и, оглянувшись, махнул рукой. На территорию бригады въехала машина, груженная ряднами с табаком под самые небеса, и мы бросились её разгружать. Закипела работа, домой ушли, уже звёзды на небе блестели. На следующий день работали практически без передышки, не успели тот табак, что вчера привезли, пошить, а водитель наш уже с полной машиной под навесом стоит. И так дня три. А потом задождало сильно, ладно бы ливень прошёл, летом сильный дождь даже в радость, потом солнышко выйдет, ветерок дунет, и можно снова работать. А тут зарядил дождь с утра и до вечера. Ну, мы остатки табака прошили и свободны – можно домой идти книжки читать. А нам интересно, чем же там дело-то у Ивана Палыча с собакой кончилось. Побежали искать дядю Сашу. "Ладно, – говорит, – сейчас мужиком помогу сушку выгрузить, и приходите прямо в неё, загружать-то пока не будем".

На дворе дождь, хоть и лето, август, а холодно. В сушке печь потушили, а боковые продухи ещё горячие, табаком пахнет, конечно, но всё лучше, чем под навесом на ветру сидеть. Собрались мы все в кучу: кто фуфайку нашёл себе подстелить, кто ряден чистых, улеглись и дальше байку слушаем.

– Ну вот, – продолжает наш рассказчик. – В тот год тоже погода была не самая сладкая. Дожди так же по три дня без перерыва хлестали. А уборка идёт, сроки поджимают. Каждый совхоз отчитаться должен, что всё убрано. Тут на небо никто не смотрит, всё только цифры подавай. Комбайнерам-то что, влажное зерно оно весит больше, лишнюю звезду на бункере за тысячу центнеров нарисовать каждый рад. А зерно потом на ток везут, тут его сушить надо, веять, и только потом уже на элеватор везти или на зерносклад совхоза. Ну вот, Палыч отказался влажное зерно на ток принимать. Не буду, говорит, принимать и всё. Мало того, что мне на усушку сверх нормы никто списать не даст, так я его в таком количестве и просушить не успею, сгниёт оно, кто потом отвечать будет?

Весь совхоз на уши встал... Одним убирать надо, вторым сводки в район подавать, а тут, понимаешь, один человек ворота на ключ закрыл и зерно не принимает. Комбайны в поле полные, машины под воротами тока стоят и простои пишут. Начальство прилетело, управляющий орёт: "Принимай зерно!". Палыч в позу встал: "Не буду, – говорит, – пиши бумагу, что под твою ответственность". Вызвали агронома совхоза, тот приехал, взял зерно на анализ, вернулся через двадцать минут, говорит, принимай, суши – всё нормально будет. Палыч на своём стоит: пишите приказ под вашу ответственность. Часа через два парторг нагрязнул. С пеной у рта: ты, говорит, контра, саботаж тут устроил, недаром деда твоего в своё время раскулачили. Я, говорит, про тебя, выродка, всё знаю. А Палыч набы-

чился – и ни в какую. Тут бригадиры стали приезжать, водители с машин собрались, митингуют в вековой. Еще час, другой... директор узнает, а то и того хуже – до района дойдёт. Управляющий Палыча в кабинет завёл, о чём они там говорили, одному Богу известно, но сдался мужик. Пошли машины на ток.

Через две недели уборка закончилась, все отчеты сдали. Комбайнёры пиджаки глядят: медали да ордена вешать. Руководство премии себе под эту марку рисует по триста процентов к окладу. А Палыч весь в мыле, он двадцать пять часов в сутки зерно сушит! Люди с ног валятся, железо не выдерживает, а работать надо. Тут, как назло, нагрязнул народный контроль из района. Может, сами приехали, может, кто из недоброжелателей шепнул. Только они на ток и сразу к дальнему бурту, а там снизу каша – гниёт зерно. Ну, тут и ОБХСС подключился. Одним словом, больше двадцати тонн пшеницы рыбам на корм вывезли, в пруд высыпали. А на Палыча дело завели...

Лежали мы в сушке и слушали дядю Сашу, раскрыв рты. Дома-то нам о таких делах никто не рассказывал. Не принято было в то время с детьми о таких резонансных делах говорить. А газет местных мы не читали, всё больше книги под одеялом с фонариком, пока мать не заругает.

– Ну вот, – откашлялся дядя Саша, – перво-наперво стали в совхозе партийное собрание проводить на эту тему, так уж заведено. Палыч коммунистом никогда не был, хоть мужик честный, таких и среди коммунистов пойдёшь поищи. Но на собрание его вызвали, а он возьми да и выступи. Встал и рассказал, как на самом деле было. А после собрания парторг к нему подошёл и говорит вполголоса... Что же ты, мол, гнида, хороших людей топишь? Из-за тебя, мол, коммунистам теперь перед лицом партии отвечать придется. Ну, а Ивану уже терять нечего, он и говорит: "Да плевать я хотел и на тебя, и на твою партию!"

Тут парторг его за грудки схватил и шепчет прямо в лицо: "Будь моя воля, я бы тебя к стенке поставил". А Иван-то мужик не робкого десятка, даром, что одна рука рабочая. Так он одной правой парторгу в челюсть дал, тот и упал – ни жив, ни мёртв.

Ну, дела... Так, может, отделался бы штрафом или условным сроком, а тут мордобой, да ещё, как на грех, важной морды! Не дали делу спуска. Судили Ивана сразу по двум статьям. Получил он три года колонии. Управляющего с должности сняли, агронома из партии исключили, а парторгу по партийной линии строгий выговор с занесением. Вот такие пироги. Но это, ребята, не конец истории. Так что, если готовы слушать, могу продолжать.

Мы все дружно закивали. Всем хотелось узнать, что же ещё интересного могло произойти. Да и у всех слушателей возникал один-единственный вопрос: при чём тут пес Туман, о котором дядя Саша ранее упоминал?

– Так вот, – продолжил своё повествование рассказчик, – Ивана, значит, увезли по этапу. Жена его одна-одинешенька дома осталась. А Туман, знай себе, воет и воет каждую ночь, от еды первые три дня отказывался, потом понемногу есть начал, но хозяйку к себе не подпускает. Она ему то хлеба булку бросит, то кастрюлю с едой палкой длинной подсунет. А пёс воет на цепи. Никакого покоя от него нет. Палыч-то и гулял с ним частенько – то возле речки, а то и в лес поведёт, и каждый день общался. А тут вторая неделя пошла, сидит он на цепи, воет и всё. И задумала хозяйка от него избавиться. Убить-то рука не поднялась бы, нет. Договорилась она со сторожем с дальней фермы, что тот Тумана к себе заберёт. Уж как он этого зверюгу с цепи снял и на ферму вывез, никто не знает. Наверное, водкой опоили и, пока спал, отвезли. Тут врать не буду. Только мужу она письмо написала, что пес цепь порвал да в лес убежал.

А жить-то бабе одной, да ещё на краю села, тяжко – она сначала коров продала, потом из живности одни куры остались. А через год, как мужа посадили, подала она на развод, дом продала, да исчезла из станицы. Куда уехала, никому не сказала, может, в родные края подалась, может, ещё куда. О том никто не знает, народ пошушукался в станице с полгодика, да и забыл про всё. Жизнь-то дальше идёт, работать всем надо, некогда сплетни из угла в угол таскать. А буквально через год объявился в станице Иван Палыч. Вышел раньше срока за хорошее поведение. Вернуться-то вернулся, а жить негде. В доме уже новые хозяева, почитай, как два года живут. Вот тебе и пироги.

Жилья нет, работы нет. Поехал Иван в район, в милицию. Тогда с этим вопросом строго было, отсидел, вернулся – иди работай. А то ещё статью за тунеядство пришьют. А кто инвалида к себе на работу возьмёт, да ещё и по такой статье срок отбывшего? Да и не было у него справки об инвалидности. Неделя прошла, а Иван между станицей и городом, как мячик, мотается, все его футболоят. Благо в станице не все к нему плохо относились, бывшие рабочие с тока уважали Палыча, хоть и не показывали этого, но на ночлег пускали. А в один из дней он в городе знакомого встретил, сокамерника своего, тот чуть раньше освободился. Ну, тут, как водится, слово за слово, зацепились, поехали к этому мужику домой, выпили, конечно. Палыч уже затемно в станицу вернулся, а идти-то куда? Решил эту ночь где-нибудь перекачаться: или в котельной, или у мужиков в тракторной бригаде, там сторожка теплая. Ну и пошёл он, малость пошатываясь, через всю станицу в бригаду.

Что уж там получилось, кто первым начал, в том потом милиция разбиралась, а сам Палыч ничего не говорил. Бабы судачили, что не обошлось тут без парторга, якобы он через сына своего парней этих подговорил. Только избили его малолетки до полусмерти и прямо в придорожной канаве бросили. Так бы и замёрз Палыч к утру – на дворе-то уже осень была глубокая. Но случилось, ребята, чудо.

А иначе как это можно назвать? Нашли его на дороге за квартал от той улицы, где били. Ну как нашли... Ночью вахта с дальней фермы баб после дойки домой везла. Водитель потом рассказывал.

Еду, мол, смотрю – посреди дороги мужик лежит, а рядом с ним волк. Ну, думаю, загрыз, наверное, мужик-то никаких признаков жизни не подаёт. Я, значит, сигналить, – волк сидит возле мужика и не двигается. Я из кабины вышел, монтировку взял, думаю, кинется – буду отбиваться. Открыл дверь будки, бабам кричу: "Дайте фуфайку старую, у меня там в ящике лежит, для ремонта держу". Думаю, надену фуфайку, пока её грызть будет, я его монтировкой угощу. Фонарик на всякий случай захватил – в свете фар-то не видно, кто это на дороге. Ну вот, двинулся вперёд, волк на меня рычит, а с места не уходит. Я ближе подхожу, он чуток в сторону отошёл, но не убегает и на меня не бросается. Я фонариком свечу, над мужиком наклонился – живой не живой, понять не могу. Посветил на волка, а на нём ошейник и кусок цепи болтается. И тут я пса-то признал, Туман это, с нашей фермы пёс. Сторожа его по всему лесу ищут. Два дня, говорят, выл, а потом порвал цепь – и в лес. А он вот на дороге сидит. Ну, я давай мужику в лицо светить, а оно побито всё, в крови и в грязище, но признал я его: Иван Палыч это, бывший зав. током. Ну, я тут, недолго думая, фуфайкой его прикрыл, бабам сказал, чтобы тут оставались, а сам – бегом по улицам в тракторную бригаду, там телефон. "Скорая" быстро примчалась. Успели, значит. Как утром по следам пошли, поняли, что пёс своего хозяина не просто в луже нашёл, а ещё за ворот два квартала до дороги тащил.

– А дальше? Выжил Палыч? А что с псом? – не вытерпел кто-то из слушателей, перебивая рассказчика.

– Дальше – самое интересное! Пока Палыча в "скорую" грузили, пёс рядом сидел, а потом исчез. Да некогда там было по сторонам смотреть, нужно было мужика спасать. А на следующее утро под окнами городской больницы, куда Ивана привезли, появился пёс. Так и сидел он там несколько дней. С утра и до ночи, а на ночь уходил – может, охотился, никто не знает. Но никто его не гнал и не трогал – уже все знали, что это тот пёс, который своего хозяина спас.

Когда Иван в больнице в себя пришёл, он доктору и говорит: спасибо, мол, доктор спасли вы меня, можно считать, с того света вернули.

А доктор-то его с кровати приподнял – и к окошку. На пса показывает: "Вон, ему спасибо скажи, это твой ангел-хранитель".

Иван в окно смотрит, а у самого слёзы из глаз текут. Тут и доктор, говорят, прослезился. А уж когда на третий день санитарки Палыча на улицу вывели, и он Тумана обнял, тут вся больница у окон стояла и от счастья плакала. Ну, а как тут не плакать, когда человек перед собакой на коленях стоит и прощения просит, слёзы-то текут, а пёс ему их языком вылизывает и от счастья не знает, куда хвост свой деть. Да и Иван, как солнышко лучистое, сияет, родную душу встретил. Туман-то – единственное родное существо у него в этой жизни.

– А дальше что? Нашли тех, кто на него напал? – всем не терпелось узнать дальнейшую развязку событий.

Дядя Саша взял валяющийся неподалёку табачный лист, размял его в ладонях, быстрым ловким движением закрутил козью ножку, раскурил её, затянулся пару-тройку раз, выпустил в воздух несколько клубов табачного дыма и только тогда продолжил свой рассказ:

– Пока Иван в больнице лежал, Туман всё время рядом был. Так же приходил утром и исчезал вечером. Хозяин его подкармливал. Врачи меж делом Ивану инвалидность выправляли. Все понимали, что он без инвалидности не проживёт. Однажды гулял Иван по больничному двору, а уже первый снежок выпал – красота, да и воздух морозный, чистый. И вот, значит, сидит Палыч на скамейке, а пёс рядом. Мимо проходит парень, ну и так искоса на Палыча смотрит, даже приостановился немного. В этот момент Туман из-под лавки выскочил и в руку ему вцепился. Тот давай орать благим матом. Насилу Палыч пса за ошейник одной рукой оттянул. А парень этот обложил их ещё раз матом и давай бежать. Туман рвёт за ним, а хозяин держит изо всех сил. Кое-как успокоил он пса. Вечером тот, как всегда, ушёл. А вот утром не вернулся. Нашёл Палыч его на третий день, в километре от больницы в овраге лежал, ветками прикрыт. Скорее всего, пристрелили его, а потом ещё и палками добивали.

В милиции заявление об убийстве собаки, конечно, никто не принял бы, да и пёс по большому счёту был, если так можно выразиться, бродячий, как и его хозяин. Поэтому закопал его Иван в лесочке поближе к больнице, натаскал на могилу целую гору камней, собирая их по всему близлежащему лесу. Так и сидел на тех камнях каждый день, с утра и до вечера, пока ему справку об инвалидности не вручили. А куда уж потом подался – никто не знает, уехал, говорят, куда глаза глядят, лишь бы подальше от этих мест. А могила-то из камней так до сих пор и осталась на том месте, где он Тумана похоронил. И грибники рассказывают, очень часто возле неё следы волчьих находят. Вот и весь сказ. А я вот часто думаю, если бы люди могли так же любить людей, как собаки, может быть, мы бы уже всем по-другому жили? А вы, хлопцы, как думаете?

ЕЛЕНА НИМЧУК

Краснодар

Елена Нимчук – прозаик, секретарь ЮРТО "Серебро Слов", ведущая на радио "Серебро Слов" (рубрики "Разрешите представиться").

НЕЗАБЫВАЕМАЯ КОЛЛОНТАЙ

Рассказ

Жизнь этой удивительной женщины сама по себе – увлекательный бестселлер. Автор позволил себе лишь несколько штрихов художественного вымысла, которые ни в чём не противоречат исторической правде.

Едва переступив порог квартиры и бросив дорожную сумку на пол, Дарья кинулась к Александре Михайловне, крепко стиснув старушку в объятьях:

– Бабушка Шурочка, здравствуй! Спасибо тебе большое-пребольшое, что пригласила! Я и не надеялась жить в столице! Ты для меня во всём пример... Два языка уже знаю и еще выучу, если научишь.

Коллонтай спокойно, без улыбки, отстранила внучку:

– Во-первых, научись сдерживать эмоции. Во-вторых, никогда не думай, что чья-либо помощь бескорытна.

– И даже твоя? – с улыбкой переспросила Даша.

– Лю-ба-я! – холодность бабушки остудила девушку. – В-третьих, учись воспринимать информацию с первого раза. Переспрашивать – дурной тон!

Под её строгим взглядом стройный девичий стан поник, как засыхающий цветок. Недовольно покачав головой, Александра Михайловна продолжила:

– А вот тебе и в-четвертых: учись держать удар! – Даша резко выпрямилась, с вызовом посмотрела на бабушку сквозь пелену слёз. – Так-то лучше, – уголки губ её слегка дрогнули, изобразив подобие улыбки. – В общем, учиться, учиться и учиться! Как завещал великий Ленин.

– Конечно, бабулечка, – дрожащим голосом согласилась Даша. – Вот увидишь, я справлюсь.

"Боже мой, если она скажет "в-пятых", я точно разревусь. Злюка! Злюка! – безмолвно кричала её душа. – Ну, ничего, я стерплю всё. Покорю и тебя, и столицу!"

Совсем не такого приёма ожидала Даша. За что ей так? Неужто потому, что она всего лишь двоюродная внучка Коллонтай?

В далёком прошлом, нарушив устои, породив своим поступком много сплетен и пересудов, сорокалетний дворянин, генерал Домонтовский, впервые женился, взяв в жёны женщину из крестьянской семьи, с тремя детьми, которая из-за него ушла от мужа и много лет добивалась развода. В 1872 году у них родилась Александра, ставшая по мужу Коллонтай – дитя любви, четвёртый ребёнок матери, а для отца – первый и любимый. Именно от него она унаследовала аналитический склад ума, а также интерес к истории и политике. Родная бабушка Даши, в прошлом знаменитая оперная певица Евгения Мравинская, и Александра Коллонтай были единоутробными сёстрами.

Опираясь на палочку, Александра Михайловна показала внучке отведённую ей комнату. Дала указания по поводу завтрака, пояснив, что в её доме никогда не ужинают, и простилась до утра. Как только за ней закрылась дверь, Даша вслед показала язык, игриво улыбнувшись своей выходке, закружилась по комнате.

"Главное, что я здесь! Завтра я увижу Москву, Кремль, Мавзолей, Ленина!"

Подойдя к настенному календарю, ткнула в него пальцем.

"Сегодня 10 декабря, воскресенье, 1950 год", – затем прильнула к окну, но кроме нескольких светящихся окон в домах ничего не увидела.

"Ну и ладно. Завтра, всё будет завтра!"

Даша взяла из вазы яблоко, с аппетитом откусив от него, повалилась на диван. Сегодня она впервые ехала в поезде и в такси. Сознание ласкала мысль, что ей ещё много прекрасного предстоит сде-

лать впервые. За все эти удовольствия заплатила и заплатит её знаменитая бабушка – Александра Коллонтай. А она будет жить и наслаждаться пока ещё неизвестной, но такой привлекательной и уже доступной жизнью. В голове калейдоскопом сменялись соблазнительно желанные картинки из будущего: шикарные наряды, модные причёски, знакомства с членами правительства, поездки за границу, банкеты, танцы, встречи, и среди этого великолепия и роскоши она – молодая, красивая, умная, своя...

Утром Даша подскочила от зудящего звука у изголовья. Не сразу сообразила, что звенит будильник. Усмехнулась: "Молодец, бабуля, всё предусмотрела".

Девушка на носочках подкралась к бабушкиной комнате, приложив к двери ухо, прислушалась.

– Доброе утро, Дарья, – от неожиданного и громкого приветствия девушка вздрогнула, но быстро внутренне собравшись, с достоинством ответила:

– Утро доброе, бабушка.

Даша открыла дверь и замерла в изумлении. Александра Михайловна, одетая и причёсанная, как перед выходом в свет, с книгой в руках восседала за столом даже не с прямой, а с выгнутой спиной.

– Ты куда-то собралась?

Коллонтай усмехнулась.

– Дарья, посмотришь в зеркало.

"Ух ты, оказывается, она умеет улыбаться!", – подходя к старинному трюмо, насмешливо подумала девушка.

– Тебя всё устраивает?

Даша внимательно осмотрела себя: "Что ей на этот раз не понравилось? Халат чистый, немного помятый... Так ведь я ещё не знаю, где утюг! Косы с вечера почти не расплелись. Да вроде нормально всё".

Она кокетливо подмигнула отражению, но вдруг догадка осенила её.

– Аааа... Поняла! Так я мигом переоденусь. Ты бы предупредила...

– Сегодня мы никуда не идём.

– Зачем же тогда наряжаться?

– Затем, что женщина всегда должна выглядеть безупречно. Ни в ранний, ни в поздний час тебя не должны застать врасплох. Посмотришь в зеркало и запомни... – Коллонтай осуждающе посмотрела на внучку. – Так уважающая себя женщина не может и не должна выглядеть.

Даша удручённо вздохнула, пожав плечами. Зачем наряжаться, если никто тебя не видит? Её мама, подружки, соседи порой даже во двор выходили в халатах. Только бабушка Женя, до последних дней своих, проснувшись, делала причёску, наводила макияж и только потом шла завтракать. Но бабушка была оперной певицей, выступала на сцене, а они-то – люди простые... Спросить об этом девушка не решилась. Со слов матери она знала, что Александра Михайловна в прошлом была верной помощницей Ленина, лично знакома со Сталиным, первая в мире женщина-министр, много лет работала за границей послом. Ей ли не знать, как и что правильно! Без лишних вопросов Даша привела себя в порядок.

После завтрака Коллонтай усадила внучку за письменный стол, сама расположилась в кресле у открытого окна. Глядя в небо, еле слышно заговорила:

– Знаешь, Дарья, обо мне писали и ещё напишут, как о политике, но я хочу, чтобы меня узнали как женщину. Вокруг моего имени много сплетен. Мы же напишем правду, ты готова помочь мне? – она пристально посмотрела на внучку.

– Конечно, бабуля!

– Отлично. Итак, начнём! Я буду диктовать, а ты записывай... Договорились? – Коллонтай удобнее разместилась в кресле, но, не услышав ответа, повернулась к внучке. Та с разочарованным лицом смотрела на неё и молчала. – Я понимаю, тебе не терпится увидеть Москву, только всему своё время. Экскурсии подождут, а вот на написание рукописи у нас очень мало времени. Но, если ты передумала или...

– Нет-нет, – словно очнувшись, торопливо заверила Даша. – Я готова, – улыбнувшись, она положила перед собой бумагу и ручку. За этой умело сделанной улыбкой даже Коллонтай, считавшая себя знатоком людских душ, не заметила горечи и досады.

– Я обучалась на дому. Папа не скупился, пригласил самых известных и талантливых преподавателей, – начала повествование Александра Михайловна. – Уже в юности я владела несколькими иностранными языками: английским, немецким, французским; позже, уже во взрослом возрасте, шведским, норвежским, финским. Неплохо рисовала, пробовала сочинять... Я блестяще сдала экзамены в гимназии. Но мама считала, что для женщины самое главное – это удачное замужество, и не позволила учиться дальше. Замужество! Слово-то какое нелепое. Женщина не должна быть за, – она выдержала паузу. – Мужем! Я всегда боролась за уравнивание в правах женщин и мужчин! С неграмотностью среди женского населения! Разработала концепцию новой женщины, в новом передовом обществе. Новая женщина – самостоятельная личность, умная, раскрепощённая, свободная. Её интересы не сводятся к дому, семье и любви. Она должна служить стране. В отличие от мужчин, у нас гораздо больше возможностей договориться. И если бы Инесса Арманд была жива, она бы поддержала меня во всем.

– А кто это?

– Самая близкая подруга Ленина.

– Как, а Крупская?

– Инесса была с Лениным одиннадцать лет. Умерла от холеры. Для Володи это был сильнейший удар. Крупская же Ленину была верным соратником, не больше. Нельзя отрицать, что она была умна и образована, но её взгляды порой меня раздражали... Все мои попытки и труды были ею вульгаризованы и сведены к пресловутой теории "стакана воды".

– А что это за теория такая? – удивлённо переспросила девушка.

– Мол, комсомольцу и комсомолке вступить в интимную связь должно быть так же просто, как утолить жажду, – Коллонтай невольно заметила, как покраснела Даша, записывая сказанное. – А я же призывала к равноправию в отношениях между мужчиной и женщиной, к необходимости любви во взаимоотношении полов. Но сейчас речь не об этом. Продолжим. Мне было шестнадцать. Я обожала танцевать, как и Ванечка, сын генерала Драгомирова. Мы подружились и считались лучшей парой на всех балах. Ванечка влюбился в меня без памяти. И мне казалось, что я влюблена, но, когда он сделал предложение, вдруг поняла, что ошибаюсь, и отказала. Если б только я могла знать, что случится потом...

Даша оторвала перо от бумаги, с любопытством ловя каждое слово. Но Коллонтай долго молчала, глядя в окно невидящим взором. Потом повернулась к внучке и договорила быстро, словно нехотя:

– Душевный удар оказался слишком велик... Ваня не выдержал и пустил себе пулю в сердце. По сей день помню эту трагедию и в душе оплакиваю Ванечку.

– Бабуль, а если всё вернуть – ты бы дала согласие?

– Нет! Но я бы сделала это дипломатично, не допустив роковой развязки. После случившегося мы уехали в Ялту, к отцовскому другу генералу Дондукову. На балу меня представили сорокалетнему генералу Тутолмину – адъютанту императора Александра III. Через несколько дней Тутолмин сделал мне предложение, но я и ему отказала.

– Почему?! – не удержалась Даша.

– Уж если я отказала молодому и красивому Ванечке, то не для того, чтобы жить со стариком!

– Но я слыхала от бабушки Жени, что этот старик был самым высокопоставленным и богатым женихом! С ним бы ты появлялась в Зимнем дворце, была бы представлена императрице, стала бы известной!

Коллонтай рассмеялась:

– Всё это я получила и так, – внучка вопросительно посмотрела на бабушку. – После отказа Тутолмину я стала знаменитостью! Слух о строптивой девчонке дошёл до Питера! Но такая слава не понравилась отцу, и мы уехали в Тифлис, к его двоюродной сестре Прасковье Коллонтай. С её сыном, а моим троюродным братом мы подружились сразу и даже полюбили друг друга. Он сделал предложение, я согласилась. Но папа категорично отказал ему. Узнав о таком сватовстве, и мама поддержала отца. Но я все же вышла замуж за троюродного брата, весельчака инженера Владимира Коллонтай, а на следующий год родила сына Михаила. За час до венчания выяснилось, что наш общий друг, оказывается, был тайно влюблён в меня и накануне нашей свадьбы решил свести счёты с жизнью. Попытка оказалась неудачной, он выжил, но остался до конца дней калекой.

– Ух ты! Я тоже хочу, чтобы из-за меня мужчины стрелялись!

– Глупая. От живых поклонников куда больше пользы. Мы ещё обсудим это, а пока не перебивай меня.

Коллонтай поведала Даше о ещё одном любовнике – муже своей подруги Зои Шадурской. И о том, как оставила мужа, возлюбленного, сына и уехала в Цюрих.

Рассказала и о Петре Маслове, который эмигрировал из-за неё вместе с семьёй – он был женат. Их тайная любовная связь длилась вплоть до её встречи с социал-демократом большевистской ориентации Александром Гавриловичем Шляпниковым.

Коллонтай была яркой и свободной женщиной. Заводила как длительные романы, так и эпизодические связи. Но легко их разрывала, всегда первой заявляя о прекращении отношений. В те годы она любила повторять: "Иду на разрыв", "Люди без фантазии – сухи и скучны, они живут только наполовину. Человек с фантазией живёт сто жизней сразу. Он умеет жить за себя и за других, в прошлом и будущем".

За границей её другом стал французский коммунист Марсель Боди, который был младше её на 21 год. И он явно был последним, кого она любила. Но после запроса главы НКВД о Марселе Боди она разорвала с ним отношения, послав ему последнее письмо, копию которого сохранила в своём дневнике: "Мы проиграли, идеи рухнули, друзья превратились во врагов, жизнь стала не лучше, а хуже. Мировой революции нет и не будет. А если бы и была, то принесла бы неисчислимые беды всему человечеству". "Жить жутко", – записала она тогда. Репрессии 30-х уничтожили всех близких ей людей.

– Но никогда я не позволяла любовным переживаниям мешать главному делу моей жизни – служению идеалам революции! Запомни это, Дарья! – строго заключила Коллонтай.

– Да, конечно! – вежливо поддакнула Даша. Но было видно, что революционная деятельность бабушки интересовала её гораздо меньше, чем любовные интриги. – Сколько ж мужчин попали в твои сети! А ещё кто-то стрелялся?

Коллонтай усмехнулась наивному вопросу девчонки:

– Тебе мало крови? Изволь, "кто-то стрелялся"... Дыбенко – мой второй муж. Мы любили друг друга, были неразлучны, но однажды я уехала по делам в другой город. Вернулась раньше, без предупреждения и застала его в постели с девицей. Тогда я сама удивилась своему спокойствию. Без истерик, равнодушно посмотрев на него, я стала собирать свои вещи. Почти сразу прогремел выстрел.

– Вот это я понимаю – любовь!

– На такую реакцию он и рассчитывал. Девочка моя, никогда не торопись с выводами. Приехавший врач по секрету сообщил, что Дыбенко перед выстрелом оттянул кожу, чтобы не нанести себе увечий.

– Фу-у.

– Вот и я так подумала и бросила его. Долгое время он пытался вернуть меня, заваливал покаянными письмами, объяснениями в любви, преследовал. Только предательству нет прощения.

– Это точно. Бабуль, научишь меня влюблять в себя мужчин?

– Я научу тебя манерам, красиво одеваться, устрою на работу в Кремль, познакомлю с нужными людьми. Дальше всё будет зависеть только от тебя.

Коллонтай сдержала слово. После празднования своего восьмидесятилетия она должна была проводить внучку за границу для работы в советском посольстве. Но Александра Михайловна не дождалась своего юбилея всего несколько дней. Похоронили её на Новодевичьем кладбище.

За несколько дней до отъезда Даша зашла к родной внучке Коллонтай – тоже Александре. Их отношения изначально не сложились. Девушка считала, что родная внучка Коллонтай недолюбливала её и ревновала к бабушке, хотя и не подавала вида. Поэтому, когда Александра приезжала к ним, Даша уходила гулять по городу. Лишь однажды Коллонтай сказала, что придёт время, и девочки по-настоящему подружатся. Даша поймёт, что Александра – ангел. Она не только умна, но бескорытна, добра и всегда готова прийти на помощь.

Семья Александры встретила Дашу с любовью и радушием. Девушка сразу почувствовала себя дома, среди родных и близких людей. После сытного ужина, забыв о времени, они ещё долго чаёвничали. Даша пожалела, что раньше не доверяла сестре.

– Какая же я глупая, – не выдержала Даша. – Ты знаешь иностранных языков больше меня, и я была убеждена, что ты хочешь оказаться на моём месте.

– Дашенька, я живу по велению души. Считаю, каждый должен заниматься своим делом. Ты очень похожа на бабушку – боевая, любишь компании, красиво одеваться... Я совсем другая. Институт – мой дом, а студенты – мои дети. За границу меня никогда не тянуло.

– Сашенька, прости меня, – сёстры обнялись. – И ещё, – Даша выдержала паузу. – Хочу посоветоваться с тобой. Когда-то я писала мемуары под диктовку бабушки... – это признание прозвучало с сожалением.

– Так это же здорово! Почему ты огорчена? – спросила Саша, глядя на расстроенное лицо сестры.

– Это могло быть здорово, но... Рукопись пропала! – выпалила Даша.

– А-а... Я поняла! Подожди минутку, – с этими словами Александра достала из шкафа пачку отпечатанных листов. – Вот, возьми.

– Так это ты её взяла и перепечатала?!

Саша недоуменно взглянула на сестру и отрицательно покачала головой. Даша выхватила листки, пробежала глазами по первому листу.

– Это что? Ты издеваешься?

– Не поняла... До твоего приезда я тоже писала с бабушкой мемуары. Возьми мою работу, какая разница?

Даша лихорадочно перебирала листы, бегло читая отрывки.

– Мне бабушка диктовала совсем другое.

– Что значит – другое?! – удивленно переспросила Александра.

– У тебя нет Ванечки и генерала Тутолмина.

– Так их и не было – это всё сплетни. Мама бабушки держала её в большой строгости. Откуда было взяться этим женихам? Бабушка была погружена в учёбу. Постой, – словно опомнилась Саша. – А у тебя что – они были?!

– Ещё как были! А Дыбенко?! Этот проходимец был младше бабули на семнадцать лет. Завёл молодую любовницу, а когда бабушка их застала в постели, то инсценировал самоубийство.

– Что?! – теперь уже пришла очередь Александры удивляться. – Никакой любовницы не было! Он безумно любил бабушку, и она его любила. Но узнав о его зверствах над простыми гражданами страны, не смогла молчать и жить с садистом и подонком. Он действительно инсценирует самоубийство, но не из-за интрижки, а в надежде, что бабушка спасёт его. Но она была непреклонна. Вскоре он получит по заслугам. Сталин отдаст приказ о его расстреле по вновь открывшимся обстоятельствам.

– Ничего не понимаю... Ведь я всё писала с её слов!

– Странно всё это. Зачем было такое диктовать? Престарелая жена, имеющая молодого мужа, никогда не вызовет сочувствия у народа. В лучшем случае – зависть, а наличие любовницы – злорадство и пересуды. Даш, а может, к лучшему, что твоя рукопись пропала? Даже если кто-то и решится издать её, то никто в этот бред не поверит. А я завтра же пойду в редакцию и издам эту рукопись.

– Поверят, Саша, поверят! – перебила Даша сестру. – Бабушка в доказательство подлинности написанного подписала каждый лист. Впрочем, так же, как и эти. Ничего не понимаю. А ведь там написано о её многочисленных любовных интрижках с высокопоставленными иностранцами.

– Не может быть, – прошептала Александра. – Из этого можно такое раздуть, если это попадёт в печать! – она закрыла рот рукой. – Я даже боюсь произносить это вслух. Такая грязь запятнает всю нашу дальнейшую жизнь! О чём она только думала? Она же – единственная, выжившая из всех дипломатов после репрессий, и так нас подставила? Неужели не понимала, что её бред или откровенность могут лишить нас жизни?! Сестрёнка, умоляю, никому ничего не говори! Мои родители тоже не должны узнать об этом.

Даша сидела настолько бледная, что походила на труп.

– Сашенька, что же нам делать?

– Что делать, что делать... – повторяла Александра, нервно шагая по комнате. – Нужно во что бы то ни стало найти рукопись и чем скорее, тем лучше. Ты когда уезжаешь?

– Через пять дней.

– Уже?! У нас очень мало времени. С кем ты тесно общалась, и кто был вхож в дом бабушки?

Даша вдруг расплакалась и рассказала о Сергее. Он один из учеников бабушки, поэтому она была не против их взаимоотношений, но регистрировать брак запретила. Коллонтай объяснила внучке, что любовные узы помешают её карьере. После похорон Сергей исчез. А Даша не знает ни его фамилии, ни домашнего адреса, ни места учёбы. Кроме него, рукопись некому больше было похитить.

– Сложно всё. Хотя, у бабушки не так много было учеников, но без...

Александра подсела к сестре и стала что-то вполголоса говорить ей на ухо. Даша внимательно слушала, постепенно бледность сходила с лица, в глазах появилась надежда.

– Ты знакома с самим Игнатьевым?

– На дне рождения бабушки имела честь быть представленной. Она говорила, что он ей многим обязан. Уверена, он не откажет, поможет отыскать и Сергея, и рукопись, – отстранившись, заключила Александра. – Ох, сестрёнка, теперь у нас в руках не только наши судьбы, но и жизнь всех родственников и близких нам людей. Знаешь, я не буду рассказывать Игнатьеву, что вы были любовниками. Достаточно того, что он узнает из рукописи, что бабуля вела разгульную жизнь за границей. Чем меньше у других компромата, тем лучше.

– Сашенька, получается, что мы обманываем, разве это правильно? Вдруг ложь навредит нам еще больше.

– Дашенька, вспомни свою бабушку – оперную диву; когда арестовали её мужа, она отрёклась от него и даже развелась, только чтобы выжить. Хотя любила его и даже пыталась спасти, но ни ей, ни Коллонтай это не удалось.

– Да, ты права.

За день до отъезда Александра пригласила сестру к себе и вернула рукопись. Даша упала перед сестрой на колени и расплакалась.

– С ума сошла! Встань сейчас же! – Александра усадила сестру на диван.

– Никогда этого не забуду. Если бы все похождения бабули всплыли, то не видать мне было бы работы за границей.

– К счастью, у Сергея не было в планах кому-нибудь передать рукопись. Возможно, когда ты бы уже уехала за границу, он попытался бы связаться с тобой. Даша, тебя чему бабушка учила? Я спасала в первую очередь себя. Подумай, ведь тебе и здесь, и за границей могут создать подобную ситуацию, и ты будешь вынуждена выполнять требования тех, кому ты якобы обязана. Будь внимательна, не позволяй проделать такое с собой. Не доверяй никому.

– Я все поняла. Сашенька, спасибо тебе, – успокоившись, спросила: – А как ты думаешь, француз Марсель Боди был в действительности?

– Был и есть. Только с ним бабуля поняла, что такое любовь. Вот его адрес, – Александра написала текст на листке, убедилась, что Даша запомнила его, тут же сожгла бумагу. – Воспользуешься им только в крайнем случае. Помни, за сотрудниками посольств идёт постоянная слежка с обеих сторон. Будь очень осторожна.

– Знаю, бабушка мне многое рассказала на этот счёт.

– Я поняла, зачем бабуля диктовала тебе такое – это твой козырь, подстраховка! – указала Александра на рукопись. – Если почувствуешь, что в нашей стране тебе что-то угрожает, то, не раздумывая, оставайся там и издай её. На вырученные деньги сможешь жить безбедно. За границей любят сенсации, тем более – связанные с высокопоставленными чиновниками других стран. А Марсель всегда поможет тебе. Я же свой экземпляр издам только после того, как ты опубликуешь свою версию, чтобы нашим властям было чем оправдаться. Но это только на крайний случай. Помни о тех, кто остался здесь. Дашенька, желаю тебе большого успеха. Надеюсь, что мы ещё увидимся.

Они крепко обнялись. Когда Даша ушла, Александра подошла к портрету Коллонтай.

– Бабулечка, всегда поражалась, как ты всё могла просчитать наперед: Даша поверила в историю с похищением и пришла именно ко мне за помощью. Сергей после твоих похорон исчез, как и обещал тебе. Этот урок она надолго запомнит. И уже никому не будет доверять, даже любимому мужчине. Мне так было жаль её. Я едва не проболталась. Бабулечка, никогда мне не стать такой, как ты, а вот у сестрёнки это получится. Я рада за неё.

ПОЭТИЧЕСКАЯ АЛЛЕЯ

Дорогие читатели, представляем вам стихи молодых краснодарских поэтов, членов Совета молодых литераторов Кубани (СМЛК).

ЛЮДМИЛА МУРАШОВА

* * *

О люди, не печальте зеркала,
Ведь годы – для унынья не причина,
Вы радуйтесь, что жизнь вам шанс дала
Увидеть на лице своём морщины.

А зеркало солжёт наверняка,
И будущего дня бразды витые
Удержатся в ладонях старика,
Но выскользнут сквозь пальцы молодые.

Начало жизни – стёртая тетрадь,
И невесть что преврёт в конце дорогу,
Но тонкое стекло не может знать,
Что ведомо единому лишь Богу.

И радоваться утром: день настал,
И с новым днём вкусить от жизни дольку
Важнее льстивых отзывов зеркал,
Дай Бог как можно позже знать, насколько.

Окно распахнуть

Сколько было упрёков – ненужных, шершавых
упрёков.
Сколько было претензий в попытке спасти ни-
что,
Заплелась паутина ошибок и мелких пороков,
Чтобы в голых ветвях расставанию свить гнез-
до.

Нет, не больше других и не меньше тебя сне-
дали,
Изнутри разъедая, занозы людских страстей.
И вины твоей нет – это я рисовала дали
Своей кистью послушной на мокром оконном
стекле.

Только дождь мне грозил нависающей пухлой
тучей –
Это он мои краски однажды совсем размыл...
Я твердила себе: "Почему, ведь должно быть
лучше!"

И опять рисовала тебя, выбиваясь из сил.

Я так мучила нас, я так мучила, Боже правый!
И вторгалась в пространство твоё – перекраи-
вать суть,
А тебя просто не было: надо принять и оста-
вить,
В этот ливень косою подойти и окно распах-
нуть.

Провожаая ручей

Уходи потоками пенными,
Уходи, себя отпевая,
Уходи – без рода, без племени –
Как назвать тебя, даже не знаю.

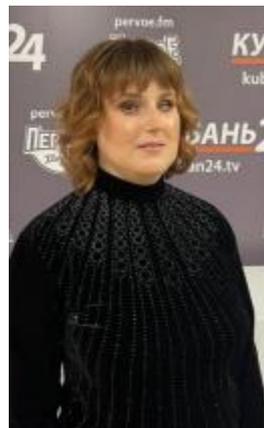
Разбивайся о камни брызгами,
Впереди у тебя только соль,
А еще, кроме соли – соль,
Уходи, уходи, изгнанный.

А мне ты оставь брызги пенные,
А мне ты оставь ничто:
В небе бездонном – нетленное
Звёздное решето,

Одари меня только каплями
Бессонной своей воды –
Влажными будут следы
Жизни ручья,
В них я, с ними я.

Но ты уходи по камням вниз,
То времени, жизни каприз:
Тебя уронила высь,
Уходи теперь, уходи,
В соли морской воды
Растворись!

ЕЛИЗАВЕТА РОМАНОВА

Жрица

Легкой тенью мысль скользит
По стенам, по коридорам,
Шепчет тихо: "Донеси,
Дай оформиться мне в слово".

Среди шума, суматохи
И бессмысленных бумаг
Листьев шелест или вздохи,
Чья-то фраза на губах.

Это – дверь иного мира
Приоткрылась в вихре снов,
Крыльев шелест, над кумиром
Вьётся дым больших костров.

Я кружусь под барабаны,
Плавлю золото богам,
Распрекраснейшей Иннанае
Я все почести воздам.

Сил поток от неба дан,
Моё слово бьёт навывлет,
Имя мне – Энхедуан,
Мне подвластны все стихии!

Только б чувство сохранить,
Чтобы вновь переродиться,
Чтоб, как раньше, в небо взмыть
Распрекрасной белой птицей.

Френикс

Близится срок!
Шагни за порог!
Круг повернётся!
Солнце вернётся!
Солнце восстанет!
Дух твой воспрянет!
Ты не забыла,
Как это было!

Крылья раскрыты
Солнцу навстречу,
Взлёт начинаешь
Свой предизвечный!

И снова по кругу,
Из пепла восстав,
Мчишься ты в пламя,
Счастье узнав!

Искры в полёте,
Сгорая в огне,
И на излёте
Шепчешь ты мне:

"Как это было,
Ты не забыла?
Дух твой воспрянет!
Солнце восстанет!
Солнце вернётся!
Круг повернётся!
Шаг за порог!
Близится срок..."

АЛЕКСЕЙ ТКАЧЕНКО

Где чувственного сердца тёплый свет
кровавыми закатами обряжен,
в пути герой (дорогам края нет)
объединён и одинок, сколь и отважен.

Для пряничной закваски такова
просыпанная соль белёсой тяжбой.
Вот буйная клонится голова,
боль откликается в висках виденьем каждым.

Отдохновение полудня. Крепкий сон.
Тот сон возъявленное долгих-долгих суток,
в которых он – не ты, а ты – не он,
и между – разница в ничтожный промежуток.

Так, проливаясь на листки чернил золой
(золой перегоревших ожиданий),
воссоздаётся образ дорогой
нежнейших чайний, заветнейших желаний:

манеры, жесты, выдержанность, стать...
Хочу ответы дать, но с самого начала
не получается ни строчки написать –
всё повторяется. Всё то, что ты сказала.

* * *

Сердце разум саднит в агонии,
реки-фразы в застывших устах
на устах,
бесконечность синонима
об одном... Долго будем "неМы"
мы?

Ткани льда истончаются тающе,
от ладони ладони тепло,
и стекло
истекает по клавишам
гармониями голосов.
Слов
россыпь рыхлую упорядочить
и доверить страницам лет.
Петь,
играть, по ладам крадучись...
Что дозволено произнесть –
есть.

* * *

Как многогранно полотно времён –
 грядущего цветной калейдоскоп,
 но человечеству понятней "монохром"
 (по зебре отмерять событий скоп).

Ежемоментно внутренний наш мир
 пересекают грани всевозможных "НО".
 Рассудок свяжет грани, как шарнир,
 чтоб "внутренний" и "внешний" слить в одно.

Так тысячами вёсен мы здесь есть,
 и наши дети к этому придут –
 простое равновесие обрести.
 И это есть наш самый страшный суд.

НИКИТА КРИВОШЕЕВ

Строчкой

И жизнь угаснет в брэнном теле,
 И заметёт песком овраги...
 Я буду жить на самом деле,
 Но только строчкой на бумаге.

Под куполом

Под куполом невидимым мелькают города,
 Несётся жизнь по замкнутому кругу.
 И тысячи прохожих каждый день туда-сюда,
 Не замечая в суете друг друга.

Машины, самолёты, корабли и поезда,
 Космические спутники, ракеты
 Под куполом невидимым снуют туда-сюда,
 А в это время неизбежно где-то

Над куполом, где время и пространство заодно,
 Где нет следов былых цивилизаций,
 Где мириады звёзд, что существуют так давно
 В богатстве живописных вариаций,

Возможно, за барьером существующих времён,
 В просторах запредельных измерений
 Другие звёзды, как и солнце, там горят огнём
 В неукротимой вечности мгновений.

И так же, в бесконечной повседневной суете
 Мелькают лица тысячи прохожих.
 И, может быть, один из них рисует на холсте
 Далёкие миры, что так похожи!

Где схожие с художником живые существа
 Свои рисуют дивные портреты
 Других существ, снующих каждый день туда-
 сюда
 Под куполом загадочной планеты.

Пленник

Я души твоей пленник невольный,
 И я счастлив быть в этом плену!
 Столько троп за спиною окольных
 На пути к очагу твоему!

Столько встреч и пустых обещаний –
 Мне их, верно, уже и не счесть!
 Но среди бесконечных скитаний
 Ты – моя долгожданная весть!

Ты мой мир наполняешь любовью,
 Наши души, сливаясь, поют!
 Лишь прильну к твоему изголовью –
 Разольётся по сердцу уют.

Ты одна мне, как будто родная,
 Ты одна понимаешь без слов –
 Мы по взгляду друг друга читаем!
 Может быть, ты явилась из снов?

Может, пленницей, прежде невольной,
 В том плену потерявши себя,
 Этой длинной дорогой окольной
 Ты так долго искала меня?

АЛЯ КАРЕЛИНА

* * *

"Зачем вы построили ромбом дом?" –
 допустим, что вас наконец-то
 об этом спросили.

И вы ни за что не признаетесь в том,
 что не сами, а буйные ветры его подкосили.

Вы и рады бы сами, да не хватило духу –
почему-то вы думали,
что дураком обзовёт сосед.
Да, ваш дом, наверное, скоро рухнет.
Но зато все любят ромбом – красиво ведь!

ЕВГЕНИЙ РАХМАНИН

Мартовский вечер

О, мартовский вечер, весною чуть пьян,
До дома пешком прогуляюсь
И, бросив на счастье монетку в фонтан,
На небо смотря, замечтаюсь.

Потом, притворясь, что дорогу забыл,
В уютный сверну переулок,
Где времени бег меж акаций застыл,
Там место неспешных прогулок.

Там нет суеты и рычащих машин,
Лишь шелест акаций чуть слышен,
Травой оплетён покосившийся тын,
Округа спокойствием дышит.

Я к звёздному небу свой взгляд подниму,
Где едет Большая Телега,
В объятия ночи бесшумно нырну
И сам потеряюсь в парсеках.

Пусть едет Телега; усевшись на ней,
Я стану частичкою неба,
В мерцании звёзд – драгоценных камней,
Таясь от сияния Феба.

Объятия Морфея

Душе отраден сладкий снов покой,
Забвению тревоги предающий,
Что нам несёт в тиши поры ночной
Морфей, незримо над землёй идущий.

Покров набросят руки божества,
Свершив неуловимое движенье.
Сребристых звёзд мерцают кружева,
Даруя столь желанное забвенье.

Утихнет шум и гомон толп людских,
Ряды видений ночь уже готовит.
До времени недвижим, тёмен, тих
Мир суетливый бег приостановит.

Врата откроет царства снов король,
Увенчанный короной маков алых,
Страны блаженной, где печаль и боль
Терзать покой не смеют душ усталых.

Как безмятежен сладких грёз приют:
Ни памяти, ни чувств, ни сожалений.
Здесь всякому прибежище дают
От бурь, печали, горечи, волнений.

О нет, прошу, будить меня не смей!
Хотел бы я, о свете не жалея,
Уйти от бурь в объятия теней,
Остаться вечно в царствии Морфея.

АННА ПИВОВАРОВА

* * *

О, Россия, Царевна-Лебедь!
Взмахни крылом над землей славной.
Да прозреет и знать, и челядь,
Да свободу вдохнут полноправно.

Что от Рода течёт в наших жилах,
Пробуди в головах, мастерица!
Закопали правду в могилах,
Обернули быль в небылицах.

Светом ясным пронзи наши очи
И не дай позабыть Родноверу,
Ра, что греет и днём, и ночью,
Будет здесь в Водолееву Эру.

О, Россия, Царевна-Лебедь,
Твоя песня пусть в крепость упрётся.
В хороводах сомкнёмся и слепим
Новый Мир, что Любовью зовётся.

* * *

Я бегу по траве, по просторам в степи.
Впереди без краёв горизонты.
Я бегу, только ноги на месте, в цепи.
Нервы крепкие, но в ремонте.

Одинокая в гуще событий, в толпе.
Чувством голода дико сыта.
Я расту, развиваюсь в своей скорлупе.
Мои мысли просты. Неспроста.

ВАЛЕРИЙ ХАТЮШИН

Москва

БЕК "МОЛОДОЙ ГВАРДИИ"

Можно с уверенностью сказать, что в нашей стране нет ни одного взрослого человека, а уж тем более человека в возрасте, который бы не слышал о журнале "Молодая гвардия". Журнал этот, можно не сомневаться, так или иначе коснулся сознания каждого, кто жил в Советском Союзе. Да и в современной России все те, кому за тридцать, о нём, конечно же, слышали, хотя бы на уровне названия. И теперь, в год его столетнего юбилея, нам всем, кто причисляет себя к патриотам России, необходимо понять и признать, что журнал этот на протяжении большого исторического времени был и остаётся ныне одним из основных носителей русской национальной идеологии – идеологии государственнической, народной, патриотической, то есть каждым своим номером, каждой своей страницей, исповедующей и проповедующей любовь к Родине.

Сразу нужно уточнить, что "Молодая гвардия" из всех, ныне существующих, – старейший в стране литературный журнал. Он был основан в апреле 1922 года, а первый номер вышел уже через месяц – в мае 1922-го.

Да, как известно, журнал создавался в качестве органа Коммунистического союза молодежи, РКСМ, впоследствии ВЛКСМ. И был он изначально пропагандистским рупором коммунистической и даже космополитической идеологии. Журнал обязан был чётко выполнять партийные установки, отстаивая пролетарский интернационализм, воинствующий атеизм и классовую ненависть к врагам Октябрьской революции. Ни о каких национальных русских проблемах заикаться на его страницах долгие годы было просто немыслимо. И первым его главным редактором стал родственник Льва Троцкого Леопольд Авербах, впоследствии, в 1937 году, расстрелянный как раз за связь с Троцким. В те годы в советском государстве шла жестокая идеологическая борьба, и следующий главный редактор, Фёдор Раскольников, тоже был приговорён к расстрелу. Вот в какой атмосфере приходилось жить и работать творческим людям, помнящим о своих национальных корнях, когда помнить о них было строгойше запрещено.

Но при всём при этом какие авторы публиковались в двадцатые годы в "Молодой гвардии"! Сергей Есенин, Владимир Маяковский, Эдуард Багрицкий, Максим Горький, Михаил Шолохов, Леонид Леонов, Вячеслав Шишков, Александр Серафимович, Дмитрий Фурманов, Александр Фадеев.

В 1932 году в "Молодой гвардии" была опубликована первая книга романа Николая Островского "Как закалялась сталь". В 1934-м – вторая книга. Здесь же начал печататься его новый роман "Рождённые бурей", который автор не успел закончить. А в конце сороковых здесь увидели свет главы из романа Шолохова "Поднятая целина". И уже тогда журнал воспитывал молодёжь в духе советского патриотизма. Но всё же национальных проблем русского народа тогда касаться на страницах печати было ещё непозволительно. Космополиты ужасно боялись всего национально русского. Ведь они пришли к власти с целью разрушения Русского государства и очень много успели сделать на пути к этой цели. И потому главными их врагами были носители национального сознания – люди, знавшие и помнившие русские национальные и культурные традиции.

Но, как это ни странно будет звучать, окончательно добить национальное чувство в нашем народе помешала война. Эта страшная война, унесшая столько русских жизней, тем не менее, спасла Россию от моральной, от духовной гибели. Война заставила эту космополитичную власть обратиться к национальному чувству народа. Когда Сталин обратился с воззванием: "Братья и сестры!", и народ откликнулся на эту мольбу, внутренний враг вынужден был прикусить язык. И война действительно разбудила в народе национальное чувство, которое оказалось сильнее нацистского чувства германцев и всей фашистской Европы. И когда Сталин в 1945 году провозгласил тост "За великий русский народ!", внутренний враг молчал, хоть и затаил свою злобу.

Резкий перелом в политической и духовной линии журнала "Молодая гвардия" произошёл в начале 60-х годов, когда главным редактором, в 1963 году, был назначен фронтовик, журналист и писатель, закончивший исторический факультет МГУ, Анатолий Васильевич Никонов. Вокруг Анатолия Никонова начал формироваться стойкий патриотический авторский коллектив. Ведущие посты в редакции заняли талантливые молодые русские писатели: Викулов, Чалмаев, Сорокин, Ганичев, Петелин, Цыбин. На страницах журнала начали появляться материалы, о которых раньше даже подумать было нельзя. То есть "Молодая гвардия" первой пробрала эту врезь, она стала первым реальным, общедоступным журналом в России, в котором заговорили о возрождении русской национальной культуры и русских культурных традиций.

В 1964 году был снят со всех руководящих должностей Никита Хрущёв – невежественный, бескультурный, мстительный, безбожный человек, разрушавший храмы и раздаривавший исконные российские земли другим республикам СССР, которые потом от нас отделились вместе с этими землями. Хрущёв уничтожил культурное наследие прошлого под лозунгом десталинизации и обещания жизни при коммунизме. Нужно было воспользоваться сменой власти и отвоевать у т.н. "шестидесятников", этих либералов того времени, нашу Победу, её героев и памятники культуры, а точнее говоря – вер-

нуть народу Память. И редакции "Молодой гвардии" во главе с Анатолием Никоновым это в большой степени удалось.

В течение всего 1965 года на страницах журнала под рубрикой "Берегите святыню нашу" публиковались материалы о необходимости сохранения памятников истории и культуры нашего многовекового государства. Авторами этих материалов были как выдающиеся деятели отечественной культуры, так и простые граждане страны, поддержавшие этот возрожденческий импульс в своих письмах в редакцию. Инициатива была подхвачена другими изданиями, её стали обсуждать в клубах, библиотеках, школах. Читатели журнала в своих письмах говорили, что надо беречь памятники нашей культуры, истории, архитектуры, сохранять храмы, дворцы, любить и сохранять русскую классику, одним словом, всё, в чём заключена история страны. Кстати сказать, это начинание как раз и стало толчком к созданию Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Так что "Молодую гвардию" можно считать одним из основателей этого уникального возрожденческого союза, с которого как раз и возникло организационное русское национальное движение. "Молодая гвардия" стала как бы первой русской партией, которая не подверглась физическим репрессиям.

Именно в те годы на страницах журнала появились знаменитые, вызвавшие широкую полемику "Письма из Русского музея" Владимира Солоухина, патриотические публикации Леонида Леонова, Владимира Чивилихина, художника Ильи Глазунова, скульптора Сергея Конёнкова, исследователей литературы Михаила Лобанова, Виктора Чалмаева, Вадима Кожина, Олега Михайлова. С журналом стали сотрудничать писатели и поэты послевоенной поры: Михаил Алексеев, Юрий Бондарев, Анатолий Иванов, Василий Фёдоров, Пётр Проскурин, Василий Шукшин, Николай Кузьмин, Борис Примеров, Николай Рубцов, Феликс Чуев, Эдуард Володин. Казалось, возрождение русской культуры, русского национального самосознания будет стремительно нарастать.

Однако идеологические враги тоже не дремали. Они окопались вокруг либерального журнала того времени "Новый мир", который возглавлял замечательный поэт, но очень зависимый человек – Александр Твардовский. Именно в "Новом мире" то и дело публиковались самые русофобские критические статьи Синявского, Войновича, Лакшина, Рассадина и других т.н. "либеральных оппонентов". Именитых авторов "Нового мира", да и некоторых их кремлёвско-партийных покровителей очень раздражала патриотическая, почвенническая, традиционалистская направленность публикаций "Молодой гвардии". Они прекрасно понимали, к чему это может привести в идеологическом плане. И они очень испугались того, что восславление русского патриотизма может привести к отстранению их от власти в стране и к восстановлению в русском человеке национальных чувств, национального сознания. А это для них было просто недопустимо, смерти подобно, не для того они разрушали Российскую Империю с её гордостью великороссов, чтобы теперь так легко сдаваться каким-то "русопятским" почвенникам. Против "Молодой гвардии" начались прямые выпады на страницах "Нового мира", обвиняющие её авторов в отступлении от завоеваний Октябрьской революции, в увлечении патриархальщиной, деревенщиной, в игнорировании этого самого пролетарского интернационализма. Доносы и сигналы поступали и в идеологический отдел ЦК партии.

В конце концов эти деятели решили нанести теоретический удар по русскому направлению, нарождавшемуся в советской литературе. Критик Александр Дементьев, который в прошлом работал в "Новом мире" и был постоянным его автором, выступил в апрельской книжке "Нового мира" за 1969 год со статьёй "О традициях и народности". В своей статье он изложил эти либеральные опасения по поводу слишком пристального интереса авторов "Молодой гвардии" к национальным традициям, к национальной культуре и её соотношению с техническим прогрессом, к чертам национального характера, сформированным природными и историческими условиями, высказался об их якобы "узко национальном" (в кавычках) отношении к Родине – большой и малой, к интеллигенции и народу.

Это была, по сути, первая попытка характеристики позиции "Молодой гвардии" как органа определённого направления общественной мысли. Дементьев, по словам Солженицына, пошёл тараном на "Молодую гвардию". А заканчивал он свою статью цитатой из программы партии, утверждавшей обязанность (цитата) "вести непримиримую борьбу против проявлений и пережитков всякого национализма и шовинизма". То есть это был такой открытый, официальный донос на людей, заговоривших о своей русскости. И Твардовский статью Дементьева подписал в печать.

В ответ на эту хамскую публикацию 11 русских писателей, авторов "Молодой гвардии", среди которых были Анатолий Иванов, Михаил Алексеев, Сергей Викулов, Пётр Проскурин и другие, опубликовали в журнале "Огонёк" письмо под названием "Против чего выступает "Новый мир"?". Одиннадцать литераторов обвиняли "Новый мир" в том, что он идёт против "главных духовных ценностей нашего общества", являясь проводником буржуазной идеологии и космополитизма.

Реакция, как обычно это происходит у господ либералов, была истеричная и скандальная. Письмо одиннадцати писателей они назвали "фашиствующим манифестом мужиковствующих". Новомировцев поддержали Симонов и Гранин. Но в поддержку письма русских писателей в "Огонёк" пошёл поток писем простых людей со всей страны. Письма эти публиковались в центральных газетах, а копии этих писем отправлялись в "Новый мир" Твардовскому. Даже газета "Правда" выступила на стороне авторов письма, напечатанного в "Огоньке". Как ни странно, но и Солженицын оказался сторонником письма русских писателей, несмотря на то, что сам являлся автором "Нового мира".

В ЦК партии срочно было проведено совещание редакторов, на котором выступил будущий "архитектор перестройки", заместитель заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС А.Н. Яковлев, который сказал, что виноваты и те, и другие. Но из опубликованных воспоминаний Яковлева

можно сделать вывод о его неприязни к национальной позиции "молодогвардейцев" и сочувствии к "Новому миру".

Однако партийная верхушка с настороженностью и недоверием относилась ко всякому не санкционированному ею движению. Не могли не реагировать в партийных верхах и на общественный резонанс, вызванный публикациями в "Новом мире" и в "Огоньке". Всё это привело к ряду организационных мер по отношению к новоявленной "Русской партии". Было принято специальное постановление ЦК КПСС о журнале "Молодая гвардия" (почему-то засекреченное по сей день). Журналу вменялось в вину отступление от ленинских принципов партийности, внеклассовое, внесоциальное толкование народности, идеализация дореволюционной России и т.д. В 1970 году Анатолий Васильевич Никонов был снят с поста главного редактора "Молодой гвардии", произошли увольнения в редколлегии журнала "Наш современник" и в ряде редакционных советов изданий, подконтрольных национал-патриотам. В том же году пришлось и Твардовскому по настоянию партийных верхов уйти из "Нового мира", редакция которого была расформирована. То есть, власть наказала и тех, и других: мол, нечего вам тут без нашего разрешения обсуждать столь важные проблемы. Мы лучше вас знаем, что делать и что говорить народу. Вот эта двойственная позиция партийных верхов в конце концов и сгубила партию.

В 1972 году в "Литературной газете" с большой критической статьей, называвшейся "Против антиисторизма", выступил уже сам Яковлев. В своей статье он открыто встал на сторону позиции Деметьева и "Нового мира" и обрушился с критикой на русское национальное направление журналов "Молодая гвардия" и "Наш современник". Но вылез он не вовремя, поспешил. Тогда ещё партия не была готова к либеральному перевороту, и он был снят со всех своих партийных постов и отправлен послужить в Канаду, откуда в конце концов вернулся уже полностью подготовленным к своей работе по разрушению Советского Союза.

И что более всего удивительно, после Никонова главным редактором "Молодой гвардии" был назначен его заместитель, к тому времени уже известный прозаик, сибиряк, подписавший то самое письмо 11-ти в "Огоньке", Анатолий Степанович Иванов, автор книг "Вечный зов" и "Тени исчезают в полдень". Анатолий Иванов продолжил национально-патриотическую линию журнала. Все лучшие литературные силы русского направления вновь потянулись к "Молодой гвардии".

В связи с 50-летием журнала в 1972 году Указом Президиума Верховного Совета СССР "Молодая гвардия" была награждена орденом Трудового Красного Знамени, а её главный редактор Анатолий Степанович Иванов был избран депутатом Верховного Совета СССР.

В конце 80-х, во времена т.н. гласности и перестройки, за интерес к русской культуре уже не сажали и, тем более, не расстреливали. Об этом уже можно было писать открыто и без последствий. Литературная критика и публицистика того времени стали самым востребованным чтением среди широких слоёв нашего народа. Тиражи русских журналов тогда достигли своего апогея. В "Молодой гвардии" печатались самые острые, самые откровенные статьи, в том числе и о преследованиях русских писателей и деятелей русской культуры в первые десятилетия советского государства. В конце 80-х годов я опубликовал в этом журнале несколько своих литературно-критических статей и в начале 1990 года был приглашён в журнал на работу – заведующим отделом критики, несмотря на то, что имел к тому времени несколько изданных поэтических книг, то есть, меня знали в основном как поэта.

Я принялся расчищать "авгиевы" завалы материалов отдела критики и наткнулся на статью поэта Ивана Лыцова "Убийство Есенина", поступившую в отдел ещё два года назад. В ней подробно, честно и доказательно говорилось о том, кто травил, преследовал и кто был причастен к убийству великого русского поэта. Я отредактировал статью и подготовил её для печати. Анатолий Иванов меня сразу же поддержал и даже попросил написать послесловие от редакции, в котором мы обращались к МВД и КГБ СССР с предложением нового, объективного расследования обстоятельств гибели С. Есенина. В том же 1990 году статья была опубликована, однако, естественно, никакого нового расследования, согласно нашему обращению, со стороны властей не последовало. Более того, т.н. "перестроечная" пресса обрушилась на журнал и на автора, Ивана Лыцова, с обвинениями в домыслах и клевете. Тем не менее, это была первая в советской печати публикация, в которой опровергалось самоубийство Есенина. В 1994 году Иван Лыцов погиб при невыясненных обстоятельствах.

Я стал активно привлекать известных русских авторов патриотического направления к сотрудничеству с журналом. Это было время надежд на изменения к лучшему в стране, а журнал возбуждал огромный интерес у читателей, пользовался спросом сотен тысяч наших людей. Авторами журнала стали сильнейшие на то время русские критики и публицисты: Аполлон Кузьмин, Михаил Лобанов, Галина Литвинова, Татьяна Глушкова, Всеволод Сахаров, Михаил Лемешев, Олег Платонов, Владимир Юдин, Виталий Канашкин, Юрий Власов, Владимир Васильев, Марк Любомудров, Эдуард Володин и даже Вадим Кожин, хотя вскоре он переключился на "Наш современник", куда главным редактором пришел Станислав Куняев.

В том же году я начал публикацию в журнале статей под авторским псевдонимом "А. Кузьмич" (это был ученый-экономист Анатолий Кузьмич Цикунов), которые произвели ошеломляющее впечатление раскрытием тайных планов международной мафии в отношении России, пророческим трагизмом, глубиной и ясностью мышления и своей документированностью. Его статьи ставились в номер без промедления. "Рынок России в свете нового законодательства", "Хлебная карточка или петля на шее", "Почему финансы не поют романсы", "Как нас грабят ценами" и другие. Они били в цель одна

за другой, как тяжёлая артиллерия, и вызвали настоящий шок у архитекторов и прорабов "катастрофки". Их ждали, они перечитывались и перепечатывались в других изданиях – в газетах "Русский Вестник", "Завтра", "Домострой" и т.д. Эти материалы, конечно, уже не могли остановить набравший силу разрушительный поток, но их автор стал крайне опасен предателям, находившимся у власти в стране. Во время командировки в Нижневартовск 20 мая 1991 года он был найден в гостиничном номере мёртвым.

В первом номере "МГ" за 1991 год я напечатал свою статью "О лжепоэтах и русской поэзии", вызвавшую громкий резонанс. Статья эта, с одной стороны, поднимала на щит, открывала талантливых, но малоизвестных в то время русских поэтов, а с другой – низвергала с поэтического олимпа баснословно раскрученных кумиров советской поэзии, которым поклонялись миллионы читателей: Евтушенко, Вознесенского и Ахмадулину. Журнал "Юность", "Независимая газета", "Московский комсомолец" злобно огрызнулись, а так называемая "либерально-демократическая общественность", насквозь антисоветская и русофобская, чётко приметилла и взяла на заметку автора статьи... Журнал наш явно действовал ей на нервы.

В 1991 году Анатолий Иванов попросил меня помимо отдела критики временно возглавить и отдел публицистики. Но, как известно, всё временное неизбежно становится постоянным. Отделом публицистики "Молодой гвардии" я заведовал до 1999 года, когда стал заместителем главного редактора.

И вот наступил август 1991 года. В начале месяца подписчики и читатели получили № 8 "МГ", где стояла моя статья "Откройте глаза!!!" (тогда же она вышла в "Русском Вестнике"), в которой давался анализ жуткой моральной и экономической ситуации в стране и были предсказаны события ближайших лет. Как говорили мне знакомые, этот номер они прятали от посторонних глаз, чтобы, не дай Бог, кто-то не донёс на них в следственные органы как на читателей "антиперестроечной" прессы...

19 августа в стране было введено чрезвычайное положение и объявлено о создании ГКЧП, а также о вводе военной техники в Москву и об отстранении Михаила Горбачёва от должности президента. В редакции "Молодой гвардии" в тот день все сотрудники пребывали в приподнятом настроении и ожидали ареста Ельцина. Однако прошёл первый день ГКЧП, истекла смутная, полная больших ожиданий ночь, но ничего не происходило. На следующий день толпы ельциноидов полезли на танки и бэтээры, бесцельно стоявшие в центре столицы. На третий день эти же толпы стали собираться у Белого дома, и перед ними развязно и самоуверенно выступил пьяный Ельцин. Вечером 21-го все гэкачеписты были арестованы.

Помню состояние жуткой душевной подавленности и безысходности. Уже в тот день мне было ясно, что прежней стране пришёл конец. Такое же состояние испытывали почти все мои знакомые и тысячи патриотов по всей России. А жулики, подонки, русофобы и все аферисты, объединённые одним названием "демократы", нагло и вызывающе праздновали свою пиррову победу.

Журналу со всех сторон посыпались угрозы, в том числе и с экрана ТВ. Кто-то из соседних изданий 20-этажки, где находилась "Молодая гвардия", прилепил на стене редакции листовку с требованием убираться из здания подбру-поздорову. (В ближайшие несколько лет они сами все позакрывались и разбежались по экономическим причинам). Анатолий Иванов поручил мне подготовить материал с ответом на эти угрозы и с объяснением читателям произошедшего в стране. Статья "Ответ погромщикам" вышла в ближайшем номере журнала.

Вслед за августовской провокацией горбачёвско-ельцинской камарильи хозяйственный развал, хаос и разрушение государства становились всё более видны и понятны всем, способным видеть и думать. Журнал в каждом номере публиковал жёсткие, прямые публицистические статьи, разоблачавшие вражеские силы, захватившие власть в стране. "Молодая гвардия" стала одним из главных форпостов борьбы за Россию с распоясавшейся русофобско-демократической "пятой колонной".

Каждый номер "Молодой гвардии" был как глоток свежего воздуха для русского читателя-патриота. Просматриваешь материалы, публиковавшиеся в каждом номере журнала в начале 90-х годов, и видишь, как фактически на всех стоит печать трагизма. Что-то должно было произойти, какие-то действия должны были прорваться сквозь накопившиеся внутри русских людей обиды, злость и проклятья к лжецам и наделённым властью проходимцам. Русское восстание вызревало и в сентябре 1993 года прорвалось в центре Москвы, на Красной Пресне. Вслед за восставшим Верховным Советом восстал народ.

Все эти двенадцать дней противостояния с ельцинско-гайдаровской нелюдью я находился у Дома Советов. Я был и свидетелем, и участником этой великой, хоть и неудавшейся русской революции. Затем, после расстрела Белого Дома, всё, что я видел и знал, всё, что пережил и о чём думал в эти дни, я описал в двух статьях: "Москва, кровью умытая" и "Ритмы расстрела", которые вышли к читателям в "Молодой гвардии". Затем, в течение целого года мы в каждом номере давали статьи, очерки, письма, стихи, рассказы под рубрикой "Чёрный октябрь".

После событий 3 – 4 октября над русской прессой вновь нависла опасность разгрома. С экрана ТВ т.н. "демократы" с перекошенными от злобы лицами требовали "раздавить гадину" и ликвидировать патриотические газеты и журналы. С аналогичным обращением к Ельцину они же выступили в газете "Известия". Под этим расстрельным письмом стояли сорок две известные фамилии. Многие русские газеты действительно были закрыты.

Однако русская печать не дрогнула, более того – она стала ещё смелее и прямее. Все вещи и всех мерзавцев она ещё упорнее стала называть своими именами, несмотря на оскорбления, угрозы, доно-

сы, провокации и прямые воздействия наших идейных врагов и русофобов. Переходя из номера в номер, в "МГ" печатались совершенно уникальные для своего времени произведения, приковывавшие внимание многих тысяч русских людей, – духоподъёмные работы митрополита Иоанна (Снычева), документальные повествования Николая Кузьмина "Возмездие" и "Чёрные тюльпаны перестройки", главы романа Владимира Успенского "Тайный советник вождя", яркие литературные портреты современников, созданные Владимиром Цыбиным, Феликсом Чуевым, Валентином Сорокиным, Станиславом Золотцевым, хлёсткие публицистические статьи Валентина Распутина, Эдуарда Володина, Анатолия Ланщикова, Эдуарда Хлысталова, Виктора Илюхина, Николая Коняева, Сергея Семанова, Юрия Воробьевского, Михаила Антонова, Марка Любомудрова и многих других известных русских писателей. Это была истинная Гвардия лучших представителей народа, сражавшаяся на переднем фронте с коварным и жестоким противником.

1999 год стал для коллектива нашей редакции в прямом смысле трагическим. В мае не стало А.С. Иванова, а в октябре ушёл из жизни заменивший его А.А. Кротов. Этот тяжёлый моральный удар мог переломить направление и всю работу журнала. Нужно было брать груз ответственности на себя, чтобы сохранить влияние "Молодой гвардии" на общественное сознание России и не потерять связи с нашими испытанными, авторитетными авторами, чтобы не уронить высокой планки профессионализма в творческой и редакторской работе журнала.

Финансовое положение журнала к тому времени стало очень трудным. Денег от подписки уже не хватало на выпуск ежемесячных номеров, на выплату зарплаты, за аренду кабинетов и коммунальные услуги. Мы, новое руководство, вынуждены были пойти на кардинальные действия и серьёзные изменения в работе, потому что иначе журнал прекратил бы своё существование. Пришлось отказаться от выплаты гонораров, пришлось приступить к выпуску сдвоенных номеров, пришлось ужаться до минимума, оставив редакции лишь один кабинет на этаже, который мы занимали, ну и, само собой, пришлось сократить рабочий коллектив. Это дало нам возможность устоять, не рассыпаться в удушью атмосфере того экономического и морального гнёта, при котором нас в прямом и в переносном смысле очень хотели задуть. Погубить журнал нашим недругам не удалось. И самое главное, мы удержали поднятый вес национального издания, мы не отступили ни на шаг от ранее выбранного пути. А наши авторы, нужно отдать им должное, не отвернулись от нас, с пониманием отнеслись к проблемам журнала и продолжили сотрудничество с нами.

Прошедшие с тех пор годы стали временем невероятных жизненных и нравственных испытаний для нашего народа, для страны и для русского национального движения. Журнал наш ни разу не дрогнул, не поступился верностью русским интересам и не пошёл на службу олигархической власти, как бы нам ни было трудно все эти годы.

В 2009 году я стал главным редактором боевого и ставшего мне родным патриотического журнала, сохранившего традиции русской классической литературы.

На пути к своему 100-летию "Молодая гвардия" в течение многих десятилетий находилась на передовой борьбы за русский народ и русские национальные интересы. История этой борьбы – это история всего русского движения XX и XXI веков.

Главная задача русского национально-патриотического журнала – в каждом номере давать материалы, раскрывающие правду великой истории России и показывающие реальную действительность нашего времени как в художественной форме, так и в общественном звучании.

И русский читатель любит свой журнал. Лучшие авторы, талантливые писатели нашего времени выходят к читателям на его страницах. Здесь и современные мастера прозы – Владимир Крупин, Василий Воронов, Владимир Личутин, Павел Кренёв, Михаил Еськов, Татьяна Грибанова, Владимир Пронский, Анатолий Байбородин, Сергей Пылёв, Геннадий Карпунин, Владимир Вещунов...

Здесь и лучшие поэты России наших дней – Владимир Хомяков из Рязанской области, Александр Нестругин и Иван Щёлоков из Воронежа, Светлана Сырнева из Вятки, Андрей Попов из Сыктывкара, Анатолий Аврутин из Минска, Наталья Егорова из Смоленска, Эмма Меньшикова и Алла Линёва из Липецка, Светлана Супрунова из Калининграда, Владимир Скиф из Иркутска, Диана Кан из Оренбурга, Владимир Шемшученко из Питера, Николай Алешков из Набережных Челнов, Алексей Шорохов из Москвы...

Здесь и сильнейшие публицисты современности, и острейшие литературные критики, и переводы на русский язык поэзии национальных республик...

Журнал живёт, с прежней энергией борется с фальшью и пошлостью псевдокультурных дельцов и с подлостью русофобствующей "пятой колонны".

Свой удивительный столетний юбилей "Молодая гвардия" отмечает с прежней уверенностью в правоте своего важнейшего дела.

Редакция журнала "Краснодар литературный" сердечно поздравляет главного редактора Валерия Хатюшина, членов редакции, читателей, авторов и друзей "Молодой гвардии" с прекрасным и славным вековым юбилеем!

ОРАЗШО ПОЯНДАШОВЕВ

Краснодар

Оразшо Пояндашовев – руководитель антикоррупционной службы "КОБРА" по Краснодарскому краю, советник II ранга, почётный сотрудник КГБ СССР, кавалер 8 боевых наград, член Союза писателей России

Стратегия информационно-психологической и кибервойны противника против России на современном этапе

Сущность информационной войны – в оказании противоправного воздействия на информационные системы, совершённого в целях создания опасности причинения вреда жизни, здоровью или имуществу неопределённого круга лиц путём создания условий для аварий и катастроф техногенного характера, либо реальной угрозы создания такой опасности.

Информационная безопасность государства характеризуется степенью его защищённости и, следовательно, устойчивостью основных сфер жизнедеятельности (экономики, науки, техно-сферы, сферы управления, военного дела, общественного сознания и т. д.) по отношению к опасным информационным воздействиям, причём, как к внедрению, так и к извлечению информации.

В повседневной жизни информационная безопасность понимается лишь как необходимость борьбы с утечкой секретной информации, а также с распространением ложных и враждебных сведений. Осмысления новых информационных опасностей, особенно нанотехнологии, в обществе ещё не произошло. Не зря давно стал популярным афоризм: "Кто владеет информацией, тот владеет миром". Искусство управления мыслями, психическим состоянием, поступками людей путём потока направленной и выверенной информации совершенствовалось и накапливалось как тайное оружие правителями, государственными деятелями, спецслужбами ведущих стран мира.

Основные цели информационно-психологической войны

Цель информационно-психологической войны – ослабить духовные, моральные и материальные силы противника или конкурента и усилить собственные. Она предусматривает меры пропагандистского, психологического и дезинформационного влияния на сознание человека в идеологической и эмоциональной сферах. Очевидно, что информационная война – составная часть идеологической борьбы. Разрушения, которые наносят информационно-психологические войны в общественной психологии, в психологии лидеров, по масштабам и по значению вполне соизмеримы, а порой и превышают последствия вооружённых войн.

Главная задача информационно-психологической войны – в манипулировании массами. Цель такой манипуляции:

- внесение в общественное и индивидуальное сознание враждебных, вредных идей и взглядов;
- дезориентация и дезинформация масс;
- компрометация руководства страны, использование в случае необходимости компромата;
- ослабление убеждений, устоев;
- запугивание народа образом врага;
- запугивание противника своим могуществом.

Наконец, не менее важная задача: обеспечение рынка сбыта для своей экономики. В этом случае информационная война – составная часть конкурентной борьбы.

Информационно-психологическая война второго поколения предусматривает:

- создание атмосферы бездуховности и безнравственности, негативного отношения к культурному наследию противника, искажение его истории;
- манипулирование общественным сознанием социальных групп населения страны с целью создания политической напряжённости и хаоса;
- дестабилизация политических отношений между партиями, объединениями и движениями с целью провоцирования конфликтов, разжигания недоверия, подозрительности, обострения политической борьбы, провоцирование репрессий против оппозиции и даже гражданской войны;
- снижение уровня информационного обеспечения органов власти и управления, инспирация ошибочных управленческих решений;
- дезинформация населения о работе государственных органов, подрыв их авторитета, дискредитация органов управления;
- подрыв международного авторитета государства, его сотрудничества с другими странами. Так, Чубайс до бегства за границу заявил, что он пророчит поражение России на Донбассе. А после того,

как Украина победит Россию, идеальным вариантом была бы интеграция России в состав Украины. Через 5 дней точь-в-точь с тем же мнением выступил Саакашвили в американской прессе;

– международная изоляция страны (Куба, КНДР, Иран, Ливия, Россия, Сирия, Китай и ряд стран Латинской Америки);

– нанесение ущерба жизненно важным интересам государства в политической, дипломатической, экономической, финансовой, оборонной, культурной, моральной, социальной и других сферах – особенно здравоохранения и образования. Здесь подчёркивается: когда наши враги доведены до стадии алкоголизма, наркомана-морфиниста, то и сражаться они не в состоянии, и они сами потерпят поражение.

Информационно-психологическая война, ведущаяся против России, представляет собой комплексную технологию изменения "картины мира" противоположной стороной в заданном направлении. Под "противоположной стороной" следует понимать как отдельных лиц или группу лиц, принимающих решения на различном уровне, так и отдельные группы людей или массовое сознание народа в целом. Конечную цель информационно-психологической войны очень чётко сформулировал американский исследователь Джон Стейн в книге "Информационная война": **"Целью такой войны является разум, особенно разум тех, кто принимает ключевые решения по поводу войны и мира..."**

Информационно-психологическая война инициирует столкновение двух моделей мира – старой и новой, из которых одна, навязываемая противником, постепенно начинает доминировать над существующей. Это, в первую очередь, война когнитивная, ибо она оказывает влияние на процессы принятия решений человеком, его структуру рассуждений.

Особенностью информационно-психологической войны является то, что она базируется на коммуникативных процессах: коммуникация – основа информационно-психологической войны. В рамках стратегических коммуникаций определяется, какая информация и как должна быть проявлена, а в рамках тактических – где, когда и в каком объёме.

Отличие психологических операций от информационных заключается в том, что первые нацелены на сознание, а вторые – на контроль медиапространства. В обоих случаях операции могут осуществляться с использованием военных средств. Например, информационное доминирование противника в его собственной стране можно разрушить, разбомбив телестанции и начав вещать на привычных для населения частотах. Так действовало НАТО во время агрессии против Югославии в 1999 году. Военными средствами легко создавать панику среди гражданского населения и сеять страх среди солдат.

Как отмечают специалисты, у информационно-психологического воздействия есть ряд принципиальных особенностей.

Во-первых, информационно-психологические войны ведутся, как правило, на чужой территории, когда без ограничений пересекаются границы, осуществляется проникновение в разум противника.

Во-вторых, информационно-психологическая война ведётся так, что не оставляет видимых следов. Объекту воздействия кажется, что это он сам принимает решение, на самом же деле он оказывается ведомым другими.

В-третьих, информационно-психологическая война очень выгодна для её инициаторов, поскольку относительно небольшой объём входной информации приводит к максимально значимому результату, например, к формированию нужного общественного мнения.

В-четвёртых, для информационно-психологической войны характерна определённая "мимикрия" под объект воздействия (информация или рассуждения человека).

В-пятых, один и тот же факт в условиях информационно-психологической войны может с лёгкостью получать разные интерпретации, вплоть до диаметрально противоположных.

В-шестых, информационное воздействие в принципе всегда является переводом с одной «картины мира» на другую.

Одной из особенностей информационного пространства для ведения информационно-психологической войны является его так называемая "публичность": любые действия проводятся с целью влияния на "публику" и находят свое отражение в той или иной части информационного поля.

Высшей формой информационно-психологической войны является так называемая "консциентальная" война (т.е. война на поражение сознания). Под консциентальной войной понимается "согласованная по целям, задачам, месту и времени система информационно-пропагандистских и психологических мер, проводимых с применением средств массовой информации, культуры, искусства и других средств в течение длительного времени по тщательно разработанному сценарию". Объектом поражения и уничтожения в консциентальной войне являются определённые типы сознания: в результате такой войны определённые типы сознания должны быть уничтожены, перестать существовать, их просто не должно быть. А носители этих сознаний (тот или иной народ), наоборот, могут быть сохранены при условии, что они откажутся от форм своего сознания и как роботы выполняют задание противника.

Консциентальная война, таким образом, – это комплексная форма воздействия на народ и государство в целом.

Основная функция "консциентального оружия" состоит в том, чтобы разложить и уничтожить народ страны-мишени, который в этом случае перестаёт существовать как народ, распадаясь на индивидов – "граждан мира" или иные аморфные группы.

Специалисты выделяют следующие особенности, присущие "консциентальной войне".

Первое. Война на поражение сознания не может быть успешно осуществлена в условиях обычной регулярной крупномасштабной войны. В период наивысшего напряжения государства для достижения победы над врагом происходит тотальная концентрация всех материальных и духовных сил общества, поэтому требования к организации сознания в военное время являются достаточно жёсткими, и самоопределение людей с точки зрения противостояния противоборствующих государств не вызывает вопросов. *Любая попытка отдельных лиц или групп выйти за рамки заданного тотальной войной стереотипа "свой – чужой" воспринимается как коллаборационизм, а сами они объявляются "пятой колонной" со всеми вытекающими из законов военного времени последствиями.*

Второе. Максимальный эффект от применения "консциентального оружия" достигается как раз в условиях формального мира и так называемых локальных войн и конфликтов. В условиях мира или малых войн большинство населения страны не осознаёт тот глобальный стратегический сценарий, в рамках которого государство участвует в противоборстве геополитических сил на мировой арене для достижения своих национальных интересов. Поэтому у населения не выработано отношение к данному сценарию и практическим шагам государства по его претворению в жизнь. В этом случае действия отдельных лиц государства или групп граждан, выходящие за рамки данного глобального сценария, могут восприниматься в обществе как свободное личное поведение или "самовыражение" в рамках существующей свободы слова, а не как целенаправленные действия, связанные с уничтожением у них определённой формы сознания и заменой её другой, искусственно формируемой противником, формой. Появление лиц с "замещённым" сознанием в высших органах государственного и военного управления (так называемых "агентов влияния") при иерархической централизованной структуре системы управления может привести к катастрофическим последствиям. Здесь наглядный пример – развал СССР.

Самым ярким примером применения "консциентального оружия" против России служит, на наш взгляд, выдвижение программы "Об увековечении памяти жертв тоталитарного режима и о национальном примирении".

В предложениях открыто говорится, что "первой и главной целью программы является модернизация сознания российского общества через признание трагедии народа времен тоталитарного режима".

Искусственно созданное в России на протяжении последних 30 лет умышленное "отчуждение народа от элиты" предлагается преодолевать не за счёт экономических преобразований в интересах этого самого народа, а путём "полного признания российской катастрофы XX века, жертв и последствий тоталитарного режима, правившего на территории СССР на протяжении большей части этого века".

Чувство ответственного хозяина страны предлагается возродить не путём национализации основных жизнеобеспечивающих отраслей промышленности, загубленных "эффективными менеджерами", а "вскрывая – не только для внешнего мира, но и для самих себя – правду о том, что наш народ "сделал сам с собой" в XX веке".

Глобалисты нас призывают признать, что "вся Россия – "большая Катюнь", и "начать оказывать знаки уважения жертвам тоталитарного режима", вместо того чтобы консолидировать общество и шаг за шагом всем вместе выходить из тяжелейшего экономического кризиса, в который Россия оказалась ввергнута горе-реформаторами путём искусственной интеграции национальной экономики в общемировую, подконтрольную Соединённым Штатам Америки.

А самое главное – нам предлагают пересмотреть "нормативно-правовые акты, изданные в условиях "тоталитарного режима" с целью признания их недействующими полностью или частично. При этом "решение суда о признании нормативного правового акта недействующим повлечёт за собой утрату силы не только этого нормативного правового акта, но и других, основанных на нём нормативных правовых актов". А это – уже прямой путь к признанию "преступными" многих нормативных актов СССР, особенно предвоенного периода, и приравнивание советского строя к гитлеровскому режиму, чего в последнее время очень добивается ряд стран в Евросоюзе.

Такой пересмотр нормативно-правовых актов приведёт к фактической денонсации всей системы Ялтинско-Потсдамских соглашений 1945 года о переустройстве послевоенного мира и реально откроет путь для предъявления России как правопреемнице СССР многочисленных материальных и территориальных претензий.

О долгосрочности намерений по изменению сознания россиян свидетельствует желание авторов программы "создать современные курсы отечественной истории для средней школы, свободные от

старых и новых мифологем, поощрять и поддерживать научные исследования по отечественной истории, для чего облегчить доступ исследователей к архивным материалам, стимулировать и повсеместно развивать музейную работу, направленную на освещение трагических страниц советской истории".

Если своевременно не дать оценку данному документу с позиций "консциентальной войны" против Российской Федерации, то действия членов рабочей группы по "исторической памяти" из состава упомянутого Совета могут быть восприняты в обществе как свободное личное поведение или "самовыражение" в рамках существующей свободы слова, а не как целенаправленные действия, связанные с уничтожением у молодежи одной формы сознания и заменой её другой, искусственно формируемой.

Противодействием информационной войне может быть только ответная активная информационная война.

Бороться с прозападной пропагандой путём приведения логических аргументов абсолютно невозможно, поскольку информационная война – это своего рода "магия слова наоборот", воздействующая в большей степени на психику, чем на рациональное мышление. Она стремится не столько очернить русскую историю или культуру – это второстепенная цель и побочный эффект, – сколько "причастить" российское общество к особой прозападной либеральной мифологии, в которой – так уже сложилось – нет места ни Российскому государству, ни русской культуре, ни, в идеале, русским людям.

Никакой ответственности за свои слова в софистике информационной войны добиться невозможно. Это видно, в частности, на приведённых примерах. Поэтому необходимо вырабатывать собственную политическую, культурную, экономическую мифологию.

Огромное число западных философов, политологов, экономистов, деятелей культуры ведут непрерывную интеллектуальную и духовную борьбу против либерализма и всей логики западного пути развития человечества. Проблема России заключается в том, что она этот рычаг не использует. На сегодня она не готова к информационной войне и часто выступает жертвой информационной агрессии и клеветы.

Для того чтобы успешно вести любую войну, необходимо прежде всего чётко осознавать, для чего она ведётся, что мы защищаем. Без однозначного, ясного формулирования принципов отличного от западного проекта мироустройства, без собственной национальной идеи Россия противостоят Западу в информационной войне не сможет. Вопрос стоит об информационной войне в России, в принципе, об информационных войнах в мире, о самом понятии "информационной войны"!

Почему же Россия пока проигрывает эту войну? На мой взгляд, главная причина в том, что Россия в этой войне не наступает, а только обороняется, причём обороняется, так сказать, "на своей территории и от своих же СМИ".

Достаточно включить большинство российских телеканалов, и мы будем долго слушать и смотреть, как в России всё плохо, как она во всём отстаёт, какие чудовищные преступления творил Сталин, какая ужасная была Советская власть и после Сталина, как Российская империя и СССР угнетали несчастных эстонцев, латышей, литовцев, поляков, венгров, чехов, словаков, румын, украинцев, молдаван, грузин и тому подобное.

Как будто Центральная Россия не была разорена для того, чтобы поднимать "национальные окраины" и "братские социалистические страны", как будто против СССР не сражались в составе дивизий СС, полицейских и карательных формирований многочисленные представители европейских стран! Как будто в советских республиках и в странах Восточной Европы после Второй мировой войны не были построены сотни и тысячи заводов, фабрик, школ, университетов, больниц. Как будто Польша, Украина, Литва, страны Центральной Азии и другие не получили благодаря СССР огромные территориальные приращения!

И почти ни одного слова о том, как англичане травили газами русских на Севере во время интервенции и Гражданской войны. Как те же англичане планомерно и самоотверженно пестовали и вооружали Гитлера против СССР. Как американцы во время Второй мировой войны помогали не столько СССР, сколько нацистской Германии, где вовсю работали филиалы крупнейших американских корпораций вроде "Форд", "Стандарт Ойл", "Дженерал Моторс". Или как наши союзники США и Англия ещё в 1944 году совместно с СС Германии создали сверхсекретную организацию против СССР и коммунистических движений Европы "ГЛАДИО".

Как же, союзники навеки! Вот только, как говорится, нам не нужны самых лютых врагов, если имеешь таких союзников.

Зато на многих телеканалах мы видим безумное, бесконечное количество перестрелок, убийств, криминала, там сплошные погони, сцены ничем не оправданной (даже с точки зрения сюжета и здравого смысла) жестокости, пыток, насилия и кровавых потасовок, в которых полицейские ведут себя точно так же, как преступники. Как будто сценаристы и режиссёры сериалов не знают, что делать с героями, если их не похищают, не пытаются, не шантажируют, не арестовывают несколько раз в неделю.

В результате у самих россиян, особенно молодёжи, которая смотрит эти сериалы, возникает впечатление, что в их стране живут одни преступники, а правды можно добиться, только орудуя направо и налево автоматом Калашникова или пистолетом. Так формируется образ страны и тактика насилия у самих российских граждан, словно по заказу спецслужбы Запада.

Достаточно заглянуть в русскоязычный Интернет, и мы увидим, как там, наряду с ценнейшей информацией о том, кто из медиа-персонажей, где и как именно раздевался, всю поганят маршала Жукова, доказывают, что спасшую всё человечество Великую Победу завоевали не мы, а США и их союзники. По-видимому, особо важную роль тут сыграли Гондурас, Уругвай, Новая Зеландия и другие страны, формально числившиеся в антигитлеровской коалиции, или героически сражавшаяся в 1940 году против Гитлера Франция. Что на Западе царит сплошное райское благолепие, а Россия – это просто "Рашка" и так далее, и тому подобное.

И всё это читают подростки и молодые люди, у которых мозги ещё не сформировались и не окрепли, которые из-за обвала системы школьного и высшего образования почти ничего не знают о реальной, богатой истории, культуре и географии своей страны и других стран, которые живут преимущественно в выдуманном, "фейковом", виртуальном пространстве и не понимают, что хотят сделать с ними и с Россией.

Не понимают, что они первыми падут жертвами в случае распада России и превратятся в презираемых всеми недочеловеков, годных только на то, чтобы прислуживать "высшей расе" господ и выполнять самую грязную работу. Они не знают, что хотел сделать с Россией и русскими Гитлер по плану "Ост", и не ведают, что этот план последовательно пытаются воплотить в жизнь после Второй мировой войны американские политики, генералы, разведчики и "аналитики" вроде Джорджа Фридмана.

Кстати, украинские СМИ под чутким руководством американских кураторов довольно грамотно ведут информационно-психологическую войну против России, успешно зомбируя и собственное население, и часть российской "либеральной общественности". В этой связи становится понятным, что имел в виду Зеленский, рассказывая, как он будет вести информационную войну в Донбассе. А именно, Зеленский будет говорить о мире, встречаться с Путиным и вешать всем лапшу на уши, а тем временем украинские войска усилят обстрелы, деморализуют ополченцев и совершат в нужный момент прорыв, штурмуя Донецк и Луганск.

Основными исполнителями информационно-психологической войны названы силовые структуры Украины: Служба безопасности, Штаб антитеррористической операции, Главное управление разведки украинского Генштаба, 74-й центр ИПО (Информационно-психологических операций) Вооруженных сил Украины (ВСУ), а также 16-й отряд ИПО ВСУ. Взаимодействовать с этими структурами со стороны Запада должны: Центр НАТО по вопросам стратегических коммуникаций, Киберцентр НАТО, Командование специальных операций и 4-я группа операций информационного обеспечения Пентагона, 77-я бригада и 15-я группа психологических операций Великобритании.

С развитием Специальной военной операции ВС РФ по защите ДНР и ЛНР, выведением из строя инфраструктур на территории Украины с марта 2022 года владельцам PR-объединений и задействованным специалистам, продолжающим работать с ИССО и Центрами информационно-психологических операций ССО и СБУ Украины, предлагается переезд в Польшу "для безопасного продолжения своей деятельности" с компенсацией утрачиваемого имущества, увеличением окладов. При этом отдельным организациям предлагается реорганизация и поддержка за счёт внеочередных грантов от западных фондов на период от 3 до 8 лет.

Итак, нужно коренным образом перестраивать информационную политику, особенно ориентированную на молодёжь и на среднее поколение. Нужно сделать эту политику более жёсткой и наступательной, перестать посыпать голову пеплом и непрерывно говорить только о нынешних бедах и мнимых прошлых преступлениях России.

Нужно, наконец, понять и осознать, что против нас (и не только против нас, но и против других свободолюбивых народов) ведётся беспощадная информационно-психологическая война не на жизнь, а на смерть, война как будто бы без обстрелов и крови, но оттого ещё более опасная. До тех пор, пока мы это не поймём и не осознаем, мы сможем только ужасаться огромной убыли населения России и её развалу.

Но дело тут не только в большом количестве умерших (хотя это и важно, качество здравоохранения необходимо резко повышать, особенно качество подготовки врачей, включая и их внимание к людям), но прежде всего в том, что в России рождается всё меньше детей. А это прямой результат не только демографических волн, но и информационно-психологической войны.

Пропаганда в СМИ и в Интернете однополых отношений, "свободы от детей" (childfree), бесплодных трансгендеров, пропаганда самоубийств и диких развлечений среди подростков, пропаганда абортов среди женщин, пропаганда порнографии и растления детей, пропаганда отказа от прививок, ведущая к распространению опаснейших инфекционных заболеваний у детей и взрослых, – всё это "достижения" информационно-психологической войны. И если не противодействовать этим "достижениям", нас может постигнуть катастрофа.

России нужно выстоять в информационно-психологической войне, не только грамотно и наступательно отвечая ударом на удар, но и опережая противника. Пора перестать *благодушно относиться к проявлениям русофобии на телевидении и в Интернете*, пора в информационном плане жёстко и беспощадно бороться не только с международными террористами, но и с их истинными покровителями – спецслужбами США и Британии.

Нужно перестать объявлять советский период российской истории "чёрной дырой": в конце концов, если бы не Советский Союз, мир сейчас был бы сплошным концлагерем, а "высшая раса" арийских господ управляла бы рабами всех стран и народов. Нужно доказывать своей, российской молодежи, что её не было бы на свете, если бы мы проиграли Великую Отечественную войну и что её не будет на свете, если мы проиграем нынешнюю глобальную гибридную войну.

Комплексная гибридная война

Ещё Наполеон Бонапарт говорил, что десять газет могут целенаправленно принести больше вреда, чем целая армия. В РФ существует масса как государственных, так и частных СМИ, выражающих интересы геополитических соперников России.

Российский генералиссимус граф А.В. Суворов более двухсот лет назад в своей книге "Наука побеждать" говорил: "Каждый солдат должен понимать свой манёвр". Именно непонимание большинством россиян манёвров нашей (усердно служащей "транснациональному сообществу") так называемой "интеллектуальной элиты" во многом объясняет те проблемы и негативные явления, с которыми сталкивается российское общество вот уже более 30 лет, начиная с "нового мышления" М. С. Горбачёва.

Комплексная гибридная война – совокупность методов военно-силового, политико-дипломатического, финансово-экономического, информационно-психологического и информационно-технического давления, а также технологий "цветных революций", терроризма и экстремизма, мероприятий спецслужб, формирований сил специального назначения, сил специальных операций и структур публичной дипломатии, осуществляемых по единому плану органами управления государства, военно-политического блока или ТНК.

Классическое определение термина "гибридная война" определяет этот вид боевых действий, как вид враждебных действий, при котором нападающая сторона не прибегает к классическому военному вторжению, а подавляет своего оппонента, используя сочетание скрытых операций, диверсий, кибервойны, а также оказывая поддержку повстанцам, действующим на территории противника.

Однако, на мой взгляд, более точное определение термина "гибридная война" предложил Президент Соединенных Штатов Америки Джон Кеннеди в 1962 году: **"Есть другой вид военных действий, новый по методам, старый по происхождению – война партизан, диверсантов, наёмников, убийц; война засад вместо открытых столкновений, инфильтрации вместо открытой агрессии, добывающаяся победы изнурением и распылением врага вместо подавления его. Она полагается на восстание"**.

Итак, гибридная война – это нетрадиционный вид боевых действий, я подчеркиваю, именно боевых действий, которые осуществляются в целях оказания помощи движениям сопротивления или мятежникам принудить, разрушить или сбросить Правительство, или оккупационную силу с помощью действий подполья, иностранных наёмников или партизанских сил на территории противника.

Подходы США к нетрадиционным гибридным военным действиям базируются на использовании политической, информационной, кибернетической, военной, экономической и психологической уязвимости противника путём формирования оппозиционной силы сопротивления в целях достижения стратегических целей США.

А как мы знаем, цель США – это достижение глобального лидерства и превосходства над своими противниками, к коим мы и отнесены. В частности, это положение России по отношению к США в очередной раз было закреплено в законе о финансировании министерства обороны США на 2019 финансовый год, так называемый National Defense Authorization Act.

Начиная гибридную войну, сторона ставит перед собой цель полностью или частично дезинтегрировать государство-противника, качественно изменить его внутри- или внешнеполитический курс, заменить государственное руководство на лояльные режимы, установить над страной внешний идеологический и финансово-экономический контроль, хаотизировать и подчинить диктату со стороны других государств.

Говоря о современном этапе развития международных отношений, стоит отметить мощный политический, информационный и экономический прессинг со стороны Запада в отношении России. Это и является составной частью западной стратегии гибридной войны, нацеленной на дезинтеграцию евразийского пространства, создание хаоса и нестабильности в Евразии и в целом мире.

Инструменты в практике ведения гибридных войн:

- Информационные операции. Они проводятся с целью воздействия на органы государственного и военного управления противника, чтобы ввести его в заблуждение, нарушить обмен данными и спровоцировать на принятие выгодных для него решений;
- Психологические операции. Этот инструмент направлен на подавление морально-психологического состояния населения и боевого духа личного состава ВС противника. В обществе создается атмосфера недоверия, формируется мотивация к деструктивным действиям;
- Кибернетические атаки на государственную и коммерческую инфраструктуру проводятся с целью выведения из строя или затруднения работы критически важных объектов противника, а также получения несанкционированного доступа к "чувствительной" информации;
- Экономические санкции, прекращение инвестиций;
- Этническое оружие;
- Организационная, финансовая и информационная поддержка оппозиционных движений, деструктивные действия "агентов влияния", внедрённых в высшее звено структуры власти.

Основными принципами ведения гибридной войны являются стратегическое планирование, координация, взаимодействие, своевременность, внезапность и скрытность.

Да, Россия располагает некоторым потенциалом, который позволяет ей отчасти решать вопросы в области кибернетической, информационно-психологической и ментальной безопасности. Однако тех методов и подходов в противодействии нетрадиционным гибридным военным действиям, которыми Россия располагает сегодня, явно недостаточно для того, чтобы с должной эффективностью парировать те вызовы и угрозы, которые исходят из США. А при этом нам нужно не только защищаться от США в рамках территории своего государства, нам нужно бороться и конкурировать с американцами и во всем остальном мире.

Именно поэтому, когда Министр обороны Российской Федерации Сергей Шойгу говорит о необходимости создания мощной и эффективной защиты от гибридного посягательства США на безопасность нашего государства, я считаю, что в рамках Министерства Обороны необходимо создание высокопрофессионального специализированного подразделения, которое возьмёт на себя функции новой операционной среды национальной безопасности России. Борьбу за безопасность и лидерство России нужно поставить на совершенно новые высокотехнологические рельсы.

Недавно США и Британия открыто признались, что активно ведут информационную и кибервойну против России. Конечно, сам по себе этот факт не стал ни для кого сенсацией: уж на сей счёт иллюзий никто особо и не питал. Но признание лорда Марка Седвилла стало первым публичным подтверждением диверсий официального Лондона против нашего государства из уст британского высокопоставленного деятеля.

Причём Седвилл наверняка в курсе соответствующих операций, поскольку сам он до недавнего времени был советником премьер-министра по национальной безопасности и одновременно руководил всем бюрократическим аппаратом правительства. Известно, что помимо официальной дипломатической карьеры, Седвилл служил и офицером в МИ-6.

Он сказал, что Британия наносит удары по России в киберпространстве. "Тот факт, что вы не видите, как мы используем это, не означает, что мы этого не делаем", – откровенно заявил Седвилл. Кроме того, он сообщил, что "Британия провела серию секретных атак против российских лидеров и их интересов, охотится на собственность и счета российских олигархов".

Само собой, все прекрасно понимают, что в наше время кибероружие и киберслежка используются повсеместно. Причём не только против соперников, но и в отношении союзников. Чего стоит только скандал с многолетней прослушкой телефона канцлера Германии Ангелы Меркель, которую осуществляли американские спецслужбы. Смешно предполагать, что они не пытались гораздо более активно следить за Россией и до Скрипалей.

Здесь чётко вырисовывается, что западные спецслужбы давно уже ведут секретную и очень грязную войну против России, используя дезинформацию, кибератаки, шпионаж и откровенные диверсии, и понятно, что британцы играют в этой войне далеко не последнюю роль.

Но до сих пор прямые участники этой кампании постоянно отрицали данный факт, утверждая, что российские обвинения против них вызваны "паранойей", которая, дескать, является "религией в России Путина". Спасибо лорду Седвиллу за излишнюю откровенность. Теперь у Москвы есть на кого ссылаться, когда речь зайдёт об очередной антироссийской провокации, и мы сможем предположить, кто стоит за очередным фейком о России или за очередной загадочным "отравлением" типа Виктора Ющенко, Сергея Скрипаля, его дочери и других россиян.

В 2009 года Джордж Фридман, глобалист, руководитель агентства "Стратфор", который активно участвовал в организации майдана и госпереворота на Украине, написал книгу под весьма многозначительным названием "Следующие 100 лет. Прогноз на 21-й век". В этой книге он, в частности, предсказал, что в ходе новой холодной войны (напомним, что в 2009 году пока никакой новой холодной войны ещё не было!) вскоре после 2020 года Россия распадётся так же, как она распалась в 1917 и в 1991 году.

Он даже обратил внимание на те болевые точки России, которые вызовут её распад при любом ослаблении центральной российской власти в результате организованных смут и "цветных революций": это Северный Кавказ, Поволжье, Сибирь, Украина, Беларусь и Центральная Азия.

Эти "прогнозы" Фридмана подтверждают, что писал он не о них, а о реально разрабатываемых в США планах глобалистов по дестабилизации и расчленению России и Китая сразу после 2020 года.

Ориентироваться нужно на самих себя, на свой опыт, на свою историю и культуру, на свои традиции и ценности. Учиться надо у всех, но действовать при этом по-своему, сохраняя свою самостоятельность и отбивая постоянные информационно-психологические атаки.

Джордж Фридман так прямо и писал: "США будут править миром весь 21-й век, который станет для Соединенных Штатов "золотым веком", а на роль региональных лидеров вместо России и Китая будут претендовать Польша, Мексика, Турция, Япония. Бред? Нет, не бред, а вполне реальные расчеты американских "партнёров" и прочих "вершителей судеб мира"".

Пора по полной разоблачать прошлые и нынешние заговоры против России. Не спускать таким персонажам как Тереза Мэй, Джо Байден, Борис Джонсон, Анджей Дуда или комик Владимир Зеленский, их чудовищную клевету и провокации в наш адрес. Для этого важно создавать и поддерживать по-настоящему информативные и реагирующие на информационные диверсии сайты и блоги в Интернете, нужна интеллектуальная мобилизация российских граждан, образованность, ответственность и высокий профессионализм российских журналистов, блогеров, а также других людей, работающих в Интернете. Пока что всего этого нам явно не хватает.

Время работает против США, нынешней модели Евросоюза, против мирового глубинного государства. Постепенно, но неотвратимо происходит перемещение центра тяжести мировой экономики и политики с Запада на Восток, из Атлантики в Азиатско-Тихоокеанский регион.

России в ближайшие годы необходимо во что бы то ни стало выдержать информационно-психологическое и политическое давление извне и изнутри, перестать ориентироваться преимущественно на Запад, ожидать от него "дружбы", уступок и соглашений. Ничего этого в ближайшие годы не будет, и с этим придётся смириться. Как говорил Александр Невский, "надо крепить оборону на Западе, а друзей искать на Востоке", но при этом уклоняться от слишком тесных объятий.

При этом сейчас самым принципиальным, вероятно, является вопрос о необходимости разграничения понятий "информационная война" и "кибервойна", то есть применения этих форм противоборства даже в условиях мирного времени. Действительно, эти два элемента гибридных войн могут применяться не только одновременно, но и в плотной согласованности друг с другом; при этом, с точки зрения механизмов принятия соответствующих решений, в том числе, и решений об ответных действиях, это принципиально различные явления.

Кибервойна против России

Кибервойна (англ. cyberwarfare) – это война и противостояние в кибернетическом пространстве, в том числе, компьютерное противостояние в Интернете, одна из разновидностей информационной войны. Направлена прежде на дестабилизацию компьютерных систем и доступа к Интернету государственных учреждений, финансовых и деловых центров и создание беспорядка и хаоса в жизни стран и государств, которые полагаются на Интернет в повседневной жизни. Межгосударственные отношения и политическое противостояние часто находят продолжение в Интернете в виде кибервойны и её составных частей: вандализме, пропаганде, шпионаже, непосредственных атаках на компьютерные системы и серверы и так далее.

В 2009 году было создано Американское киберкомандование (United States Cyber Command) – специальное военное подразделение для проведения именно военных операций в киберпространстве. Оно оказалось первым в мире подразделением подобного рода. К 2018 году такие подразделения уже имели 67 стран, из них 23 – страны НАТО. С первых дней создания подразделение стало вести весьма активные действия, причём не только против потенциальных противников, но и против союзников! США в течение последних 10 лет провели кибератаки на 403 цели в 47 странах и регионах мира, включая Китай, Великобританию, Германию, Францию, Польшу, Японию, Индию, Республику Корея, Объединённые Арабские Эмираты, Южную Африку и Бразилию.

Центр передового опыта НАТО в области энергетической безопасности (NATO Energy Security Centre of Excellence) Литва) был создан в Вильнюсе 10 июля 2012 года на базе Центра энергетической безопасности Литвы.

25-28 мая 2021 года прошла уже тринадцатая конференция этого Центра, объединившая более 800 участников из 57 стран мира.

Хотя официально Центр не направлен против какого-либо государства и нацелен на оборону от кибератак, как отмечается в авторитетном российском военном ежемесячном журнале "Зарубежное военное обозрение", "ряд зарубежных экспертов полагают, что основной его задачей является выведение из строя вычислительных сетей критически важных объектов и инфраструктуры России с це-

лю нарушения функционирования систем государственного управления, финансовых институтов, предприятий, электростанций, железнодорожных вокзалов и аэропортов".

Как отмечал на конференции, в ходе которой был открыт Центр в августе 2015 года, европарламентарий, бывший министр обороны Латвии Арти Пабрикс: "Мы можем сказать так: с коммуникацией или пропагандой возможно выиграть войну без войны. То есть, мы должны только, скажем так, переубедить людей, чтобы они потеряли свою волю, не хотели защищаться, ненавидели своё государство".

Необходимо повышать защищённость информационных систем и сетей связи в государственных органах России. Проведённые в 2021 году комплексные проверки показали, что большинство действующих там ресурсов уязвимы для массированных атак противника, для деструктивного внешнего воздействия, тем более, при использовании зарубежных технологий последнего поколения.

Кибератаками военные действия в киберпространстве не ограничиваются. Активно проводится кибершпионаж. Частично масштаб этого шпионажа был раскрыт Эдвардом Сноуденом. Программа PRISM позволяет США анализировать почти всю деятельность, ведущуюся через сервисы Google, Apple, Microsoft, Facebook.

Далее ускоренными темпами развивается киберсаботаж. Классический пример – киберсаботаж против иранской ядерной программы через внедрённое в микроконтроллеры программное обеспечение Stuxnet. Нарушение экономических связей, например, блокирование бухгалтерских программ с помощью вирусов-вымогателей. И, наконец, киберпропаганда: целенаправленное массированное распространение фальшивых новостей и слухов через социальные сети и специальные медиа.

Кибервойны представляют собой целенаправленное воздействие (в виде различных программных кодов) на различные материальные объекты. Данное воздействие своей конечной целью может иметь вывод объекта из строя, нарушение работы объекта или полный переход объекта под управление противника.

В любом случае, в отличие от информационной войны, которая может длиться годами, кибервойна может мгновенно привести к непоправимым разрушениям. Достаточно вспомнить Чернобыль, чтобы понять, к чему может привести сбой в аэропортах, на железнодорожных вокзалах, на атомной или гидроэлектростанции.

Важно начать работать над кардинальным снижением рисков, связанных с использованием зарубежных программ, вычислительной техники и телекоммуникационного оборудования, то есть, осуществлять переход на отечественную технику, технологии, программы и продукты.

Утром 24 февраля Президент России Владимир Путин выступил с экстренным заявлением, объявив о начале специальной военной операции для защиты Донбасса. В тот же день хакерская группировка Anonymous без промедления объявила кибервойну российскому правительству, сообщив об этом в соцсети; против России выступили и другие хакерские группы и отдельные взломщики. При этом другие группы встали на сторону Москвы.

В тот же день начала спецоперации Национальный координационный центр по компьютерным инцидентам, созданный по приказу руководства ФСБ России, предупредил об угрозе увеличения интенсивности компьютерных атак на российские информационные ресурсы.

"На фоне специальной военной операции по защите ДНР и ЛНР, демилитаризации и денацификации Украины США и их сателлиты предпринимают массированную кибероперацию против нашей страны. Фактически ежедневно мощным ударам с применением продвинутых информационно-коммуникационных технологий подвергаются государственные учреждения, средства массовой информации, объекты критической инфраструктуры, системы жизнеобеспечения. С подачи киевского режима объявлен "международный призыв" антироссийски настроенных специалистов-компьютерщиков, по сути дела формирующих "наступательные киберсилы", а по содержанию – международные террористические кибербанды. Счёт на вредоносные атаки против нас идёт на сотни тысяч в сутки.

"Количество кибератак на российскую информационную инфраструктуру все последние годы постоянно растёт – именно все последние годы, ну а с началом специальной военной операции в Донбассе, на Украине, вызовы в этой сфере стали ещё более острыми и серьёзными, более масштабными. По сути, против России развязана настоящая агрессия, война в информационном пространстве", – заявил Путин, обращаясь к членам Совбеза.

Указанными кибербандами непрерывно предпринимаются целенаправленные попытки вывести из строя интернет-ресурсы объектов критической информационной инфраструктуры России, включая СМИ, финансовые учреждения, социально значимые порталы и сети, официальные сайты органов власти и корпоративные сети ведущих российских компаний. Конечно, за этими кибератаками могут стоять серьёзные внешние силы Запада.

Перемонтированные кадры компьютерной игры, где в воздушном бою якобы поражается истребитель МиГ-35. Мифический украинский ас "Призрак Киева", сбивший невероятное количество самолётов. Девушка, мужественно бросающая коктейль Молотова якобы в колонну российских танков – снято аж с двух точек: одно видео из её машины. Правда, при детальном просмотре выясняется, что

это вовсе не колонна, а трактор, тянущий на прицепе что-то военное. Вот ещё раз, помедленнее. Трактор буксирует металллом, который зачем-то поджигает девочка. Заодно чуть не сгорает сама. У видео сотни тысяч просмотров. При этом вся эта лживая информация тут же подхватывается западной прессой.

Против России ведётся масштабная кибервойна, которая продолжается уже несколько лет, а в этом году стала ещё агрессивнее, заявил Президент страны Владимир Путин на заседании Совета безопасности 20 мая 2022 года.

Для сравнения: всего в 2020 году нашими спецслужбами было выявлено тридцать пять тысяч фейков, а в 2022 году только за два месяца – без малого миллион четыреста тысяч фейков!

"Кратно, в разы, увеличилось число кибератак, в том числе комплексных. Как отмечают специалисты и эксперты, хакерам-одиночкам это, конечно же, не под силу. Атаки проводятся из разных государств, и при этом они чётко скоординированы. По сути – это действия государственных структур, и мы знаем с вами, что в состав армий некоторых стран уже вполне официально входят кибервойска", – заявил российский лидер.

"При этом в ход идут самые современные алгоритмы и комбинированные технологии. Применяется всё более сложное программное обеспечение, способное поражать устройства, использующие различные операционные системы", – добавил Президент.

Одновременно глава государства подчеркнул, что Россия успешно противостоит внешнему кибервоздействию, благодаря своевременно проведённой подготовительной работе.

"Но уже сегодня можно сказать, что киберагрессия против нас, как и в целом санкционный наскок на Россию, провалилась. В целом мы были готовы к этой атаке, и это результат той системной работы, которая велась все последние годы", – заявил Путин.

Обращаясь к членам Совбеза, президент призвал сосредоточить усилия на трёх направлениях работы.

Постоянно, в режиме реального времени, совершенствовать и донастраивать механизмы обеспечения информационной безопасности критически важных отраслевых объектов, от которых зависит обороноспособность страны, экономика и социальная сфера. По словам Путина, "на трети подобных объектов нет структурных подразделений по защите информации", что должно быть исправлено.

Понять механизм массового изготовления фейков достаточно просто. Центр принятия решений, откуда и ведётся информационное нападение на нашу страну, находится не на Украине. Один центр был в украинских Броварах, но его уничтожили в первый же день операции российских войск.

"В настоящее время один из такого рода центров по производству лжи сформирован и действует под присмотром спецслужб США в Польше. Одновременно в странах прозападной ориентации дан старт бесстыжей и позорной для подлинно цивилизованных людей войне со всем, что имеет отношение к русскому миру", – говорит глава комиссии СФ по защите государственного суверенитета и предотвращению вмешательства во внутренние дела РФ Андрей Климов.

Именно оттуда и идут задания по всему миру. Естественно, ищут русскоязычных исполнителей. Вербуются молодые люди, которые со своих аккаунтов должны распространять ложь. Это реальное техническое задание.

Цель – непосредственно набрать специалистов из России, которые будут под заказ выполнять данные задания. И это, конечно, оплачиваемо. Ребята, которые берут эти задания, думают, что, мол, я заработал 100-500 рублей, и всё. Я же просто выполню какое-то задание. Но они не видят в масштабе, они не сознают меру ответственности.

Продолжают врать, причём и россиянам, которым приходят в последние дни постоянные и многочисленные звонки и СМС на личные телефоны – сотрудникам Первого канала, например, с призывом "выходить на площадь".

Преследуемая цель распространителей фейков понятна. Главная задача – дезориентация российского общества и остающейся части западного мира, понимающего, что борьба идёт не с Украиной, а с фашиствующими там молодчиками. И акцент спецподразделения той самой империи лжи, о которой говорил Владимир Путин, делают сейчас на это. Со своим населением украинские спецслужбы уже, к сожалению, справились.

Активизация информационно-психологической и кибервойны против России с использованием Украины

"Украина при поддержке США мобилизовала кибервойска для нанесения ущерба российской инфраструктуре. При содействии Пентагона и спецслужб США мобилизована украинская IT-армия под задачу нанесения ущерба инфраструктуре России и её союзников", – заявил заместитель министра иностранных дел РФ Олег Сыромолотов 26 мая в комментарии ТАСС.

Представитель МИД РФ добавил, что США продолжают наращивать информационное пространство Украины с военными целями и уже участвуют в учениях НАТО по кибервойне против России.

"С подачи Вашингтона в апреле 2022 года представители режима Украины, не являющейся участником НАТО, впервые участвовали в киберучениях альянса "Локд Шилдс", в ходе которых отрабатываются сценарии ведения кибервойны против России", – сказал он.

Ещё в феврале 2020 года по стандартам НАТО были созданы Командование объединённых сил, Командование медицинских сил, Командование сил поддержки и Командование войск связи и кибернетической безопасности ВСУ. Кибернетическую структуру возглавил генерал-майор Евгений Степаненко.

Пока не совсем понятно, останутся ли центры информационно-психологических операций в составе Сил специальных операций или перейдут в подчинение ведомству генерала Степаненко. По крайней мере, в марте командование войск связи и кибербезопасности выставило тендер на закупку ста ноутбуков с лицензионным программным обеспечением и 48-дюймовыми панелями отображения информации.

Кстати, источники в ЦИПСО подтверждают информацию о грядущей реорганизации. На базе центров планируется создать несколько подразделений по примеру киберцентров НАТО. Оборудование должно быть поставлено уже в июле на 1899-ю центральную базу ремонта и хранения средств связи (в/ч А0476), расположенную в Киеве.

Помогать украинским военным в вопросах оснащения и обучения киберцентров будет Литва. В этой стране подобный киберцентр НАТО был создан на постсоветском пространстве одним из первых. В сентябре планируется отправить в США группу украинских офицеров для обучения на курсе под названием "Украина Peer-to-Peer. Дезинформационный вызов" по противодействию "российской пропаганде и дезинформации".

Кстати, программу организует американское агентство "EdVenture Partners", которое по официальной информации обучает использованию киберпространства в маркетинговых целях. Но у этой таинственной компании почему-то в партнёрах находятся Федеральное Бюро Расследований и компания Фейсбук, которая совместно с Госдепом финансирует агентство. Установлено, что именно "EdVenture Partners" является "фабрикой троллей" – крышей американских спецслужб ФБР.

В последние годы НАТОвские чиновники активно взялись за ремонт украинских военных аэродромов. Планируют эти лётные площадки и ангары в будущем использовать исключительно авиационными подразделениями Альянса. На это указывает тот факт, что слушателями курсов "Peer-to-Peer" станут курсанты Харьковского национального университета Воздушных сил и сотрудники отдела координации стратегических коммуникаций и мониторинга Командования воздушных сил ВСУ. Значит, лётчики без самолетов будут служить в информационно-психологических и кибервойнах против России.

Ход Специальной военной операции ВС РФ по защите ДНР и ЛНР, уже ставшей самыми крупными межвидовыми военными действиями последнего десятилетия, проявил все "сферы" современного конфликта. При этом, наряду с "классическими" средствами противостояния, активное применение получила информационно-психологическая или когнитивная сфера, не ограниченная территориями государств, прямо вовлечённых в конфликт, а затрагивающая все существующие военно-политические альянсы, через так называемые "серые зоны" с участием сил специальных операций.

На территории Украины сегодня развёрнута система центров, ориентированных на проведение информационных операций на постсоветском пространстве. Её инфраструктура включает в себя как структуры Министерства обороны Украины и специальных служб в Житомире, в киевских Броварах, во Львове и в Одессе, Центры информационно-психологических операций ССО Украины, так и объединения различных фондов, гуманитарных и неправительственных организаций.

Сегодня для поддержки координации и поддержки структуры Центров информационно-психологических операций ССО и СБУ Украины привлечён ряд батальонов информационно-психологических операций ВС США, сформированный в группу под названием Military Informational Support Operations Group в составе 7 батальонов и 2 отдельных групп.

Именно Military Informational Support Operations Group и Разведывательное сообщество США (United States Intelligence Community, IC) обеспечивают взаимодействие Центров информационно-психологических операций ССО и СБУ Украины с инфраструктурой Североатлантического Альянса – Разведывательно-ситуационным центром ЕС, Центром кибернетических операций в Варшаве, Центром передового опыта в области стратегической коммуникации Латвии, Европейским Центром передового опыта по противодействию "гибридным" угрозам Финляндии), Центром передового опыта НАТО в области киберзащиты Эстонии, Центральной группой психологических действий Польши.

Конечная цель миссии США в Европе состоит в том, чтобы убедить вражеские, нейтральные и дружественные страны и силы предпринять действия, благоприятные для Соединённых Штатов и их союзников. В ряды этой миссии входят региональные эксперты и лингвисты, которые разбираются в политических, культурных, национальных, этнических и религиозных тонкостях и используют убеждение, чтобы влиять на восприятие и поощрять желаемое поведение.

Кроме того, на Украине сегодня действует ряд проектов, где готовят гражданских активистов, специалистов гуманитарных миссий, оппозиционных политиков и журналистов. Обучение проходит как на самой Украине, так и в США, странах Европы – Литве, Эстонии, Финляндии, Швеции и Великобритании. При этом координация военно-политической и гражданской составляющей обеспечивается за счет частных подрядчиков небезызвестного Агентства США по международному развитию (USAID).

Приоритетными направлениями государственной политики России по противодействию информационно-психологическим атакам считаю следующие:

1. Формирование эффективных механизмов воздействия на общество и личность, направление информационных потоков на содействие достижению стратегических интересов России, противодействие информационным атакам невозможны без совершенствования законодательства, регулирующего отношения в информационной сфере, совершенствования правоохранительной и судебной деятельности в области обеспечения безопасности интересов граждан, общества и государства в информационной сфере.

2. Совершенствование новейшего технологического обеспечения информационной безопасности, средств защиты информации, проведения оперативно-следственных мероприятий, включая нормативное обеспечение процессов их создания, распространения и использования.

3. Подготовку высококвалифицированных кадров по информационному противодействию для силовых структур, военной и гражданской сфер.

4. Оружие, созданное на базе технологий психологического воздействия, обладает значительно большей поражающей, проникающей и избирательной способностью, чем современные виды традиционного оружия. Относительно низкая стоимость создания и распространения такого оружия, по сравнению с традиционным, сложности с созданием коалиции государств против агрессора, развязавшего информационную войну, широкое развитие Интернета диктуют государству необходимость разработки и осуществления целенаправленной политики по повышению устойчивости социальных слоёв, особенно молодежи, к негативному информационному воздействию, выработке гражданской ответственности. Решению этих проблем могут содействовать регулярные президентские радио- и телеобращения к россиянам, официальные правительственные заявления для печати, выпуск информационных бюллетеней с изложением альтернативных предложений и обоснованием выбора тех или иных точек зрения при принятии политических решений. Формированию патриотизма, гражданской ответственности и солидарности должно способствовать изучение и преподавание социально-гуманитарных наук, телепередач по ТВ, которые учат анализировать противоречивые социально-политические реалии, события, факты, ориентироваться в общественно-политических процессах, делать осознанный выбор, в том числе информационный, отбирать и дозировать важную и точечную информацию и т. д. Исследования и практика свидетельствуют: чем выше уровень политической осведомлённости, общей и политической культуры человека, тем более он разборчив в получаемой информации, устойчив к внешним воздействиям, поскольку у него сформирована способность критически осмысливать потребляемую информацию и происходящие события, вырабатывать собственные взгляды, оценки, позиции.

5. На основе анализа военных действий и освещения хода войны на Украине в зарубежных СМИ необходимо создать специальные информационно-психологические кибервойска, которые активно и наступательно будут работать на внешнюю и внутреннюю аудиторию. В их состав могут войти известные аналитики, представители разведки, военные, СМИ, эксперты, экстрасенсы, журналисты, дипломаты, писатели, публицисты, переводчики, хакеры, сотрудники связи, веб-дизайнеры и др.

6. В век глобализации от надёжности обеспечения информационной безопасности зависит национальная безопасность суверенных государств. Причём в ходе научно-технического прогресса и информационной революции эта зависимость будет только возрастать. Следует отметить, что за последнее время в России был реализован широкий комплекс мер по совершенствованию системы обеспечения информационной безопасности. Однако известно, что в ряде стран не только ведётся интенсивная разработка различных концепций информационных войн, но также создаются особые средства опасного воздействия на информационную инфраструктуру других государств, способные нарушить работу информационных и телекоммуникационных систем для получения свободного доступа к их информационным ресурсам. В частности, США продолжают разработку новых проектов воздействия на информационную инфраструктуру Российской Федерации, а также ведения информационно-технической войны, кибервойн, информационно-психологической войны, провоцирования "цветных революций", применения технологий "управляемого хаоса" против нашей страны. Поэтому в условиях дальнейшего ужесточения антироссийских санкций и потенциальной угрозы отключения России от Интернета необходимо создавать независимый Рунет, форсировать развитие отечественных информационных технологий, чтобы не быть зависимыми от Запада.

7. В политической практике минимизировать опасность от крушения традиционных государственных границ при проведении информационных операций призвана эффективная государственная

информационная политика. Наряду с функциями распространения знаний, информационно-аналитического сопровождения принятых государством решений, доведения их до населения, анализом и прогнозом в сфере современных информационных потоков и т. д. её цель, хотя и не всегда декларируемая, – заранее заблокировать информационные кибератаки противника.

8. В долгосрочной же перспективе успех в информационном противостоянии будет определяться, как представляется, прежде всего динамичным развитием страны по инновационному пути, улучшением качества жизни и повышением благосостояния населения, уменьшением бедности и сокращением неравенства. Собственно, речь идёт о реализации национальных целей развития России на период до 2030 года, установленных Указом Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 года.

9. В этой связи необходима, например, концепция информационно-психологического обеспечения действий Президента России, которая должна быть органичной частью всей информационной политики. Формирование позитивного имиджа политики Президента России должно стать одним из приоритетных направлений деятельности руководства страны, отчасти гражданского общества России.

10. Сегодня война идёт за умы и сердца людей. Учитывая активизацию противника по дискредитации российской истории в целом, вклада России в разгром фашизма и освобождение Европы в частности, на государственном уровне необходимо объединить усилия различных ведомств, представителей науки, экспертов по противодействию попыткам фальсификации истории и нанесению тем самым ущерба национальным интересам страны. Деятельность во внешнем медиапространстве различных комиссий, советов, структур, призванных содействовать этому, должна носить системный, скоординированный, наступательный и долгосрочный характер, а принятые ими решения и отчёты должны чётко освещаться в СМИ.

11. Необходимо выстраивание конструктивных отношений власти и гражданского общества, в том числе в информационном поле, ускорение процесса информатизации страны, повышение эффективности функционирования "электронного правительства", повышение компьютерной грамотности граждан и чиновников, создание единого информационного пространства страны.

12. Информационно-коммуникативные технологии пока не стали важным инструментом профессиональной и повседневной жизни населения. Большинство граждан России до сих пор не имеют возможности ознакомиться с информацией, определяющей их права и обязанности, регулирующей их поведение в повседневной жизни с минимальными затратами сил, времени и средств, что в определённой степени сдерживает их позитивную общественную активность, формирование информационной культуры в обществе. Часть федеральных денег, выделенных на программу, использовано не по назначению, внедрение "электронного правительства" идёт с большим трудом, многие городские и сельские школы испытывают дефицит компьютеров и т.д. Подобные перекосы в определённой степени обусловлены тем, что компьютерной техникой и информационными системами обеспечивались в первую очередь управляющие структуры, органы власти в ущерб информатизации деятельности по оказанию услуг населению, бизнесу, реальному использованию ИКТ в сферах образования, здравоохранения, культуры. Например, в режиме "Одного окна" автоматизирована выдача лишь 16 типов документов из 165, то есть примерно всего 10%.

13. Возобновление активного и широкого диалога с консервативным большинством – опорным электоратом действующей власти.

14. Коренным образом активизировать возможности неправительственных и различных общественных организаций в глобальной сети Интернет для доведения до российской и международной общественности достоверной информации на различных популярных иностранных языках об истории, культуре страны, а также современной государственной политике Российской Федерации, её официальной позиции по социально значимым событиям российской и международной жизни.

15. Необходимо в рамках ШОС и во взаимодействии с другими дружественными странами мира создать Мозговые Центры – специальные организационно-управленческие и аналитические структуры для эффективного противодействия информационной агрессии противника.

16. Перезагрузку молодёжной политики в плане комплексного военно-патриотического воспитания подрастающего поколения.

17. В целях разрушения информационного доминирования противника в его собственной стране в военное время целесообразно уничтожить телестанции в центральных городах Украины и начать вещать на привычных для населения частотах реальную и выгодную нам информацию.

МАРИЯ ТИМКИНА

Амурская область

Тимкина Мария Егоровна родилась 1 февраля 1951 года в казахстанском селе Владимировка. Сочинительством увлекалась ещё со школьных лет: была редактором классной стенгазеты, затем школьной.

По образованию – учитель начальных классов. С 1987 года живёт в селе Антоновка Архаринского района Амурской области, ветеран труда – проработала в сельской библиотеке 26 лет.

Неоднократный участник и победитель международных, областных и районных литературных конкурсов в номинации "Проза". Издала три сборника рассказов "Детство всегда с нами" (2014), "С любовью не шутят" (2016), "Удивляясь – удивлять" (2022).

Публикуется в местных СМИ, в изданиях Ставропольского края, Кемеровской и Амурской областей.

Является членом Архаринского литературно-музыкального клуба "Вдохновение" при Архаринской межпоселенческой библиотеке.

САМЫЕ СЧАСТЛИВЫЕ МИНУТЫ

Рассказ

– Пап, почитай сказку. Ну, почитай! – канючит Любка.

– Ладно, липучка, – соглашается отец.

Он доволен, что дочери нравятся книги. Кроме него, ей читать некому. Мать закончила три класса ликбеза, читает не так быстро и выразительно, как он, и постоянно занята какой-то домашней работой. Брат Васька днями пропадает на улице и когда вечером садится за уроки, просить его об этом бесполезно. У сестёр свои взрослые интересы и занятия.

Любка поудобнее устроилась на любимой деревянной кровати. Отец вынес из горницы большую яркую книгу.

– Новая книжка! – обрадовалась она.

– Эту книжку наш лучший поэт написал, зовут его Александр Сергеевич Пушкин, – сказал отец и принялся читать "Сказку о рыбаке и рыбке".

Любка слушала с раскрытым от удивления ртом. "Как складно этот Пушкин пишет", – подумала она. Когда отец дочитал до конца, сказала:

– А те, не наши сказки, которые раньше слышала, были нескладные какие-то.

– Пушкин сочинил сказки в стихах, а стихи рифмуются, имеют похожие окончания, поэтому складными от этой рифмы становятся. Поняла? – попытался объяснить отец.

Любка не совсем разобралась в таком объяснении, но вспомнила, что Васька учил наизусть что-то складное. "Значит, и то, что учил он, тоже называется стихом. Выходит, не один Пушкин стихи придумывал", – пришла она к такому выводу.

– Поняла, почему стихи складные, – сказала дочь и тут же огорошила отца:

– Только мне совсем, ну просто нисколько не понравилась сказка.

– Это почему же? – очень удивился отец.

– В этой сказке всё хорошо должно закончиться, как в тех, что ты раньше читал. А здесь получилось плохо: старуха опять осталась со своим разбитым корытом.

Отец поразился наблюдательности дочери и объяснил ей:

– Пушкин специально так написал, чтобы жадных проучить. Старуха была жадной, ей хотелось всего больше и больше, вот и осталась с тем, что имела.

Любка ещё долго рассматривала картинку с очень жадной старухой, потом вынесла ей свой приговор:

– Что, допросилась? Стирай своё бельё теперь в разбитом корыте!

Картинки в новой книжке были красивыми. Любка посчитала, что тоже сможет нарисовать такие, только не знала, на чём их рисовать. Однажды видела, как брат что-то чиркал в одной своей школьной тетрадке. "Значит, эта тетрадка ему не нужна", – решила она. Не стала дожидаться Ваську с улицы, раскрыла его портфель. Тетрадка нашлась быстро. Пригодились и спрятанные от Васьки под подушкой его же цветные карандаши. "Сварливую и жадную старуху я рисовать не буду, она плохая, – перевернула в книге несколько листов и увидела настоящую красавицу в сарафане и с яблоком в руке. – Вот эта тетенька хорошая. Ее и нарисую".

Закончить художества не удалось. Когда оставалось лишь раскрасить нарисованное, с улицы вернулся Васька. Он с порога увидел свою тетрадку в Любкиных руках и в два прыжка оказался рядом.

– Ты что наделала? – закричал он.

– Это твоя ненужная тетрадь, – пыталась оправдаться сестрёнка. – Ты в ней сам чиркал.

– Где я чиркал?

Любка перевернула лист назад и показала пальцем на чёрточки в столбиках примеров по арифметике:

– Вот, смотри!

Васька от возмущения потерял дар речи и, что есть силы, дёрнул тетрадку из Любкиных рук, но она очень крепко вцепилась в неё. Раздался треск разрываемой бумаги. В руках брата и сестры остались обрывки листов. Побить сестру Васька не решился, но пообещал:

– Если ты ещё раз самовольно возьмёшь что-то из моего портфеля, получишь – не посмотрю, что маленькая.

Отец купил нашкодившей дочке настоящий, только тоненький альбом для рисования и коробку цветных карандашей. Когда дочитал ей остальные сказки Пушкина, малышка снова взялась за художества.

– Гляди, Васька, что у меня получилось, – похвалилась она.

Брат глядел на Любкино творение и долго не мог определить, где изображен Балда-мужичок, а где бес, отдавший Балде оброк. Но для Любки это было уже не важно. Она, счастливая, летала по дому и взахлёб пересказывала всем содержание прочитанных сказок. Мать выслушала её внимательно, не поправляя. Подружка Таська хорошо знала эти сказки и с умным видом, перебивая, старалась вставить в пересказ свои замечания. Васькина крёстная тетя Нюра не знала таких сказок, слушала с улыбкой. Потом погладила восторженную и неугомонную девочку по головке:

– Надо же, какая у тебя память!

Сказки Пушкина стали последними из того, что прочитал Любке отец. Вскоре он сильно заболел. Отец лежал на кровати, на которой они устраивали чтения вслух.

Соседки шептались с матерью, повторяя слова "война", "увечья". Мать кивала головой, вытирала передником мокрые глаза и жалостливо поглядывала на отрешённое лицо лежащего супруга.

Любка узнала, что означает слово "болезнь", когда переболела ветряной оспой. Она выздоровела, только маленькие круглые вмятинки-оспинки, оставшиеся кое-где на руках и ногах, напоминали о болезни. Поэтому дочь с нетерпением ждала, когда отец тоже поправится и пригласит её на кровать слушать новую сказку. Но ему становилось всё хуже. Она видела страдания отца, бесполезных врачей около него, и уже не просила ни о чём. Вскоре он перестал говорить и лежал почти без движения. В один из таких страшных дней малышка подошла к кровати и тихо спросила:

– Пап, хочешь, я сама тебе почитаю? Отец медленно повернул голову, через силу улыбнулся и едва заметно ей кивнул. Любка открыла книжку пушкинских сказок и начала "читать" выразительно, как читал отец:

– Жил-был поп, толоконный лоб...

Дальше о попе и его работнике Балде стала пересказывать своими словами. Со стороны можно было поверить, что в сказке написано именно так, ведь девочка водила пальчиком под каждым словом и под каждой строчкой. К концу Любкиного "чтения" в глазах отца появились слёзы. Он заплакал от бессилия, что не может вслух оценить старания своей любимой дочери.

Когда отца не стало, синюю деревянную кровать из кухни убрали. И лишь в маленьком сердце Любки осталась память о читательских минутах, как о самых светлых и счастливых минутах раннего детства.

АЛЕКСАНДР ЛЫСЕНКО

Краснодар

Лысенко Александр Михайлович родился в станице Новопокровской Краснодарского края в 1957 году. После окончания средней школы поступил на математический факультет Кубанского университета по специальности "Прикладная математика" и в 1979 году окончил его.

Стихи пишет с детства, но нигде не публиковался, поэтому предлагаемая подборка – дебют в журнале "Краснодар литературный".

* * *

Душно мне в мире моём,
 Тесно.
 Он, как большой водоём
 Пресный.
 Жить можно в нём и не знать
 Горя,
 Только хочу я опять
 В море.
 В море, где солью глаза
 выест.
 Мой, запряжённый в азарт,
 Выезд
 Ветру в лицо бирюзой
 Брызнет
 Свежим напевом иной
 Жизни.
 Там я себя обрету
 снова,
 Переступив за черту
 Слова.
 Мысли и чувства воде
 Вверю.
 Море, поможешь ты мне?
 Верю.

* * *

Запах тихой летней ночи
 В волосах твоих,
 Кто увидел эти очи,
 Не забудет их.

В нежной, сказочной улыбке
 Тайна всех времён,
 Законом светом зыбким
 Профиль озарён.

Кто увидел это чудо,
 Кто в тот сад попал, –
 Или станет вмиг поэтом,
 Иль навек пропал.

* * *

Месяц, лёжа на спине,
 Улыбался небу,
 В той бездонной вышине
 Побывать и мне бы.

Я бы шороху навел
 В звёздной круговерти,
 Я бы всех с ума там свёл,
 В это уж поверьте.

Я б устроил карнавал
 Праздности и хмеля,
 Я бы звёздочки менял
 По семь штук в неделю.

Месяц гнёт дугою бровь –
 Рассердился, вижу.
 "Здесь, на небесах любовь,
 А бордель – пониже".

Брось, дружище, байки эти.
 Сердцем кто богат,
 И как ты, душою светел,
 Тот, как ты, рогат.

* * *

Светаёт. Заурчало в трубах,
Гора окурков, пуст графин.
Смотрю, как спит моя голуба –
Моя графиня из графинь.

Во сне дрожат её ресницы,
Улыбкой чуть кривится рот.
О чём тот сон, и что ей снится –
Кто этих женщин разберёт?

Им снится радужное детство,
Где, в окружении ребят,
Живущих с нею по соседству,
Соседский разоряет сад?

Иль снятся юности мгновенья
И магия признаний, фраз,
И робкие прикосновенья
И близость губ, и близость глаз?

Иль снятся ей просторы моря
И белоснежный теплоход –
По морю, с быстрым ветром споря,
Её к любимому несёт?

Иль снится ей венчанье в храме,
И кольца, и охапки роз,
Или, когда ребенок "мама"
Впервые внятно произнёс?

Проснулась милая. "Что снилось?" –
Её я поутру спросил.
"Что снилось? Я во сне молилась
О том, чтоб ты поменьше пил".

* * *

Как с гор вода весною талая,
Душа моя, когда-то шалая,
Теперь изрядно обветшала
Куда-то вниз влечёт меня.

Так, на закате солнце алое
Натруженное и усталое,
Пройдя дистанцию немалую,
Склоняется к исходу дня.

Что там за линией заката –
Награда ждёт или расплата,
Приобретенье иль утрата? –
Нам до поры не угадать.

Но, к сожалению, ребята,
Придёт для каждого когда-то
И очередь своя, и дата,
И маета, и благодать.

* * *

Ну что ж ты, матушка, ты мать
Моя Рассея!
Не прочитала ты, видать, у Моисея:
"Ни пред собою, ни внутри, –
Твердят скрижали, –
Кумира ты не сотвори".
А мы плевали.

Чуть что, и нового божка
Лик у кровати.
А после, отлежав бока,
Ждём благодати.
И хоть в окладе новый бог –
Чадит лампада,
И этот ничего не смог...
Так нам и надо.

* * *

Пусть нет в ней утончённости
Духовной и телесной,
Но с нею монолог вести
Легко и интересно.

Приветлива и искренна,
Верна мне без остатка,
Пускай не сыплет искр она,
Зато тепла в достатке.

И счастьем просто светит вся,
Когда встречает вечером,
На кухне вся извертится,
Пусть даже есть там нечего.

Таких, как ты, родимая,
Встречал совсем не много я.
Единственная ты моя,
Моя... четвероногая.

ГАЛИНА ЗАБЕЛА

Краснодар

ПРО ПРИНЦЕССУ-УРОДИНУ

Сказка

Когда-то не столь уж давно появилась на свете необыкновенная принцесса. А необычное в ней было то, что даже кошки при виде её лица в ужасе убегали прочь. Глаза принцессы были так далеко друг от друга, что напоминала она рыбу. Нос был крючком, как у попугая, подбородок торчал вверх, навстречу носу, а улыбка и того хуже, повергала всех в ужас. Ибо торчали зубы принцессы, как покосившийся забор, все в разные стороны. Когда улыбалась она, собаки выли, а дети плакали. Ко всему прочему, была принцесса очень худой. Колени её казались такими острыми, что можно было рубить ими деревья вместо топора.

При рождении королева-мать назвала её Анабель, но люди, которым показывали принцессу только на балах-маскарадах, где лицо её было скрыто под маской, прозвали принцессу Голубкой. Ибо белыми были её волосы, как крылья голубки.

Не красота была главным достоинством принцессы, а доброта и отзывчивость. Когда Голубка подросла, король с королевой заказали для дочери самую искусную, самую красивую маску. И заставили принцессу носить её, не снимая. Так Голубка смогла появляться на людях, не боясь, что все разбегутся, увидя, какая она безобразная. Многим помогала принцесса, и люди её любили.

Однажды пришёл король к дочери и сказал, что устроит он бал в честь её пятнадцатого дня рождения. Обрадовалась принцесса и стала готовиться к балу. Портнихи сшили для неё самое красивое белое платье, расшитое золотом и украшенное голубыми сапфирами, которые подходили к глазам Голубки. Они также сделали для неё маленькую белую сумочку и вышили на ней бриллиантовую голубку.

И вот приехали на бал гости. Принцесса вышла встречать их, не забыв надеть свою маску, и увидела принца такой необыкновенной красоты, что у каждого взглянувшего на него захватывало дух. Подошёл он к Голубке и пригласил её на танец. Заиграла дивная музыка. Свечи в высоких золотых канделябрах освещали бальную залу. Все кружились в вальсе. И счастлива была Голубка. Смотрел красавец-принц в её голубые глаза и видел чистые озёра лесной чащи у подножия снежных гор. Понравилась ему принцесса.

Но одна беда была у принца. Сестра его выросла такой коварной ведьмой, что гремучая змея казалась ласковым котёнком по сравнению с ней. Лицом она походила на лошадь, а глазами – на корову. Увидела злобная сестрица, что брата её вот-вот очарует принцесса Голубка, гордо прошла через весь зал, грубо расталкивая танцующие пары, и, подойдя к принцессе Голубке, сорвала с неё маску. Все ахнули. Музыка стихла. Гости стояли и потрясённо смотрели на уродливое лицо принцессы. А Голубка глядела на своего принца, которого успела полюбить всем сердцем. В его глазах было такое же потрясение, как и у остальных. Слезы покатались по щекам принцессы, и в отчаянии она убежала.

Что делать ей теперь, когда секрет раскрылся?! Все будут ненавидеть её, ведь она такая некрасивая! И решила Голубка бежать из дворца. Выбралась она за ворота из золота и направилась в сторону леса. Идёт по дороге и видит, сидит на вязанке дров дедушка. Голубка обратилась к нему и говорит:

– Добрый дедушка, вы верно устали нести такую тяжёлую вязанку хвороста. Давайте я вам помогу.

Дедушка улыбнулся и согласился. Пришли они в его домик на опушке леса, положила Голубка хворост возле камина, а дедушка ей и говорит:

– Есть у меня одна вещица, которую я сделал с большой любовью. Возьми её себе.

И достал из-за пазухи прекрасный дневничок с обложкой из голубого бархата, расшитой золотыми нитками, и отдал его Голубке.

Поблагодарила она дедушку за подарок, положила дневничок в свою белую сумочку и пошла дальше.

Шла долго ли, коротко ли, вышла к покосившейся заброшенной избушке.

– Вот здесь я и поселюсь! – решила принцесса и открыла скрипучую дверь.

Внутри оказалась небольшая комнатка. Светлая и уютная. Голубка села у окна и, достав дневничок, подаренный дедушкой, стала рассматривать его. На ветку за окном села ночная птица с длинным хвостом. Принцессе захотелось нарисовать эту птицу. Она нашла немного голубых ягод возле избушки, растолкла их и получила краску. Затем подобрала под деревом перо и стала рисовать. Делала она это с большой любовью. А когда закончила, нарисованная ею птица вдруг вспорхнула со страницы дневничка и вылетела в окно. Удивилась Голубка.

С тех пор, что бы она ни рисовала, это непременно оживало. Так поселила Голубка возле своей избушки много чудесных птиц и зверей, а под деревьями высадила чарующей красоты цветы, которые сама придумала и нарисовала. Вскоре молва о чудесной избушке, возле которой живут райские птицы и звери, а под деревьями благоухают цветы, разнеслась по свету. Многие люди стали приезжать посмотреть на чудесную избушку. Восхищаясь красотой, которую создавала Голубка, люди начали строить рядом свои дома. И вскоре у Голубки появилось множество добрых соседей, которым было неважно, что принцесса такая уродливая.

Оставим её пока рисовать дальше, а сами посмотрим, что же случилось с принцем, которого так полюбила Голубка. Он отправился в своё королевство. И с каждым днём становился всё черствее и злее, отравляемый ядовитыми речами его сестры-ведьмы. Начал он обижать своих подданных, несправедливо судить и наказывать их, и вскоре сам стал себе противен. Оставил он тогда королевство своей чудовищной сестре и ушёл странствовать. Куда бы ни приходил он, сеял только ненависть и горе.

И вот однажды встретил он дедушку с вязанкой дров. Покачал дедушка головой и сказал:

- Доброе сердце твоё зачерствело, душу твою отравила ненавистью твоя сестра-ведьма. Но знаю я, как излечиться ты можешь. Возьми это яблоко и съешь его.

Едва надкусил принц яблоко, как превратился в дикого зверя. Зарычал он от ужаса и бросился бежать. Пытался принц обратиться к людям за помощью, но они только били его камнями да палками. Голодный и обессиленный приполз он к порогу лесной избушки и упал без сил. Утром вышла Голубка и видит, лежит на земле страшный зверь. Посмотрела ему в глаза и всё поняла. Дала она зверю воды, накормила мясом. Снова почувял в себе силы принц в звериной шкуре. Зарычал и хотел кинуться на принцессу Голубку, чтобы сожрать. Но она увернулась и запрыгнула ему на спину. Крепко обняла за шею и прошептала:

– Знаю я, осталось в тебе ещё что-то человеческое. Превратись же обратно в человека, мой принц!

Страшно зарычал зверь и давай скакать по лесу, стараясь сбросить с себя Голубку. А она крепко держит его в своих объятьях, ни за что отпустить не хочет. Скакал он с ней так, пока вся злоба из него не вышла. Превратился тогда зверь обратно в принца. Открыл он глаза и со всей душой обнял свою спасительницу.

– согласишься ли ты стать моей женой? – с надеждой спросил он.

Голубка улыбнулась и согласилась.

Устроили они тогда прекрасную свадьбу, на которой гуляли все добрые люди. И жили принц со своей Голубкой сладко и счастливо.

Краснодар литературный

Литературно-художественный и общественно-публицистический журнал

№ 3(8), сентябрь 2022 г.

Корректоры Лидия Железовская, Зинаида Палиева

Подписано в печать.....20.09.2022.

Дата выпуска25.09.2022.

Формат А4 Бумага офсетная

Гарнитура Times New Roman

Печать офсетная

Тираж 500 экз.

* * *

Отпечатано: в ВД – У "Бумеранг"

Адрес типографии: г. Краснодар,

ул. Рождественская Набережная, 3

Издание журнала в бумажном варианте:

E-mail: skudarnovnf@gmail.com

Телефон: +7 905-408-40-82

Участники шестого Международного фестиваля искусств
"Степная лира – 2022"
(ст. Новопокровская, Краснодарский край)

Ты, солнце свитое, гори!
Как эта лампада блещет
перед искрами восходов зари,
так лодкаль мудрость мерцает и тлещет
перед солнцем бессмертвнм утра.
Да здравствует солнце,
да скроется тьма!

(А.С. Пушкин)

Литературно-художественный и общественно-публицистический журнал

